Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Дроздов Илья Сергеевич

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Специальность: 5.1.4. Уголовно-правовые науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
Кочои Самвел Мамадович

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ 17

1.1. Система преступлений экстремистской направленности 17

1.2. Вопросы обоснованности криминализации деяний экстремистской направленности в Российской Федерации 27

1.3. Опыт криминализации деяний экстремистской направленности в законодательстве отдельных зарубежных государств 67

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ 86

2.1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) 86

2.2. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) 115

2.3. Организация экстремистского сообщества (ст. 282^1 УК РФ) 145

2.4. Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (ст. 282^2 УК РФ) 171

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 197

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 209

Приложение 1 247

Приложение 2 249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования усматривается в том, что экстремизм выступает динамичным и крайне опасным явлением, угрожающим стабильности, безопасности и территориальной целостности государства. В Российской Федерации в настоящий момент наблюдается сложная политико-экономическая обстановка, обусловленная, в том числе, проведением специальной военной операции. Сопровождающий эти процессы рост социальной и политической напряженности создает благоприятную среду для активного распространения экстремистской идеологии как инструмента дестабилизации многонационального и многоконфессионального общества. Названные вызовы объективно обусловливают динамичное развитие уголовного законодательства и вызывают потребность в своевременной трансформации механизмов уголовно-правового регулирования. В свою очередь, интенсивное обновление норм требует не только комплексной оценки степени общественной опасности новых форм противоправных деяний, но и глубокого анализа юридико-технического качества, сбалансированности и внутренней непротиворечивости конструкций уголовно-правовых запретов.

Определяя приоритеты деятельности отечественных спецслужб, Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал экстремизм как «одну из линий атак на Россию», указав на попытки провоцирования конфликтов между представителями различных национальностей и вероисповеданий, и подчеркнул необходимость жесткого пресечения любых попыток разобщить общество[1]. Тем самым была поставлена задача по сосредоточению усилий правоохранительных органов на противодействии нарастающим информационным угрозам экстремистского характера.

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, рост количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2025 г.

---

[1] «Одна из линий атак на Россию». На коллегии ФСБ Путин призвал пресекать попытки разобщить российское общество // Российская газета. 2025. 27 февраля. URL: https://rg.ru/2025/02/27/vstrechnyj=nastroj.html (дата обращения: 28.02.2025).

увеличился практически в три раза по сравнению с показателями 2020 г. (2241 против 833). Количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за первое полугодие 2026 г. также показывает рост по сравнению с показателями предыдущего года (+39,1%)[2]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что количество совершаемых преступлений экстремистской направленности будет только расти.

Пространственно-территориальная характеристика преступности экстремистской направленности свидетельствует о наличии выраженной региональной спецификации данных посягательств, формирующей риски возникновения локальных и межрегиональных конфликтов.

В частности, для субъектов Северо-Кавказского федерального округа, отличающихся выраженным этническим и конфессиональным многообразием, ключевую угрозу продолжают представлять проявления религиозно-политического и этнонационального экстремизма[3]. В свою очередь, для крупных урбанизированных центров и мегаполисов (включая такие города, как Москва и Санкт-Петербург) характерна иная криминологическая специфика: здесь деструктивная активность преимущественно выражается в деятельности радикально настроенных молодежных объединений право- и леворадикальной ориентации, посягающих на общественный порядок и систему государственного управления.

Профильный Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее – Закон «О противодействии экстремистской деятельности») продолжает активно модернизироваться, что свидетельствует о непрерывном поиске законодателем оптимальных моделей противодействия проявлениям экстремизма. Динамичный характер законодательного регулирования и усложнение форм экстремистской

---

[2] Статистические данные состояния преступности: официальный сайт МВД России. URL: http://мвд.рф/reports/item/1609734/ (дата обращения: 21.07.2026).

[3] На Северном Кавказе задержали 15 религиозных экстремистов // Информационный портал РБК. 2024. 23 сентября. URL: https://www.rbc.ru/politics/23/09/2024/66f1145d9a7947b723c407cb (дата обращения: 15.02.2026).

активности обусловливают потребность в систематическом научном мониторинге и комплексной юридической оценке вносимых изменений.

Актуальной научной проблемой остается преодоление неопределенности границ круга деяний, охватываемых понятием «преступления экстремистской направленности». Формирование эффективного механизма противодействия рассматриваемой категории посягательств затруднено до тех пор, пока не будет четко верифицировано содержание самой правовой категории. Также существенной проблемой является юридико-техническое несовершенство диспозиций ряда статей УК РФ, выражающееся в размытости границ правового регулирования, а также в сложностях их отграничения с конкурирующими по составу преступлениями и смежными административными правонарушениями.

Отсутствие разъяснений высшей судебной инстанции по ряду принципиальных вопросов влечет за собой сохранение правовой неопределенности и отсутствие единообразия правоприменения. В связи с этим возникает необходимость формирования новых доктринальных и практических подходов, поскольку верная квалификация преступлений экстремистской направленности имеет ключевое значение и позволяет решить ряд существенных задач:

– отграничить уголовно наказуемые деяния от иных правонарушений;

– разграничить конкурирующие составы преступлений;

– обеспечить назначение виновному законного и справедливого наказания.

Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 года № 1124 [4] (далее – Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации), совершенствование законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики по-прежнему является одной из основных задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму, а научные исследования в сфере противодействия экстремизму являются инструментом ее реализации.

---

[4] Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, совершенствование законодательных формулировок, актуализация действующих норм УК РФ исходя из основных направлений государственной политики в сфере противодействия проявлениям экстремизма, обозначенных в Законе «О противодействии экстремистской деятельности» и Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, а равно повышение эффективности правоприменительной практики образуют актуальную проблематику, требующую самостоятельного доктринального исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросы уголовно-правового противодействия экстремизму, а также особенности уголовно-правовой оценки преступлений экстремистской направленности изучались в работах П.В. Агапова, С.В. Борисова, В.А. Бурковской, Ф.З. Велиева, В.Н. Воронина, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, А.В. Жеребченко, О.А. Зубаловой, Т.А. Корнилова, А.И. Коробеева, Р.О. Кочергина, В.С. Комиссарова, С.М. Кочои, А.А. Кунашева, Д.И. Леньшина, В.В. Лунеева, И.С. Макеевой, А.А. Можеговой, А.В. Наумова, А.В. Петрянина, Э.Ф. Побегайло, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, В.В. Ревина, А.В. Ростокинского, Д.Н. Саркисова, Е.П. Сергуна, А.Т. Сиоридзе, А.С. Скудина, Н.В. Степанова, Р.С. Тамаева, Р.М. Узденова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина, С.А. Юдичевой и других.

Высоко оценивая вклад этих ученых в развитие уголовно-правовой науки, необходимо учесть, что многие их выводы строились на устаревшем законодательстве и на той стадии судебной практики, которая тогда ему соответствовала. Сейчас общественные отношения меняются очень быстро, антиэкстремистское законодательство постоянно обновляется, а сами формы преступных посягательств становятся все сложнее и разнообразнее. Из-за этого перед уголовно-правовой наукой возникают новые вопросы, и данные вопросы подлежат новому осмыслению.

Цель настоящего исследования состоит в обосновании социальной обусловленности установления уголовной ответственности за совершение деяний экстремистской направленности и разработке основных направлений оптимизации уголовного законодательства в этой области.

Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1) рассмотреть научные подходы к распределению преступлений экстремистской направленности по группам и предложить собственный вариант их классификации;

2) выяснить, насколько оправдано с точки зрения социальных потребностей установление уголовной ответственности за деяния экстремистской направленности в Российской Федерации, опираясь на разработанные в науке уголовного права критерии криминализации;

3) определить главные факторы, из-за которых преступления экстремистской направленности особенно опасны для общества;

4) изучить зарубежный опыт уголовно-правового регулирования ответственности за такие деяния и определить возможность его заимствования в российском уголовном праве;

5) подготовить обоснованные с научной точки зрения предложения по улучшению законодательных конструкций и формулировок норм УК РФ, которые предусматривают ответственность за преступления экстремистской направленности.

Объектом диссертационного исследования выступает совокупность общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений экстремистской направленности, законодательным установлением и реализацией уголовной ответственности за данные посягательства.

Предметом исследования являются нормы Конституции Российской Федерации, международные нормативные правовые акты, российское и зарубежное уголовное законодательство, российское законодательство об административных правонарушениях, акты судебного толкования, материалы судебно-следственной практики, а также научные работы по исследуемой теме.

Акцент в исследовании сделан на отдельных составах преступлений, изложенных в статьях гл. 29 УК РФ, таких как ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), ст. 282 УК РФ («Возбуждение

ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»), ст. 282^1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества») и ст. 282^2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации»). То, что в качестве основных в рамках исследования были выбраны именно эти статьи, объясняется их ключевым положением в системе отечественного антиэкстремистского законодательства. Они составляют нормативную основу уголовно-правового механизма противодействия преступлениям экстремистской направленности и задают основные ориентиры государственной политики по защите основ конституционного строя и безопасности государства.

Так, запреты, содержащиеся в статьях 280 и 282 УК РФ, отражают важнейшие международно-правовые стандарты, касающиеся криминализации экстремистских проявлений. Поэтому они особенно значимы для сравнительно-правового анализа. При этом ст. 282 УК РФ остается одной из самых дискуссионных в доктрине. Это связано с ее частыми видоизменениями, а также с неоднозначностью практики ее применения.

Нормы статей 282^1 и 282^2 УК РФ устанавливают ответственность за наиболее опасные формы экстремистской деятельности – организованные. Таким образом, они позволяют пресекать коллективные и сетевые проявления экстремистской активности уже на ранних стадиях.

Помимо этого, выбор этих составов преступлений объясняется их высокой значимостью для науки. Статьи 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ широко обсуждаются в российской уголовно-правовой литературе, посвященной противодействию преступлениям экстремистской направленности, и именно в отношении них ведется наибольшее количество теоретических и прикладных исследований. То, что отдельные аспекты этих норм уже достаточно хорошо изучены, но их толкование по-прежнему вызывает споры, подтверждает, что выбор именно их в качестве основного предмета исследования является наиболее актуальным.

Методология и методы исследования. В работе опора сделана на всеобщий диалектический метод познания социально-правовых явлений и процессов, иные

общенаучные методы научного познания, такие как анализ и синтез, системно-структурный метод. Помимо этого, использовались специально-юридические и специально-социологические методы: историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, опрос и другие.

Историко-правовой подход позволил проследить, как складывалось и трансформировалось российское уголовное законодательство, предусматривающее ответственность за преступления экстремистской направленности.

Сравнительно-правовой метод был необходим, чтобы сопоставить отечественные способы противодействия преступлениям экстремистской направленности с тем, как проявлениям экстремизма противостоят в некоторых зарубежных государствах.

Системно-структурный метод применялся при изучении антиэкстремистского законодательства как целостной и взаимосвязанной системы уголовно-правовых запретов, а также при разработке авторской классификации преступлений экстремистской направленности.

Формально-юридический и лингвистический методы использовались для разбора правовых конструкций составов преступлений, закрепленных в статьях 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ, а также актов их официального судебного толкования.

Социологические методы были задействованы при исследовании криминологического портрета лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, отношения общества к таким деяниям, а также при проведении собственного анкетирования, чтобы понять, как профессиональное сообщество оценивает государственную правовую политику в этой сфере.

Теоретическую базу, ввиду комплексного характера темы исследования, составили труды отечественных ученых в области общей теории права, уголовного и административного права, а также криминологии и социологии.

Нормативная база исследования представлена Конституцией Российской Федерации, международными правовыми актами, действующим отечественным уголовным и административным законодательством и их историческими аналогами, иными нормативными правовыми актами, в частности, Законом «О

противодействии экстремистской деятельности», указами Президента Российской Федерации, уголовным законодательством отдельных зарубежных государств.

Эмпирическую базу исследования образуют изученные автором материалы 120 уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности (приговоры и иные судебные акты, вынесенные преимущественно в 2017–2026 гг.); статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2020–2025 гг. и ГИАЦ МВД России за 2020–2026 гг.; материалы периодических изданий и сети «Интернет»; результаты социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и результаты проведенного автором в 2025 г. анкетирования преподавателей юридических вузов, представителей правоохранительных органов и практикующих адвокатов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что ее результаты заметно расширяют теоретические знания в части понимания того, как социально обусловлена криминализация деяний экстремистской направленности. Обоснована идея кумулятивной общественной опасности таких деяний, что усиливает теоретико-методологическую основу социальной обусловленности уголовно-правового запрета экстремистской активности. Предложена теоретически обоснованная система преступлений экстремистской направленности. Сформулированные автором положения и выводы укрепляют научную базу для дальнейшего изучения проблем противодействия экстремизму и совершенствования уголовно-правовой политики Российской Федерации.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем сформулированы конкретные научно обоснованные предложения по оптимизации законодательных конструкций статей 280, 282, 282^1 и 282^2 УК РФ. Сформулированные соискателем рекомендации по квалификации преступлений экстремистской направленности и устранению правоприменительных коллизий могут быть непосредственно использованы в практической деятельности судебных и правоохранительных органов, а также в рамках подготовки актов официального судебного толкования. Кроме того, материалы диссертационного исследования

могут быть внедрены в учебный процесс в высших юридических учебных заведениях при преподавании дисциплин уголовно-правового профиля.

Научная новизна исследования состоит в том, что на основе всестороннего анализа социальной обусловленности криминализации деяний экстремистской направленности показано, что ряд уголовно-правовых запретов уже не соответствует современным проявлениям экстремистской активности. Это позволило иначе посмотреть на привычные пределы уголовно-правовой репрессии данных деяний. Раскрыто содержание социальной обусловленности криминализации деяний экстремистской направленности, которое определяет их специфику и задает основные нормативные и криминологические ориентиры уголовно-правовой охраны общественных отношений. Выявлена четкая совокупность факторов, определяющих общественную опасность преступлений экстремистской направленности. Предложена авторская система таких преступлений, построенная на критериях, отражающих способы и степень проявления экстремистских признаков в структуре уголовно-правовых норм.

Основные положения, выносимые на защиту, достаточно полно представлены в рукописи работы и в научных статьях, опубликованных соискателем. К ним относятся следующие определения, выводы и предложения:

1. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение деяний экстремистской направленности должна определяться не только общими критериями криминализации (степень общественной опасности деяний, их распространенность и др.), но и актуальными социально-демографическими и технологическими факторами, включая высокую степень уязвимости несовершеннолетних к деструктивному идеологическому воздействию. Так, в условиях развития цифровой среды, применения скрытых методов вовлечения и стадийной сетевой вербовки, объективная потребность противодействия экстремистской активности требует осуществления уголовно-правового реагирования, направленного на минимизацию рисков вовлечения несовершеннолетних в экстремистские структуры.

2. Разработана система преступлений экстремистской направленности, в основу которой положена дифференциация посягательств по четырем критериям:

– *преступления, представляющие собой объективное выражение экстремистских намерений вовне* (статьи 280, 282, 282^1, 282^2, 282^3, 282^4 УК РФ);

– *преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие нормальные межнациональные, межэтнические, межконфессиональные связи в обществе, суверенитет, функционирование конституционного строя, единство и территориальную целостность Российской Федерации* (статьи 136, 148, 212, 239, 277, 278, 279, 280^1, 280^2, 280^4, 354^1, 357 УК РФ);

– *преступления, составы которых имеют мотивы ненависти или вражды в качестве конструктивного либо квалифицирующего признака* (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 167, п. «д» ч. 2 ст. 207^3, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ);

– *преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, не включенным законодателем в конструкцию конкретного состава преступления*.

3. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности, обуславливающая установление уголовной ответственности за их совершение, определяется несколькими системными факторами:

1) *широкое информационное воздействие* – такие действия рассчитаны на охват неограниченного круга лиц, а публичные каналы связи дают возможность быстро распространять экстремистские материалы, моментально их размножать и оказывать глубокое деструктивное воздействие на общественное сознание;

2) *высокая степень организованности* – обычно экстремистская активность ведется группами или сетевыми объединениями, где есть прочные связи между участниками, разделение функций и общий центр управления;

3) *связь с насилием* – для экстремистской среды типично не просто использование насилия, но и его постоянное оправдание, продвижение и подталкивание к жестким способам борьбы, что превращает такие действия в прямую угрозу жизни, здоровью и физической неприкосновенности людей;

4) *социально-субъектная направленность* – целенаправленная ориентация экстремистских структур на вовлечение в деструктивную деятельность несовершеннолетних.

4. Признание социальной группы охраняемой уголовным законом группой должно быть обусловлено установлением следующих юридически значимых обстоятельств:

– существование устойчивой общественной группы как реального множества лиц, объединенных объективно существующим социально значимым признаком (профессиональным, имущественным, должностным, образовательным и т.д.);

– наличие у данной группы признака уязвимости, под которой понимается повышенная вероятность подвергаться проявлениям ненависти или вражды, а также систематическому унижению достоинства по признаку своей групповой принадлежности.

5. Разработаны рекомендательные положения, определяющие дифференцированный подход к квалификации действий руководителей, организаторов (создателей) и рядовых участников (членов) экстремистских сообществ и экстремистских организаций по сбору финансовых средств и организации материально-технического обеспечения для данных преступных формирований:

1) для руководителей и организаторов (создателей) экстремистских структур: *приискание финансовых средств и организация материально-технического обеспечения для экстремистского сообщества либо экстремистской организации выступают непосредственной формой реализации организационно-распорядительных функций их руководителя либо организатора (создателя). При этом диспозиции и санкции ч. 1 ст. 282[1] и ч. 1 ст. 282[2] УК РФ полностью охватывают материально-обеспечительный аспект указанной деятельности. В связи с этим для данных лиц не требуется дополнительная квалификация содеянного по ст. 282[3] УК РФ*;

2) для рядовых участников (членов) экстремистских структур: *действия по сбору финансовых средств или организации материального обеспечения для*

экстремистского сообщества либо экстремистской организации выходят за рамки ординарной деятельности их участника (ч. 2 ст. 282[1] и ч. 2 ст. 282[2] УК РФ), формируя самостоятельный вектор общественной опасности преступной деятельности, и подлежат квалификации по совокупности преступлений со ст. 282[3] УК РФ.

6. Отдельные положения уголовного законодательства в части противодействия преступлениям экстремистской направленности содержат недостатки, основные из которых заключаются в следующем:

– установление в ст. 280 УК РФ ответственности за публичные призывы к совершению не только преступлений экстремистской направленности, но и иной (в том числе административно наказуемой) деятельности, не являющейся преступной, что нарушает критерий достаточной степени общественной опасности криминализируемого деяния и создает межотраслевую коллизию;

– нормативная избыточность конструирования ч. 2 ст. 280 УК РФ, выраженная в наличии в качестве квалифицирующего признака использования сети «Интернет» и иных информационно-телекоммуникационных сетей, что в условиях тотальной цифровизации общества приводит к нивелированию его дифференцирующего значения ввиду отсутствия качественного возрастания степени общественной опасности деяния;

– нормативная избыточность использования в конструкции ч. 1 ст. 282 УК РФ административной преюдиции и специальной судимости (по статьям 280, 282, 282[4] УК РФ) в качестве оснований привлечения лица к уголовной ответственности, приводящая к криминализации деяний исключительно по формально-количественному критерию повторности при отсутствии качественного возрастания их общественной опасности;

– неполнота законодательной дифференциации ответственности в статьях 282[1] и 282[2] УК РФ, заключающаяся в отсутствии квалифицирующего признака, отражающего повышенную степень общественной опасности действий по вовлечению несовершеннолетних в деятельность экстремистских сообществ и организаций.

7. К числу наиболее эффективных направлений развития уголовного законодательства зарубежных государств в сфере противодействия преступлениям на почве ненависти относятся:

– законодательная регламентация исчерпывающего перечня способов совершения публичных призывов к дискриминации, вражде или насилию, а также формализация четких объективных критериев публичного характера противоправных призывов (Франция, Канада, Индия);

– дифференциация уголовной ответственности с учетом повышенной общественной опасности вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность (Федеративная Республика Германия, Республика Азербайджан);

– установление специальных квалифицирующих признаков, отражающих повышенную опасность совершения преступлений экстремистской направленности в местах культового назначения и проведения религиозных обрядов (Индия).

8. В отношении ст. 280 УК РФ предлагается ограничить сферу действия статьи исключительно призывами к совершению преступлений экстремистской направленности; нормативно закрепить исчерпывающий перечень способов совершения преступления; исключить из числа квалифицирующих признаков использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»; дополнить следующими квалифицирующими признаками: использование своего служебного положения; совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний; совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

9. В отношении ст. 282 УК РФ предлагается исключить такие основания привлечения лица к ответственности как наличие у него административного наказания за совершение аналогичного деяния либо судимости за совершение преступления, предусмотренного статьями 280, 282, 282^4 УК РФ; дополнить следующими квалифицирующими признаками: использование средств массовой

информации; совершение преступления в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

10. Предлагается ввести в статьи 282^1 и 282^2 УК РФ квалифицированный состав преступления, предусматривающий ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в деятельность экстремистского сообщества (экстремистской организации); исключить руководителей и организаторов (создателей) экстремистского сообщества (экстремистской организации) из числа субъектов, подлежащих освобождению от уголовной ответственности в соответствием с примечаниями к статьям 282^1 и 282^2 УК РФ.

Степень достоверности результатов исследования. Степень достоверности результатов диссертационного исследования подтверждается научной методологией и методами исследования, использованными эмпирическими материалами и статистическими данными.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования апробированы на двух всероссийских научно-практических конференциях (III Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» – г. Екатеринбург, 29 марта 2024 г.; IV Всероссийская научно-практическая конференция «Правосудие современности» – г. Екатеринбург, 02 апреля 2025 г.).

Основные положения, концептуальные выводы и рекомендации диссертационного исследования отражены в пяти научных статьях в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук, из перечня, рекомендованного ВАК.

Представленные в диссертации научно-прикладные подходы также прошли апробацию в ходе осуществления соискателем адвокатской деятельности при оказании квалифицированной юридической помощи.

Структура диссертационного исследования определяется его целью и задачами, и состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

1.1. Система преступлений экстремистской направленности

Исследованию вопросов обоснованности уголовно-правового запрета деяний экстремистской направленности и разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности должен предшествовать анализ структуры, содержания и объема системы преступлений экстремистской направленности.

Кроме того, необходимо определить, какое место в данной системе занимают преступления, выбранные нами в качестве предмета диссертационного исследования, предусмотренные статьями 280, 282, 282[1], 282[2] УК РФ.

Согласно официальным[5] и доктринальным[6] определениям, экстремизм, с одной стороны, представляет собой деструктивную идеологию, а с другой – практику ее реализации. Следовательно, экстремизм можно условно разделить на две взаимосвязанные категории: экстремистскую идеологию и ее воплощение в активных формах (экстремистскую деятельность).

Таким образом, первостепенное значение в определении понятия «экстремизм» вытекает из понимания «экстремистской идеологии». Стратегия по противодействию экстремизму в Российской Федерации, в частности, понимает под ней «совокупность взглядов и идей, пропагандирующих насильственные и

---

[5] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму : заключена в г. Астане 9 июня 2017 г.

[6] См., напр.: Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 243; Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 26.; Асмандиярова Н.Р., Гарифуллина Р.Ф. Соотношение понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности // Аграрно-земельное право. 2023. № 1 (217). С. 126.

иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов и противоречий».

Что касается понятия «преступления экстремистской направленности», являющегося одним из способов осуществления экстремистской деятельности[7], то, на наш взгляд, а также согласно превалирующей в доктрине позиции[8], они представляют собой систему преступлений, выделяемых по определенным признакам, в частности, мотивам лица и объектам посягательства. В связи с этим, считаем необходимым представить содержание преступлений экстремистской направленности именно через систему преступлений, выделенную по определенным признакам.

Закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в настоящее время понимает под экстремистской деятельностью (экстремизмом) множество противоправных деяний: возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме и др., регулирование которых осуществляется отнюдь не только уголовным законодательством. Как справедливо отметил Е.П. Сергун, единственно допустимыми и научно обоснованными критериями отнесения деяния к категории преступлений экстремистской направленности могут быть исключительно те признаки и характеристики, которые прямо закреплены в действующих нормах уголовного закона[9].

В действующем законодательстве категория «преступления экстремистской направленности» формируется прежде всего через мотивационный признак. Согласно примечанию 2 к ст. 282[1] УК РФ, к ним относятся любые преступления, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Кодекса, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или

---

[7] Осипов В.А. Экстремизм, экстремистская деятельность и преступления экстремистской направленности: понятия, содержание и соотношение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 4 (42). С. 37

[8] Представлены в настоящем параграфе.

[9] Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 127-128.

религиозной ненависти либо вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Можно сделать вывод, что преступления экстремистской направленности не ограничиваются строго определенным набором статей Особенной части УК РФ. Напротив, это подвижная правовая конструкция, поскольку экстремистский оттенок может появиться почти в любом составе преступления, если у виновного есть нужный мотив.

В первой редакции ст. 282^1 УК РФ, существовавшей до изменений, внесенных Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ, был закреплен закрытый перечень таких преступлений. В части 1 прямо указывалось, что к ним относятся только деяния, предусмотренные конкретными нормами Особенной части: статьями 148, 149, частями 1 и 2 ст. 213, статьями 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ, если они совершены по соответствующим мотивам.

Позднее законодатель сознательно отказался от этого исчерпывающего списка статей и заменил его более общей отсылочной формулировкой. Тем самым он фактически признал, что экстремистская мотивация способна «окрашивать» практически любое преступление, что выходит далеко за рамки первоначально перечисленных составов преступлений, и сделал перечень преступлений экстремистской направленности практически неограниченным.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11[10] (далее – Постановление № 11) в п. 2 содержит примерный перечень преступлений экстремистской направленности. К ним, по мнению высшей судебной инстанции, могут быть отнесены преступления, указанные в статьях 280, 280^1, 282, 282^1, 282^2, 282^3 УК РФ, п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ и др.

Показательно, что Верховный Суд РФ относит к «типичным» преступлениям экстремистской направленности составы, предусмотренные статьями 280 и 282 УК

[10] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «Консультант Плюс».

РФ, хотя их диспозиции формально не требуют обязательного установления специального мотива ненависти или вражды.

В научных исследованиях отмечается, что распространение экстремистских материалов с целью возбудить неприязнь либо унизить достоинство граждан может быть мотивировано не идеологическими убеждениями лица, а, например, финансовой выгодой[11]. Так, лицо может заниматься распространением листовок радикального содержания исключительно ради денежного вознаграждения, не поддерживая при этом содержащихся в них идей.

Как справедливо указано в доктрине, под экстремизмом следует понимать не только деяния, которые совершаются по соответствующему мотиву, но также и посягательства, в которых «экстремистский мотив проявляется в сущности самого деяния»[12].

Иллюстрацией такого подхода служит конкретное дело из практики Верховного Суда РФ.

ФИО был осужден по ч. 1 ст. 205[2] и ч. 2 ст. 280 УК РФ за публикацию текста, содержащего прямые призывы к вооруженной борьбе против лиц определенной религиозной принадлежности. Суд первой инстанции дополнительно вменил ФИО как отягчающее обстоятельство совершение преступления по мотивам религиозной вражды. Верховный Суд РФ исключил его, указав, что мотив религиозной вражды уже полностью поглощен конструкцией ч. 2 ст. 280 УК РФ как признак состава преступления[13].

Актуальная позиция высшей судебной инстанции однозначно свидетельствует о том, что деяния, криминализированные ст. 280 УК РФ, содержат в своей нормативной конструкции имманентно присущий им экстремистский

---

[11] См., напр.: Хлебушкин А.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Уголовное право. 2011. № 6. С. 59; Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности: позиция Пленума // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 12.

[12] Грачева Ю.В., Палий В.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя / отв. ред. Молчанов Д.М. М.: Проспект, 2014. С. 47.

[13] Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2018 г. № 205-АПУ18-23 // СПС «Консультант Плюс».

характер. Соответственно, отнесение данного состава к категории экстремистских исключает необходимость самостоятельного вменения лицу мотива национальной, расовой или иной ненависти (вражды) в качестве отягчающего обстоятельства при квалификации его действий.

Указанный догматический подход последовательно реализован и в ведомственном нормативно-правовом регулировании. В частности, совместные директивные межведомственные акты Генеральной прокуратуры и МВД России, регламентирующие порядок ведения государственного единого статистического учета преступности, относят составы ст. 280 УК РФ (наряду с нормами ст. 280^1, $282–282^3$, 357 УК РФ, а также квалифицированными составами посягательств на личность и общественный порядок – п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) к группе преступлений экстремистской направленности безусловно, то есть без необходимости установления каких-либо факультативных юридических условий[14].

Мы поддерживаем включение определенных деяний в перечень преступлений экстремистской направленности безотносительно к мотивам, которыми руководствовалось лицо.

Такой подход соответствует широкому пониманию экстремизма, которое закреплено в Законе № 114-ФЗ: здесь противоправность не сводится только к внутренним побуждениям человека. Если же рассматривать экстремистские преступления лишь как проявление личных мотивов виновного, то это необоснованно сужает применение ст. 282^1 УК РФ. Например, если заранее не признавать экстремистскую природу деяний, перечисленных в статьях 280 и 282 УК РФ, то при оценке действий организаторов и участников таких объединений возникает неопределенность. Ведь подобные действия могут совершаться субъектами и без мотивов ненависти или вражды.

---

[14] Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25 июня 2024 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // СПС «Консультант Плюс».

Именно поэтому ориентировочные перечни, приведенные в Постановлении № 11 и в совместных разъяснениях Генпрокуратуры и МВД России, имеют важное методическое значение. Они позволяют правоприменителю смотреть не только на мотивы, но и на внешние признаки самого деяния.

Интерес с научной точки зрения вызывает понятие «проявления экстремизма», приведенное в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, которое включает в свой объем «общественно опасные противоправные действия, совершаемые по мотивам ненависти или вражды по признакам политической, идеологической, расовой, языковой, национальной или религиозной принадлежности либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы или представителей органов публичной власти, способствующие возникновению или обострению межнациональных (межэтнических), межконфессиональных и региональных конфликтов, угрожающие конституционному строю Российской Федерации, суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации или направленные на умышленное искажение истории, реабилитацию нацизма, а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти».

Особенностью данных положений является перенос концептуального акцента с субъективной стороны противоправных деяний на их объект. Приоритетное значение придается охране системы общественных отношений, включающей суверенитет, региональную стабильность и единство многонационального народа Российской Федерации, которые подвергаются деструктивному воздействию в результате экстремистской активности. Также здесь отдельно отмечается, что к данной категории относятся действия, направленные на умышленное искажение истории и реабилитацию нацизма. Формулировка «а также иные публичные действия, направленные на разжигание ненависти», если рассматривать ее с точки зрения уголовного права, говорит о том, что к экстремизму относятся действия, имеющие специальную цель – разжигание ненависти. Таким образом, данное понятие способно существенным образом повлиять на выстраивание системы преступлений экстремистской направленности.

Научную ценность представляют имеющиеся в уголовно-правовой доктрине подходы к систематизации посягательств рассматриваемой категории. В частности, С.Н. Фридинский систематизирует преступления экстремистской направленности по трем самостоятельным группам:

– «чистые» (собственно) экстремистские преступные деяния (статьи 280, 282, 282^1, 282^2 УК РФ), ключевым признаком которых выступает детерминированность действий субъекта исключительно экстремистскими побуждениями[15];

– иные преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ, если обязательным или квалифицирующим условием их совершения выступил соответствующий мотив;

– преступления террористического характера, расцениваемые автором в качестве наиболее опасного, крайнего проявления экстремистской активности[16].

В рамках доктринальной систематизации посягательств рассматриваемой группы А.В. Петрянин опирается на сочетание двух ключевых критериев: специфики видового объекта преступного посягательства и содержания мотивов виновного. На основе указанных признаков ученый дифференцирует преступления экстремистской направленности по трем самостоятельным блокам:

– преступления, посягающие на состояние защищенности общества (состояние общественной безопасности), к которым автором относятся такие преступления террористической направленности, как захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организация незаконного вооруженного формирования и массовые беспорядки (статьи 205–205^5, 206–208, 212 УК РФ);

– преступные деяния, подрывающие основы конституционного строя и безопасности государства. Данную группу образуют составы, криминализирующие создание противоправных объединений, посягательства на государственных деятелей, вооруженный мятеж, публичные призывы

---

[15] Автор подчеркивает, что в рамках первой группы законодатель подвергает криминализации не идеологию экстремизма как таковую, а конкретные общественно опасные формы ее внешнего выражения.

[16] Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 10.

экстремистского характера, создание экстремистских сообществ и организаций, а также финансирование экстремисткой деятельности (статьи 239, 277–280[1], 281–282[3] УК РФ);

– преступления, нарушающие международно-правовые устои мира и безопасности человечества, к которым отнесены реабилитация нацизма, геноцид, а также нападения на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой (статьи 354[1], 357, 360 УК РФ)[17].

Аналогичной позиции о первостепенности видового объекта и мотивов посягательства для корректной дифференциации рассматриваемых составов придерживается и А.С. Ахметшин[18].

Развивая идею дифференциации норм на основе соотношения объективных и субъективных элементов состава, Е.В. Алехин предлагает подразделить исследуемые посягательства на четыре категории:

– преступные деяния, содержащие в себе исключительно признаки преступлений экстремистской направленности (ст. 280, 280[1], 282–282[3] УК РФ);

– преступления террористической направленности, выступающие предельно опасной (крайней) формой проявления экстремизма;

– преступления, приобретающие экстремистскую направленность в силу наличия мотива идеологической, расовой, национальной или иной ненависти (вражды) в качестве конструктивного или квалифицирующего признака;

– преступные деяния, объективные признаки которых изначально не отражают экстремистской направленности, однако признаваемые таковыми при наличии отягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ[19].

---

[17] Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 215.

[18] Ахметшин А.С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. С. 40.

[19] Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности // Полицейская деятельность. 2018. № 4. С. 30-31.

Исходя из вышеприведенных доктринальных перечней преступлений экстремистской направленности, полагаем, что при разрешении вопроса об отнесении тех или иные преступлений к категории преступлений экстремистской направленности, позиция ученых состоит в том, что, помимо субъективной составляющей, необходимо учитывать, каким общественным отношениям наносится ущерб при их совершении.

При формировании содержания и объема системы преступлений экстремистской направленности необходимо опираться на два ключевых источника: Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», содержащий определение «экстремистской деятельности (экстремизма)», а также Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации, содержащую ряд концептуальных положений.

Легальная дефиниция экстремистской деятельности, закрепленная в профильном Законе «О противодействии экстремистской деятельности», демонстрирует широкий подход законодателя. Нормативное понятие охватывает не только деяния, детерминированные мотивами ненависти или вражды, но и комплекс иных общественно опасных проявлений: от публичных деструктивных призывов, разжигания социальной, расовой, национальной или религиозной розни и распространения нацистской символики до пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности лиц по указанным признакам, а также финансовой поддержки экстремистских структур.

Нормативное единство публично-правового регулирования проявляется в том, что как Закон «О противодействии экстремистской деятельности», так и Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации едины в отнесении к числу ключевых экстремистских угроз противоправных посягательств, направленных на подрыв конституционных устоев и нарушение территориальной целостности государства.

Указанное позволяет относить к преступлениям экстремистской направленности преступные деяния, предусмотренные статьями 280, 282, 282^1 282^2, 282^3 и 282^4 УК РФ.

Мы не разделяем подход Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», который включает террористическую деятельность в состав экстремизма. Ряд исследователей, напротив, механически объединяют эти категории[20], однако мы солидарны с позицией тех авторов, которые настаивают на их принципиальном разграничении.

В частности, А.Г. Хлебушкин обоснованно указывает, что терроризм является самостоятельным правовым и фактическим явлением, обладающим собственной нормативной базой (отдельный Федеральный закон «О противодействии терроризму»[21], обособленная система статей главы 24 УК РФ) и качественно иным уровнем общественной опасности[22].

Включение Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» таких деяний, как публичное оправдание терроризма или иное содействие террористической деятельности, в перечень экстремистских проявлений создает межзаконодательный конфликт и размывает границы между двумя различными угрозами общественным отношениям[23]. На наш взгляд, подобное расширение понятия экстремизма противоречит системному построению российского антитеррористического законодательства и должно быть устранено путем приведения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в соответствие с профильным антитеррористическим законом.

Учитывая изложенное, полагаем, что систему преступлений экстремистской направленности образуют следующие преступления:

– преступления, представляющие собой объективное выражение экстремистских намерений вовне (статьи 280, 282, 282^1, 282^2, 282^3, 282^4 УК РФ);

---

[20] См.. напр.: Зварыгин В.Е., Кондаков А.С. Уголовно-правовые проблемы классификации преступлений экстремистской направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. Т. 32. № 2. С. 363-368.

[21] Федеральный закон «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.

[22] Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 7-8.

[23] Макеева И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. С. 116.

– преступления, посягающие на общественные отношения, обеспечивающие нормальные межнациональные, межэтнические, межконфессиональные связи в обществе, суверенитет, функционирование конституционного строя, единство и территориальную целостность Российской Федерации (статьи 136, 148, 212, 239, 277, 278, 279, 280^{1}, 280^{2}, 280^{4}, 354^{1}, 357 УК РФ);

– преступления, составы которых имеют мотивы ненависти или вражды в качестве конструктивного либо квалифицирующего признака (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117, п. «а» ч. 2 ст. 119, ч. 2 ст. 167, п. «д» ч. 2 ст. 207^{3}, п. «б» ч. 1 ст. 213, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ);

– преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, не включенным законодателем в конструкцию конкретного состава преступления.

Стоит отдельно отметить, что непосредственным объектом составов преступлений, предусмотренных ст. 354^{1} УК РФ («Реабилитация нацизма»), являются общественные отношения, обеспечивающие историческую память и национальное единство, а также уважение к государственным символам воинской славы Российской Федерации, поэтому считаем необходимым включить его в данный перечень.

В рамках настоящего диссертационного исследования мы сосредоточим свое внимание на преступлениях, предусмотренных статьями 280, 282, 282^{1}, 282^{2} УК РФ, в которых законодатель криминализировал объективную составляющую проявления экстремизма. К тому же, законодательные формулировки именно этих статей, на наш взгляд, подлежат дальнейшим законодательным изменениям.

1.2. Вопросы обоснованности криминализации деяний экстремистской направленности в Российской Федерации

Под криминализацией деяний некоторые ученые понимают процесс признания законодателем определенного действия (бездействия) преступным и

установления за него уголовной ответственности[24]. При этом другие ученые при определении криминализации деяний делают акцент на самом процессе выявления спектра общественно опасных деяний[25]. В.Н. Кудрявцев объединяет данные понятия, считая криминализацию как процессом, так и результатом признания деяний преступными[26].

Подобный синтезированный подход подчеркивает, что криминализация – это не произвольный акт законодательной воли, а строго выверенная государственная деятельность. Ее легитимность и адекватность напрямую зависят от научной обоснованности вводимых запретов. Под обоснованностью этого процесса мы понимаем показатель соответствия уголовно-правовых запретов современным вызовам, встающим перед складывающимися в обществе отношениями. При этом для определения масштаба угроз необходимо исследовать не только опасность отдельно взятых деяний, но также их типовую характеристику, а также их глобальное влияние на общественные отношения[27].

Криминализация деяний, равно как и их декриминализация, являются, по мнению научного сообщества, одним из основных элементов уголовно-правовой политики государства[28], а также крайне важной и ответственной процедурой, поскольку законодателем при этом решается вопрос о возможности привлечения лиц к уголовной ответственности, что подразумевает применение к ним максимальных санкций, которые имеются в арсенале у государства. В связи с этим

---

[24] Зыков Д.А., Шеслер А.В. Понятие, основания и принципы криминализации и декриминализации деяний // Вестник Владимирского юридического института. № 1 (26). 2013. С. 85.

[25] Голик Ю.В., Коробеев А.И. Преступность – планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 24.

[26] Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М.: Наука, 1982. С. 17.

[27] Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 202-210; Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления: современный аспект // Право и управление. 2022. № 9. С. 208.

[28] Коробеев А.И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. Владивосток, 1987. С. 48-50.

конструирование новых уголовно-правовых норм, а равно анализ ныне действующих, должны опираться на систему доктринально и практически разработанных критериев криминализации[29].

Исследование данного вопроса требует обращения к их сущности. Так, в работах Н.А. Беляева данные критерии интерпретируются как основные идеологические установки, выступающие ориентиром для законодателя. Именно эти концептуальные идеи позволяют в рамках определенных исторических реалий квалифицировать те или иные социальные проявления как преступные, формируя тем самым границы уголовно-правового запрета[30].

В теории уголовного права выдвигаются различные перечни критериев криминализации. Так, например, Ю.А. Митюкова отмечает следующие свойства преступных деяний: значительная по степени и характеру общественная опасность; распространенность на практике; доказуемость в установленном уголовном процессе порядке; неэффективность, исчерпанность иных, неуголовных средств противодействия[31].

При анализе доктрины, посвященной вопросам криминализации, можно выделить наиболее полный перечень критериев криминализации деяний, который, на наш взгляд, должен выглядеть следующим образом:

1) криминализируемое деяние должно быть общественно опасным;

2) деяние должно иметь достаточную степень распространенности;

3) ожидаемые положительные последствия от его криминализации должны превышать отрицательные последствия;

4) криминализация не должна противоречить как Конституции и действующему праву России, так и ее международным соглашениям;

5) криминализация не должна противоречить нормам нравственности;

---

[29] См.: Шутова А.А. Социальная обусловленность в уголовном праве: теоретические основы // Виктимология. 2025. Т. 12, № 2. С. 274-284.

[30] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Ленинград: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1986. С. 71-72.

[31] Митюкова Ю.А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты: дисс. … канд. юрид. наук – М., 2019. С. 25.

6) криминализация также должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах;

7) криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер[32].

Последний критерий отражает фундаментальный принцип экономии уголовной репрессии (принцип ultima ratio – применения уголовного закона как крайнего средства). Излишнее расширение сферы регулирования уголовного законодательства может привести к чрезмерному ограничению прав и свобод граждан, в то время как недостаточная криминализация деяний – к росту преступности и дестабилизации общества. Данный баланс определяет вектор уголовно-правовой политики государства, важнейшим элементом которой и выступает криминализация.

Включение новых деяний в сферу уголовно-правового регулирования представляет собой специфическую форму правотворчества, развивающуюся по классическому двухстадийному алгоритму. Первоначально формируется объективный социальный запрос на правовую регламентацию, который, проходя через фильтр общественного и государственного сознания, оформляется в осознанную потребность. Вторым этапом выступает непосредственная деятельность компетентных органов по воплощению данной потребности в конкретные законодательные конструкции, наделяющие абстрактную идею статусом общеобязательной регулирующей нормы [33] . Необходимость фундаментальной аргументации при установлении или отмене уголовного запрета продиктована многофункциональностью законодательства. Уголовно-правовые нормы не просто регулируют текущие общественные отношения, оберегая их от

---

[32] См.: Курс российского уголовного права. Общая часть / Российская акад. наук, Ин-т государства и права; сост.: С.В. Бородин и др.; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 2001. С. 22.

[33] Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Бек, 1995. С. 108-109.

преступных посягательств, но и выступают инструментом их планомерной трансформации, задавая вектор социального развития[34].

Системное выражение указанных критериев и стадий описывает социальную обусловленность криминализации деяний, под которой в научной литературе понимается наличие в обществе «действительной потребности в уголовно-правовом регулировании»[35], «объективного запроса на регулирование уголовно-правовыми средствами определенных общественных отношений» [36] и «объективной необходимости в уголовно-правовой охране наиболее важных общественных отношений» [37] . Как справедливо указала Н.А. Лопашенко, «провозглашенные Конституцией РФ права и свободы личности ничто без их правовой регламентации и защиты различными отраслями права, в том числе и уголовным»[38].

При этом, достижение социальной обусловленности напрямую связано с реализацией основных целей криминализации деяний, к которым традиционно относятся:

1) защита общественных интересов. Это означает, что криминализация определенного деяния должна выполнять функции защиты жизни, здоровья, имущества, прав и свобод граждан, а также обеспечивать безопасность общества.

2) предупреждение совершения преступлений. Угроза уголовного наказания должна служить сдерживающим фактором для потенциальных правонарушений.

3) поддержание правопорядка. Криминализация деяний должна способствовать укреплению законности и стабильности в обществе.

---

[34] Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М.: Наука, 1982. С. 190.

[35] Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний: монография. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. С. 38.

[36] Бегишев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робото-техникой: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2022. С. 59.

[37] Бодаевский В.П. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности и наказания военнослужащих // Lex russica. 2020. Т. 73, № 6. С. 99.

[38] Лопашенко Н.А. Уголовно-правовая охрана конституционных прав и основ личности // Защита прав личности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей / Под ред. Н.А. Лопашенко, С.А. Шейфера. Сер. Права человека: сферы реализации. Вып. 2. Саратов, 2003. С. 11.

Синтезируя изложенные доктринальные подходы, а также проецируя систему критериев и целей криминализации на сферу охраны конституционного строя от экстремистских угроз, мы можем прийти к следующему обобщению. На наш взгляд, под социальной обусловленностью криминализации деяний экстремистской направленности следует понимать *комплексный показатель, отражающий необходимость уголовно-правовой охраны общественных отношений от угроз экстремизма, учитывающий общественную опасность деяний экстремистской направленности, степень их распространенности, соответствие международно-правовым стандартам и конституционным принципам, необходимость мер уголовно-правового воздействия и достаточность иных мер правового воздействия, а также объективную потребность общества и государства в недопущении дестабилизации конституционного строя, снижении социальной напряженности в обществе и мирном сосуществовании различных категорий населения*.

Традиционно антиэкстремистское законодательство, направленное на охрану основных институтов государства, позиционируется как сфера приоритетной правовой регламентации. Тем не менее, анализ некоторых норм позволяет констатировать разрыв между научно обоснованными критериями установления уголовного запрета и их фактическим воплощением в диспозициях статей УК РФ. Наблюдается определенное несоответствие между теоретическими положениями криминализации и законодательной техникой формирования «экстремистских» составов.

Реализация указанных доктринальных критериев применительно к преступлениям экстремистской направленности имеет выраженную специфику, обусловленную повышенной важностью объекта правовой охраны с одной стороны, и наличием неоднозначных формулировок, допускающих избыточно широкое толкование – с другой. Специфика экстремистских угроз требует от законодателя высокой правотворческой точности: уголовно-правовой барьер должен быть достаточно прочным для защиты конституционного строя, но при этом не превращаться в инструмент избыточного ограничения гражданских свобод

и политического дискурса. В связи с этим, каждый из выделенных критериев криминализации в плоскости противодействия преступлениям экстремистской направленности приобретает особое методологическое содержание. Рассмотрим их более подробно, оценив степень соответствия действующих норм отечественного уголовного законодательства научно обоснованным критериям установления уголовного запрета.

1. Криминализируемое деяние должно быть общественно опасным.

Преступление – это не просто нарушение закона, а действие (бездействие), которое причиняет или может причинить существенный вред общественным отношениям. Как отмечает А.И. Рарог, «социальная вредность является материальным признаком преступления, который определяет его сущность»[39].

Для верного установления общественной опасности деяния Н.А. Беляев обращает внимание на необходимость установления следующих обстоятельств:

– ценность блага, которому причиняется ущерб в результате его совершения;

– характер посягательства (способ его совершения);

– характер и размер причиненного деянием вреда;

– личность причинителя вреда (возраст, должностное положение и др.);

– характер психического отношения лица к своим действиям (бездействию), а также к их последствиям;

– мотивы и цели, при которых деяние совершается;

– иные обстоятельства, сопутствующие совершению деяния, такие как время, место, обстановка и др.[40]

Общественная опасность деяния должна иметь место не только в теории, на что обращал внимание еще Н.Д. Дурманов[41]. Таким образом, в процессе рассмотрения вопроса об отнесении деяний к преступлениям экстремистской направленности необходимо определить и дать верную оценку влиянию

---

[39] См.: Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. С. 41.

[40] Беляев Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации: монография. Ленинград, 1986. С. 72-75.

[41] Дурманов Н. Д. Понятие преступления. Москва, Ленинград: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. С. 160.

соответствующего деяния на общественные отношения, защищаемые уголовным законодательством.

Опасность преступлений экстремистской направленности надлежит оценивать с учетом опасности для общества самого экстремизма как явления, беря в расчет последствия, к которым в будущем способно привести их совершение, в частности, перерастание социальной напряженности в общественные беспорядки и совершение террористических актов. Так, И.С. Макеева характеризует экстремизм как явление, «которое своим существованием затрагивает интересы всего общества», и в этом плане экстремизм можно назвать одной из основных угроз для общественных отношений[42].

Что касается способа совершения преступлений экстремисткой направленности, можно отметить, что внешне довольно часто они проявляются в виде насильственных действий либо призывов к ним. При этом сопряженность с насилием существенно повышает их общественную опасность.

Экстремистские формирования, приведенные в статьях 282^1 и 282^2 УК РФ, объективно характеризуются высокой степенью общественной опасности и, безусловно, требуют уголовно-правового регулирования. На степень общественной опасности таких структур, прежде всего, влияют их принципы, установки и методы преступной деятельности. Анализируя судебную практику, можно привести следующие примеры: «использование силовых методов борьбы для создания «чистого исламского общества» посредствам «джихада»» [43] , «пропаганда абсолютного превосходства адептов течения «<данные изъяты>» по сравнению с другими людьми» [44] , «разрушение моральных устоев общества, нравственных ценностей человека»[45]. Также на степень общественной опасности экстремистских

---

[42] Макеева И.С. О криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 4 (22). 2015. С. 50

[43] Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-369/2024 от 20 апреля 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/WHzpBjL8Ksxw/.

[44] Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону по делу № 1-151/2025 от 20 апреля 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/Y3K8ATvLh569/.

[45] Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края по делу № 1-217/2025 от 14 августа 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/9pt5IDA8uLgO/.

формирований влияет характер совершаемых ими преступлений, их тщательное планирование[46], а также то обстоятельство, что в их противоправной деятельности усматривается системность с высоким уровнем организованности – как правило, имеются руководители и рядовые участники с четким распределением ролей. Такие преступные структуры способны причинить существенный вред общественным отношениям, распространяя экстремистские идеи и привлекая к совершению преступлений новых последователей.

Так, по одному из дел суд установил, что ФИО организовал экстремистское сообщество совместно с лицами, разделяющими его идеи, с целью проведения силовых акций – «белых патрулей», направленных на нападение и применение насилия в отношении лиц кавказской национальности. Сообщество состояло из лидера, его заместителя и активных участников. Члены сообщества осуществляли подбор новых участников движения, сбор денежных средств на поддержание и развитие сообщества, продвигали себя в социальных сетях, налаживали связи с фанатскими движениями. Также судом было установлено, что по мотиву национальной ненависти было совершено умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни, лицу неславянской национальности[47].

Степень общественной опасности деяний должна коррелировать с потенциалом деструктивных установок, в частности, экстремистского характера, к автономному распространению в социальной среде. В связи с этим, нельзя обойти вниманием преимущественно публичные способы совершения преступлений экстремистской направленности.

Деструктивный потенциал преступлений экстремистской направленности во многом определяется «информационным эхом», которое может надолго дестабилизировать правосознание неограниченного круга лиц. Эволюция механизмов совершения таких деяний от локальной агитации к технологически обеспеченному массовому воздействию на сознание людей (размещение

---

[46] Аминов Д.И., Оганян Р.Э. Молодежный экстремизм: монография / под науч. ред. Р.А. Адельханяна. М., 2005. С. 41.

[47] Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1-26/2017 от 6 апреля 2017 г. // https://sudact.ru/regular/doc/b7OAgUQrNRgt/.

материалов на различных публичных ресурсах, массовая рассылка сообщений и др.) объективно требует признания широкого охвата аудитории одним из ключевых критериев оценки степени их общественной опасности. Информационный масштаб в данном контексте выступает инструментом трансформации частного акта в социально опасное явление.

Перетекание экстремизма в цифровую среду обусловило ряд законодательных изменений, в частности, появление новых квалифицирующих признаков. Однако наличие в антиэкстремистских статьях, в частности, в ст. 280 УК РФ, использования Интернета в качестве квалифицирующего признака должно вызывать серьезные вопросы на предмет целесообразности, поскольку само по себе использование интернет-ресурсов еще не свидетельствует о большей степени общественной опасности деяния по сравнению с другими способами публичного распространения информации. Тенденции проявления экстремизма в интернет-пространстве, исходя из анализа правоприменительной практики, свидетельствуют о неоднозначности нынешнего правового регулирования.

Для иллюстрации данного тезиса целесообразно сравнить две типичные ситуации, которые на практике получают принципиально разную уголовно-правовую оценку.

В первом случае лицо, подвергшись импульсу негодования после прочтения новостной публикации в немногочисленном паблике социальной сети, оставляет под ней один эмоциональный комментарий, который носит оскорбительный либо побуждающий к противоправной деятельности характер. Какая-либо дополнительная деятельность по целенаправленному распространению этой информации им не осуществляется.

Во втором случае лицо тщательно готовится к выступлению перед широкой аудиторией с экстремистскими лозунгами: разрабатывает текст выступления, изготавливает печатные материалы для раздачи, организует массовое собрание с привлечением множества участников, принимает меры конспиративного характера, распространяет экстремистские идеи, рассчитывая на широкий резонанс своей речи среди значительной аудитории.

Парадокс действующего регулирования заключается в том, что в первой ситуации деяние лица будет квалифицировано по ч. 2 ст. 280 УК РФ ввиду использования им сети «Интернет», тогда как во второй, при отсутствии электронных средств коммуникации, квалификация ограничивается базовым составом – ч. 1 ст. 280 УК РФ.

Сравнение двух типичных ситуаций распространения экстремистских идей показывает, что такое законодательное решение представляется довольно спорным с точки зрения соблюдения принципов справедливости и дифференциации уголовной ответственности.

Во-первых, степень общественной опасности таких деяний явно не соответствует тяжести уголовно-правовых последствий. В первой ситуации речь идет об импульсивном, единичном акте с зачастую крайне ограниченным кругом воспринимающих лиц и минимальным потенциалом реального вреда. Во второй – о целенаправленной и планомерной деятельности, направленной на непосредственное воздействие на значительную аудиторию и создание реальной угрозы защищаемым общественным отношениям. В итоге лицо, написавшее комментарий, ставится в более тяжкое положение по отношению к лицу, которое сознательно организует массовое мероприятие и методично распространяет экстремистские идеи.

Во-вторых, такой квалифицирующий признак, как использование сети «Интернет», в данном случае превращается в формальный критерий, не отражающий реального повышения степени общественной опасности деяния. Один комментарий в малопосещаемом паблике с небольшой аудиторией автоматически будет влечь более строгое наказание, чем организованное публичное выступление перед множеством людей. Это нарушает требование соразмерности наказания характеру и степени общественной опасности деяния и приводит к чрезмерной криминализации относительно малозначительных по своей общественной опасности действий.

Данное обстоятельство требует концептуального переосмысления квалифицирующих признаков ст. 280 УК РФ в рамках оптимизации антиэкстремистского законодательства (подробнее об этом в следующей главе).

Также определенной критики заслуживает система квалифицирующих признаков ст. 282 УК РФ, которая не в полной мере учитывает повышение степени общественной опасности преступлений экстремистской направленности в зависимости от способа их совершения. Так, вопросы вызывает то обстоятельство, что задействование лицом при совершении преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, средств массовой информации, не образует собой квалифицированный состав преступления. Подобное нивелирование специфики медийного ресурса не в полной мере соответствует критерию степени общественной опасности при криминализации деяний и игнорирует особый институциональный статус СМИ в механизме формирования общественного сознания.

Квалифицирующие признаки преступления должны отражать объективное приращение вредоносности деяния при определенных обстоятельствах. В контексте ст. 282 УК РФ использование СМИ характеризуется сразу несколькими аспектами, которые выделяют его из общего массива размещения информации деструктивного содержания в публичном пространстве.

В отличие от иных источников информации, профессиональные медиа-платформы обладают высоким статусом легитимности и доверия в глазах аудитории. По сравнению с сообщениями и публикациями от частных лиц в мессенджерах или социальных сетях, контент, транслируемый через официальные публичные ресурсы, воспринимается аудиторией как верифицированный и социально значимый. Таким образом, психологический эффект от «официального источника» кратно усиливает деструктивное воздействие экстремистского материала.

К тому же, СМИ обладают гораздо большим охватом аудитории, что предоставляет им лучшие возможности массового воздействия на сознание людей, зачастую недоступные отдельным субъектам в рамках стандартных интернет-площадок без применения специальных алгоритмов продвижения.

Говоря о личности экстремистов, являющейся еще одним показателем общественной опасности деяний, согласимся с М.Ф. Мусаелян, отметившей, что «вряд ли можно дать единую универсальную социально-психологическую характеристику личности экстремиста, так как понятие «экстремистский тип личности» является неоднозначным и трудно поддается четкому определению»[48]. Однако ею был отмечен целый ряд устойчивых свойств личности, характеризующих лиц с экстремистскими наклонностями, в число которых входят презрение, неспособность к состраданию, отчужденность от общественных ценностей, самооправдание своих противоправных поступков, слепая вера в правоту своих идеалов и активная идентификация определенных категорий людей как «врагов»[49]. Также отмечаются такие особенности личности преступника-экстремиста, существенно повышающие общественную опасность их деятельности, как фанатизм, групповая преступная активность и ориентация на насилие[50].

Другие ученые, изучающие данную проблематику, также отмечают, что по результатам их исследований выявлена принципиальная особенность личности лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, заключающаяся в том, что абсолютное большинство из них не раскаивается в содеянном, считая свои действия правильными, и выражают готовность вновь совершить подобные деяния[51].

Таким образом, устойчивые особенности личности экстремистов предопределяют, что ни устоявшиеся нормы морали, ни угрозы общественного порицания не способны в должной мере контролировать их поведение, поскольку их взгляды находятся в жесткой конфронтации с правилами общественной жизни.

---

[48] Мусаелян М.Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) // Адвокат. 2010. № 6. С. 22.

[49] Там же. С. 26-27

[50] См.: Магомедов Г.Б., Рашидов Ш.М., Мусалов М.А. Психологический образ личности экстремистов с точки зрения уголовного права и криминологии / // Аграрное и земельное право. 2024. № 5 (233). С. 334.

[51] См., напр.: Петрянин А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 4 (20). С. 106.

Так, по одному из дел, ФИО обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ в связи с тем, что он на своей странице в социальной сети разместил негативные высказывания в отношении группы «православные христиане». В его высказываниях звучали утверждения о том, что «православные достойны смерти и уничтожения». ФИО не признал себя виновным, сообщив суду, что не имел цели унижения достоинства христиан и возбуждения к ним ненависти, а в своих высказываниях «изложил правду»[52].

Когда речь идет о преступлениях экстремистской направленности, особое внимание здесь традиционно отводится мотивам и целям, которыми руководствовалось лицо при их совершении. Н.Д. Дурманов отмечал, что «мотив и цель преступления играют большую роль при определении характера преступного деяния и степени его опасности»[53].

Законодатель последовательно имплементирует мотивы идеологической, национальной, религиозной и прочей нетерпимости в структуру квалифицированных составов целого ряда деяний (в частности, в диспозиции статей 105, 111, 112, 115 и 119 УК РФ). Подобный подход свидетельствует о признании законодателем факта наличия у лица экстремистской мотивации как обстоятельства, резко повышающего его деструктивность, что требует соразмерного ужесточения карательных мер.

Полагаем, что мотивы и цели, при которых совершаются те или иные деяния, безусловно, важны, но предание им ключевого значения для отнесения деяний к категории преступлений либо административных нарушений (разъяснения такого порядка содержатся в п. 8 Постановления № 11), выглядит весьма сомнительно. Ряд ученых указывает на порочность подхода, в соответствии с которым общественная опасность деяния презюмируется самим фактом наличия у лица экстремистского мотива[54]. Такой подход может привести к чрезмерной теоретизированности

---

[52] Приговор Соломбальского районного суда города Архангельска № 1-156/2020 от 06 июля 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/.

[53] Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 163-164.

[54] См., напр.: Королев Ю.А. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности // Юридическая наука. 2020, № 8. С. 55.

уголовного законодательства, от чего также сильно страдает практическая составляющая (реализация уголовного закона).

Молодежь и цифровая среда

Уровень общественной опасности преступлений также может определяться категорией граждан, в отношении которых они совершаются, особенно если это касается наиболее уязвимых групп населения. К одной из таких российское уголовное право традиционно относит несовершеннолетних лиц. Распространение экстремистских идей среди молодежи в настоящее время является крайне серьезной проблемой для государства, особенно остро эта проблема встает в связи с развитием цифровой среды.

Так, согласно данным Совета безопасности РФ, в первом полугодии 2026 г. отмечен рост числа подростков, которые совершили преступления террористической и экстремистской направленности (с 88 до 196 случаев и с 62 до 87 случаев соответственно), что, прежде всего, связывают с вербовочными мероприятиями со стороны иностранных спецслужб. Также в Российской Федерации возросло количество не достигших совершеннолетнего возраста участников организованных групп и преступных сообществ, (с 233 до 415 человек)[55]. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин отметил насущность проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность[56].

А.Г. Масалов определяет молодежь как социальную группу, которая имеет определенный набор физиологических, психологических, социальных, биологических и экономических признаков [57] . Многие ученые определяют молодежь как еще не сформировавшихся личностей, «становящихся субъектов

[55] Совбез сообщил о росте подростковой преступности с начала 2026 года // Информационный портал РБК. 2026. 14 июля. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a564abd9a794718316053a3 (дата обращения: 20.07.2026).
[56] СКР зафиксировал рост подростковой преступности на 9% в 2026 году // Коммерсантъ. 2026. 30 июня. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8780563 (дата обращения: 20.07.2026).
[57] Масалов А.Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. № 2. 2012. С. 110.

социальных отношений»[58], что, на наш взгляд, определяет их уязвимость к психологическому и идеологическому воздействию.

Отмечается, что радикальные взгляды и идеи наиболее быстро приживаются именно среди молодого поколения, обладающего серьезным протестным потенциалом негативного характера[59].

Можно выделить несколько основных факторов, которые влияют на восприимчивость молодежи к экстремистским идеям:

1) Сложности в социализации из-за низкой востребованности молодых людей на рынке труда ввиду отсутствия у них требуемого опыта работы. Некоторые ученые среди основных факторов отмечают «неравенство социального положения по сравнению со взрослыми»[60].

2) Множество различных сект и организаций, основная цель которых состоит в том, чтобы вовлечь молодежь и навязать им неправильные ценностные ориентации. Отмечается, что такие организации часто существуют под видом спортивных секций и военно-патриотических клубов, руководители которых осуществляют «промывку мозгов» молодежи[61].

3) Широкие возможности современной компьютерной коммуникации для пропаганды экстремистских воззрений[62]. В настоящее время молодежь активно

---

[58] Зубок Ю.А., Ростовская Т.К., Смакотина Н.Л. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе // Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина. – М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА». 2016. С. 9.

[59] Довгяло В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. 2018. № 1. С. 22; Агапов П.В., Смыслова В.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 6. С. 857-858.

[60] Валеев А.Х. Причины молодежного экстремизма в России // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. № 2. С. 128.

[61] В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации делается особый уклон на усиление контроля за деятельностью спортивных школ и клубов спортивных единоборств, осуществление учета обучающихся (занимающихся) в этих школах и клубах, проведение проверок соблюдения отраслевого законодательства.

[62] Сухаренко А. Экстремизм не пройдет! // ЭЖ-Юрист. 2013. № 30. С. 14.; А.В. Демина, Ю.Н. Маторина. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-технологий в условиях новых вызовов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 91.

пользуется цифровыми средствами коммуникации, что значительно упрощает способы воздействия на них.

4) Пропаганда среди молодых мусульман России идей религиозного экстремизма (так называемый «исламский фактор»)[63];

5) Пропаганда идей правового националистического экстремизма среди молодых людей русской национальности, что находит свое отражение в деятельности организаций, лозунгом которых является «Россия для русских!»[64].

С.Н. Фридинский к причинам высокой подверженности российского общества экстремизму относит отсутствие единой социально-политической концепции, идеологии, которая могла бы способствовать объединению общества[65], что, как мы полагаем, в первую очередь ставит под удар молодежь.

Психологические механизмы вовлечения несовершеннолетних в экстремистские структуры включают воздействие на мотивационно-потребностную сферу личности: удовлетворение потребности в принадлежности к группе, преодоление кризиса идентичности, эффект социальной доказанности («все так думают») и когнитивный диссонанс, разрешаемый через принятие экстремистской идеологии.

Что касается цифровой среды, многие исследователи относят ее к основным источникам трансляции радикальных идей и вовлечения молодежи в экстремистские формирования[66]. Причинами этому, помимо прочего, называют отсутствие у молодежи цифровой грамотности, в связи с чем в отношении них

---

[63] Кузин В.Н. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму: учебное пособие. 2022. С. 15-16.

[64] См.: Кочои С.М. О противодействии экстремизму // Уголовное право. 2006. № 2. С. 103-106.

[65] Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. С. 67.

[66] См., напр.: Хамурзов А.Т. Преступность в сфере информационно-коммуникационных технологий как проблема информационного общества // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15, № 4. С .267; Чимаров С.Ю., Алексеев А.А. Онлайн-радикализация как социальное явление чрезвычайной ситуации криминального характера // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 78; Красиков В.И., Фоменко Е.В., Яцеленко Б.В. Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды: проблемы правовой оценки и противодействия // Государство и право. 2024. № 3. С. 147-156.

проводится планомерная нормализация экстремистских идей [67] . Также стоит отметить, что виртуальное общение все чаще заменяет подросткам реальное.

Интернет-пропаганда экстремизма среди молодежи эффективна в том числе за счет использования методов, релевантных для восприятия молодым поколением. К таким методам чаще всего относят мемы, видеоролики, фейковые новости, внедрение элементов игры («геймификация»), которые маскируются под «безобидный» контент[68].

Особую опасность представляет стадийный процесс вербовки через цифровую среду, построенный по принципу сетевого маркетинга. На первом этапе происходит знакомство в открытых группах или через интернет-ботов, где вербовщик находит общие интересы с пользователями. На втором этапе формируется доверие через личную переписку в закрытых чатах или каналах. На третьем этапе осуществляется постепенная радикализация: от «мягкой» критики общества к оправданию насилия и прямым призывам к участию в экстремистских формированиях.

Вирусность и алгоритмические рекомендации цифровых платформ автоматически продвигают контент, соответствующий интересам пользователя. Алгоритмы социальных сетей формируют «пузыри фильтров», где нейтральные запросы о национальной идентичности, социальной справедливости или «запрещенных темах» быстро приводят к экстремистским рекомендациям. Также значимым фактором интернет-среды является мгновенная масштабируемость – один короткий видеоролик может за часы охватить миллионы несовершеннолетних пользователей.

---

[67] Славинская А.К. Молодежный экстремизм в современной России: проблемы, решения, перспективы : дис. … канд. юрид. наук. Новосибирск, 2025. С. 38.

[68] См.: Хабинов С.К. Криминалистическая характеристика молодежного экстремизма в эпоху цифровых технологий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 4 (115). С. 236.; Кондратюк С.В., Саламов Р.Д. Криминолого-криминалистическая профилактика экстремизма (на материале новых субъектов Российской Федерации). Часть 1. Теоретические основы криминолого-криминалистической профилактики экстремизма // Социальное управление. 2025. Т. 7. № 3. С. 122.

В связи с этим, считаем необходимым поставить вопрос о том, почему законодатель, предусмотрев в ч. 2 ст. 205^1 УК РФ в качестве квалифицирующего признака осуществление склонения, вербовки или иного вовлечения в совершение таких преступлений как участие в террористическом сообществе или террористической организации несовершеннолетнего, не сделал этого в статьях 282^1 и 282^2 УК РФ по примеру некоторых зарубежных стран (подробнее об этом в следующей главе).

2. Криминализируемое деяние должно иметь достаточную степень распространенности.

При обосновании социальной обусловленности уголовно-правовых запретов одно из ключевых значений имеет концепция распространенности и повторяемости деяний как необходимого социально-криминологического основания их криминализации. Н.Д. Дурманов указывает, что объем вероятного ущерба охраняемому объекту определяется не только единичным актом посягательства, но и фактором его массовой распространенности[69]. В рамках этой концепции Г.А. Злобин отметил, что возможная повторяемость выступает необходимым качеством любого деяния, признаваемого законом преступлением[70]. Н.А. Лопашенко также отмечает высокую значимость данного критерия криминализации деяний [71]. Данные утверждения является абсолютно справедливыми. Для оценки необходимости криминализации того или иного деяния, недостаточно оценивать его как таковое, в отрыве от статистических показателей его распространенности. При единичных случаях проявления, и в отсутствие данных о том, что подобные деяния могут получить широкую степень проявления в ближайшем будущем, нет никакого смысла в перегрузке уголовного законодательства. Также необходимо учитывать то, что такие действия (бездействие) вполне могут получить уголовно-правовую оценку на основании уже действующих норм уголовного

---

[69] Дурманов Н.Д. Понятие преступления. С. 161.

[70] См.: Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л. и др. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. М.: Наука, 1982. С. 218.

[71] Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика: монография. СПб: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 288-289.

законодательства. Так, например, распространенность нападений в целях хищения чужого имущества, сопряженных с насилием, создало объективную необходимость отдельно предусмотреть уголовную ответственность за разбой (ст. 163 УК РФ), выделив его как отдельную форму хищения[72].

Рассматривая проблему распространенности экстремизма, А.Г. Хлебушкин предлагает опираться на дуалистический подход, сочетающий количественные показатели и качественную характеристику (категорию тяжести). Опираясь на ретроспективный анализ статистических данных *(около полутора сотен преступлений экстремистской направленности ежегодно согласно данным за 2003, 2004, 2005 годы – И.Д.)*, исследователь отмечает парадоксальную ситуацию: при относительно невысоком общем числе зарегистрированных инцидентов основная их масса представлена деяниями небольшой и средней тяжести. Данное обстоятельство заставляет автора задаться вопросом о правомерности наделения действий экстремистской направленности статусом уголовно наказуемых, ставя под сомнение адекватность их криминализации[73].

В данном случае мы вынуждены не согласиться с автором, так как полагаем, что степень тяжести преступлений не имеет ключевого значения для анализа их распространенности.

Также, если посмотреть на статистические данные ГИАЦ МВД РФ за последние несколько лет, то можно отметить заметную тенденцию роста регистрируемых преступлений террористического характера, а также преступлений экстремистской направленности[74].

год	преступления террористического характера	рост по сравнению с прошлым годом	преступления экстремистской направленности	рост по сравнению с прошлым годом
2020	2342	+29,7%	**833**	+42,4%
2021	2136	-8,8%	1057	+26,9%

[72] Правда, следует признать, что не все исследователи считают разбой формой хищения. См., напр.: Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 2000.
[73] Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 156.
[74] Статистические данные состояния преступности: официальный сайт МВД России. URL: http://мвд.рф/reports/item/1609734/ (дата обращения: 21.02.2026).

2022	2233	+4,5%	1566	+48,2%
2023	2382	+6,7%	1340	-14,4%
2024	3714	+55,9%	1719	+28,3%
2025	5920	+59,4%	**2241**	+30,4%

Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД РФ, рост количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2025 г. увеличился практически в три раза по сравнению с показателями 2020 г. При этом необходимо отметить, что данное обстоятельство частично объясняется изменением состава деяний, входящих в перечень преступлений экстремисткой направленности. В доктрине имеет место позиция о том, что увеличение роста преступлений экстремистской направленности объясняется чрезмерным ужесточением антиэкстремистского законодательства[75].

Таким образом, в настоящее время распространенность преступлений экстремисткой направленности в России явно и недвусмысленно свидетельствует о том, что криминализация данных деяний вполне обоснована. Объем совершаемых преступлений говорит о том, что экстремизм как явление в настоящее время требует пристального внимания со стороны государства.

Количественный критерий, на наш взгляд, также вполне допустим при оценке обоснованности наличия в статьях уголовного закона квалифицирующих признаков преступлений. Так, если состав подавляющего большинства совершаемых преступлений содержит в себе квалифицирующий признак, может ставиться вопрос об обоснованности его наличия в статье. Примером в данном случае может служить наличие в ч. 2 ст. 280 УК РФ такого квалифицирующего признака, как использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» (подробнее об этом в следующей главе).

В уголовно-правовой науке обоснованно обращается внимание на обратные социально-негативные последствия криминализации повсеместно

[75] Королев Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности : дисс. … канд. юрид. наук - Екатеринбург, 2022. С. 59.

распространенных деяний, способных заблокировать нормальную работу органов юстиции в силу невозможности процессуального реагирования на каждый факт нарушения запрета. В доктрине подчеркивается, что подобная практика неизбежно провоцирует либо ограничительное толкование диспозиций уголовно-правовых норм с целью искусственного сдерживания объема уголовных дел, либо создает предпосылки для избирательного применения права, при котором бремя уголовной репрессии в первую очередь возлагается на социально уязвимые категории граждан, лишенных эффективных ресурсов для защиты от уголовного преследования[76]. Тем не менее, данная теоретическая установка не может быть применима к сфере уголовно-правового противодействия деяниям экстремистской направленности, поскольку как на национальном уровне, так и в рамках международного правопорядка сформирована жесткая позиция о том, что деструктивная природа экстремизма исключает возможность его декриминализации, требуя непрерывного и бескомпромиссного уголовного контроля вне зависимости от масштабов его распространения.

3. Ожидаемые положительные последствия от криминализации деяния должны превышать отрицательные последствия.

Криминализация деяний – это серьезный шаг, который требует взвешенного подхода. Процесс введения уголовной ответственности за те или иные деяния всегда предполагает поиск баланса между защитой общественных отношений и ограничением свобод личности. Ожидаемые положительные последствия должны не только существовать, но и значительно превышать возможные отрицательные. Только в этом случае криминализация будет являться инструментом защиты интересов общества, а не становиться орудием неоправданного ущемления свобод. Соблюдение критерия пропорциональности – это залог справедливого и эффективного правового регулирования.

Среди важных функций, которые выполняет введение уголовной ответственности, можно отнести следующие:

---

[76] Пермяков Ю.Е. Введение в основы уголовной политики: учебное пособие. Самара: Самарский университет, 1993. С. 29.

– общепревентивная функция – предупреждение совершения новых общественно опасных посягательств посредством установления уголовно-правового запрета и угрозы применения государственного принуждения;

– гарантийная функция – обеспечение реального состояния защищенности личности, общества и государства, а также формирования у граждан уверенности в безопасности охраняемых законом интересов;

– функция нейтрализации – физическое ограничение возможности совершения новых преступлений опасными элементами путем применения изоляционных видов уголовных наказаний (в частности, лишения свободы);

– компенсаторно-восстановительная функция – восстановление социальной справедливости, нарушенной фактом совершения преступления, посредством пропорционального государственного реагирования;

– ценностно-ориентационная функция – укрепление норм общественной морали и формирование правосознания путем официальной нормативного порицания противоправного поведения.

Обоснованность введения уголовно-правовой нормы базируется на балансе между тяжестью деяния и значимостью объекта охраны. Необходимость уголовного преследования за убийства, хищения или насилие против личности не подлежит дискуссии, так как их общественная опасность носит имманентный характер. Здесь уголовно-правовой контроль является объективной необходимостью: предотвращение ущерба от подобных актов противоправного поведения многократно перевешивает любые негативные последствия законодательного вмешательства, что делает их криминализацию априорным требованием защиты общественных отношений.

В отличие от материально осязаемого вреда при прочих преступлениях, преступления экстремистской направленности зачастую сопряжены с такими абстрактные категориями, как «социальное единство» или «идеологическая стабильность». Это ставит перед законодателем сложную задачу: определить ту грань, где идеологическое противостояние перерастает в общественную опасность,

требующую именно уголовного, а не административного или иного правового реагирования.

В системе средств уголовно-правовой охраны конституционного строя нормы об ответственности за экстремистские преступления выполняют функцию двойной превенции. В соответствии с устоявшимися положениями уголовно-правовой доктрины, превентивная специфика данных составов заключается в нейтрализации противоправных проявлений на ранних стадиях, поскольку сами по себе эти деяния образуют повышенную угрозу и создают непосредственные условия для эскалации преступной деятельности и совершения особо тяжких посягательств против личности, общественной безопасности и государственной власти [77] . Так, отмечается, что установление ответственности путем введения в уголовное законодательство статей 280, 282^1 и 282^2 УК РФ призвано противодействовать вовлечению лиц в совершение других преступлений[78]. Как справедливо указывает В.В. Фенева, криминализация таких деяний призвана предупреждать социальные конфликты еще на стадии их зарождения[79].

Однако при этом необходимо учитывать существенные негативные последствия, которые может иметь криминализация деяний, и учитывать их при выстраивание антиэкстремистской уголовно-правовой политики. К ним относятся следующие:

– ограничение прав и свобод граждан, как, например, подавление политических активностей и дискуссий, что является угрозой демократическим процессам (например, активисты, выступающие против политики правительства, могут быть обвинены в экстремизме);

---

[77] Саркисова Э.А. Предупредительная роль уголовного закона. Минск: Наука и техника, 1979. С. 47.

[78] См.: Чуклина Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды // Актуальные проблемы российского права. 2023, № 5. С. 114.

[79] Фенева В.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации: дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2024. С. 24.

– образование социальной напряженности, которая может выражаться как в общественных протестах, так и в стигматизации целых групп населения в связи со сложившимися в обществе стереотипами (например, росту исламофобии и дискриминации мусульман ввиду отождествления ислама и экстремизма);

– перегрузка системы правосудия (правоохранительных органов и судов).

4. Криминализация не должна противоречить как Конституции и действующему праву России, так и ее международным соглашениям.

Уголовное право должно строиться на тех принципах и ценностях, которые закреплены в Конституции РФ, а также в международных конвенциях и договорах, участницей которых является Российская Федерация. Нормы уголовного закона не вправе идти вразрез ни с Основным законом РФ, ни с международными соглашениями. Если такое противоречие появляется, уголовно-правовые нормы должны подлежать пересмотру.

Равенство прав и свобод человека, о котором говорится в ст. 19 Конституции РФ, определяет правовое положение личности вне зависимости от ее принадлежности к той или иной группе. Но сам по себе этот принцип не работает без четких границ осуществления прав. Так, ст. 29 Основного закона РФ прямо запрещает любую агитацию и пропаганду, основанную на ненависти или вражде по социальным, расовым и другим признакам. Иначе говоря, Конституция РФ не допускает публичное распространение идей превосходства, а значит, защищает стабильность в многонациональном и разнородном обществе.

По этой причине уголовно-правовая защита от действий, направленных на разжигание ненависти, вражды или унижение человеческого достоинства, имеет прямую конституционную опору и полностью отвечает смыслу и содержанию конституционных принципов. Поэтому ответственность за такие деяния нельзя воспринимать как произвольное ограничение свободы слова. Напротив, это

реализация конституционной обязанности государства по охране равенства, достоинства личности и общественного согласия[80].

Международные правовые акты играют заметную роль в борьбе с проявлениями экстремизма. Они также оказывают влияние на уголовную политику государств в этой области.

В современном мире признание того или иного деяния преступлением часто связано с международными обязательствами государства. Например, после ратификации конвенций ООН и других международных договоров были приняты обязанности предусмотреть уголовную ответственность за терроризм, торговлю людьми, отмывание денег и другие транснациональные преступления. Это показывает, что уголовное право все больше выходит на международный уровень и требует совместных действий государств в противодействии преступности.

При этом криминализация должна отвечать международным стандартам в сфере прав человека и уголовного права. К примеру, если вводить уголовную ответственность за действия, с помощью которых граждане реализуют свободу слова или право на собрания, это может вступить в конфликт с принципами, закрепленными в международных актах.

Международные соглашения имеют важное значение для формирования правовой базы борьбы с экстремизмом. В них закрепляются общие принципы и ориентиры, которыми государства должны руководствоваться при создании национального законодательства. Среди наиболее значимых международных документов в рамках темы исследования можно выделить следующие:

− *Всеобщая декларация прав человека 1948 г.* закрепляет базовый принцип: у каждого человека есть равные права и основные свободы, независимо от расы, цвета кожи, пола и иных признаков. Тем самым она устанавливает универсальный стандарт недопустимости дискриминации и формирует международно-правовую

---

[80] См.: Агапов П.В. Конституционный запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (уголовно-правовой аспект) // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2018. № 6. С. 78-83.

основу для защиты человеческого достоинства от любых унижений по групповым признакам.

− *Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.* исключает избирательный, то есть дискриминационный, подход к реализации правового статуса личности. В соответствии с этим документом любая дискриминация по происхождению, имущественному положению, убеждениям и другим основаниям рассматривается как серьезное нарушение конвенционных принципов. Таким образом, Конвенция возводит защиту от дискриминации в ранг безусловной гарантии и прямо запрещает любое неравенство при осуществлении основных прав[81].

− *Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1963 г.* является важным документом, который возлагает на национальные правовые системы целый ряд обязанностей. Особое место в ней занимает недопустимость законного существования организаций, разжигающих расовую ненависть. Кроме того, в ней закрепляется идея о том, что насилие на расовой почве представляет собой общественно опасное явление и должно рассматриваться как преступление против человечности. Это означает, что законодателю необходимо не только наказывать конкретных виновных, но и устранять саму среду, в которой распространяются расистские идеи.

− *Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.* значительно ужесточает и конкретизирует обязательства государств по сравнению с Декларацией 1963 г., трансформируя общие пожелания в жесткие требования. Теперь государства обязаны устанавливать ответственность не только за само насилие, но и за «теоретическую» подготовку к нему: пропаганду превосходства одной расы над другой и любое оправдание расизма. Более того, в ст. 4 Конвенции четко прописано, что преступлением считается и оказание помощи

[81] Европейская конвенция по правам человека (ЕКПЧ) перестала действовать в отношении России с 16 сентября 2022 г., после исключения РФ из Совета Европы 16 марта 2022 г.

экстремистам – от сбора денег (финансирования) до предоставления им помещений для собраний[82];

− *Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.* налагает на страны-участницы позитивную обязанность по защите общества от деструктивного информационного воздействия. Хотя право на свободу выражения мнения является базовым, ст. 20 исключает из сферы его действия призывы к дискриминации и ненависти. Таким образом, международное право признает, что защита от дискриминации оправдывает введение жестких законодательных барьеров, ограничивающих свободу слова в тех случаях, когда она превращается в инструмент разжигания нетерпимости;

− *Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 г.* возлагает на государства безусловную обязанность активно противодействовать любым формам нетерпимости. Международно-правовой документ устанавливает обязанность государства по имплементации комплекса системных мер, первоочередным среди которых выступает совершенствование законодательного инструментария, направленного на недопущение и устранение любых проявлений дискриминации по признаку отношения к религии или убеждениям во всех ключевых сферах жизнедеятельности общества. Тем самым Декларация превращает принцип религиозной толерантности из декларативной нормы в реальное государственное обязательство по созданию общества, свободного от предубеждений и вражды на почве убеждений;

− *Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об угрозе для демократии со стороны экстремистских партий и движений в Европе» № 1344 2003 г.* В ней содержатся рекомендации о недопустимости нормализации экстремизма в обществе, а также о необходимости его нейтрализации посредством введения и реализации соответствующих политических и административных

[82] Стоит обратить внимание на то, что Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ УК РФ был дополнен ст. 282^3, предусматривающей уголовную ответственность за финансирование экстремистской деятельности, что можно рассматривать как восприятие отечественным законодателем международных антиэкстремистских положений.

механизмов. Кроме того, резолюция призывает государства устанавливать и применять пропорциональные санкции за публичные призывы к насилию, расовой дискриминации и проявлениям нетерпимости.

Формирование системы противодействия экстремизму в России происходило под непосредственным влиянием *Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.* Вступление этого документа в силу для РФ в 2003 г. стало катализатором законотворческих процессов. Значимость Конвенции трудно переоценить: именно в ст. 1 был закреплен международный стандарт определения экстремистской деятельности. Трактовка экстремизма через призму насильственных посягательств на конституционный строй, власть и безопасность, включая организацию вооруженных формирований, стала ориентиром для последующей разработки диспозиций соответствующих статей УК РФ.

Позднее, в 2017 г., Шанхайская организация сотрудничества приняла отдельную *Конвенцию по противодействию экстремизму* (ратифицирована Российской Федерацией в 2019 г.), которая развила и дополнила подходы 2001 г., окончательно закрепив экстремизм как самостоятельную угрозу в рамках регионального сотрудничества.

Нормативная структура ст. 9 данной Конвенции отражает широкую модель международно-правовой криминализации. Названный международно-правовой акт предписывает государствам-участникам обеспечить нормативное закрепление ответственности за широкий спектр деяний: от непосредственно экстремистских актов и их ресурсного обеспечения (финансирования) до различных форм организационного, вербовочного и информационного содействия. Особое значение придается пресечению транснациональной экстремистской активности (выезд за рубеж для участия в экстремистской деятельности), блокированию цифровых каналов распространения противоправного контента, а также противодействию массовым беспорядкам, мотивированным расовой, национальной, религиозной или социальной враждой.

По существу, принятие Конвенции по противодействию экстремизму закрепило стратегический вектор Российской Федерации на жесткое пресечение

экстремизма через его криминализацию. Это выразилось в появлении и укреплении таких составов преступлений, как финансирование экстремистской деятельности (ст. 282^3 УК РФ), склонение, вербовка или иное вовлечение в экстремистское сообщество (ч. 1.1 ст. 282^1 УК РФ) либо организации, официально признанной экстремистской на территории России (ч. 1.1 ст. 282^2 УК РФ).

Логическим продолжением этой линии стало введение в уголовное законодательство ст. 282^4 УК РФ, установившей ответственность за неоднократные действия по пропаганде, публичному демонстрированию, изготовлению, сбыту или приобретению в целях пропаганды нацистской атрибутики и символики, что окончательно закрыло «серую зону» распространения экстремистских и нацистских символов.

При этом Конституция РФ и международные акты не определяет напрямую, какие именно действия экстремистской направленности заслуживают установления за их совершение уголовной ответственности. Как справедливо подчеркивают исследователи, большинство международных документов в этой области носят преимущественно программно-декларативный характер: они решительно осуждают экстремизм, провозглашают обязанность государств противодействовать ему, однако оставляют за национальным законодателем свободу выбора средств. Данный вопрос должно решать каждое государство для себя самостоятельно[83].

Стоит отметить, что одной из трудностей прямой имплементации международных правовых актов в национальное законодательство и определения единого подхода для государств в борьбе с экстремизмом является отсутствие единого определения экстремизма, а также объема его содержания в различных правовых системах, что требует от государств проведения тщательной работы по соотношению международных стандартов с их внутренним регулированием.

5. Криминализация не должна противоречить нормам нравственности.

---

[83] См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография / отв. ред. С. В. Борисов. М.: Юриспруденция, 2015. С. 33.

Одним из оснований, по которым деяние признают преступным, выступает его моральная и этическая обоснованность как объекта уголовного запрета. Проще говоря, криминализация должна соответствовать принятым в обществе нравственным представлениям и находить у него поддержку. В таком понимании уголовное право можно считать отражением общественной морали. Как пишет Н.Ф. Кузнецова, уголовное право не может быть оторвано от нравственных норм, потому что оно защищает именно те ценности, которые общество считает важными[84].

Нравственность, то есть система моральных принципов и ценностей, лежит в основе любого развитого общества. Она связана с уважением к человеческому достоинству, равенству, недопустимости необоснованных ограничений свободы и справедливости. Криминализация проявлений экстремизма должна быть направлена на защиту именно этих ценностей. При этом, с учетом особенностей способов совершения преступлений данной категории, введение уголовной ответственности не должно создавать у людей впечатление, что государство преследует инакомыслие или свободу слова[85].

Также этот критерий предполагает, что уголовно-правовой запрет должен быть понятен, и в сознании общества обладать характером и степенью общественной опасности, присущими преступным деяниям[86].

Многие преступления осуждаются не только законом, но и общественной моралью. Однако важно учитывать, что моральные нормы могут меняться, что в дальнейшем способно привести к утрате некоторыми деяниями статуса заслуживающих криминализации.

Примером несоответствия уголовно-правовых запретов нормам нравственности служит запрет в XX веке отечественным уголовным

---

[84] См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. С. 131.
[85] См.: Противодействие экстремизму: правоприменительная практика: сборник / под ред. Г.Л. Бардиер. Санкт-Петербург: Норма, 2003. С. 29-30.
[86] См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Указ. соч. С. 34.

законодательством тунеядства, то есть отсутствия у граждан официального трудоустройства.

Многим гражданам, таким как творческая интеллигенция, религиозные деятели или те, кто занимался неофициальной деятельностью (например, репетиторством) данная норма уголовного законодательства казалась несправедливой, поскольку их труд также приносил существенную пользу для общества. Таким образом, данный запрет не нашел поддержки со стороны значительной части населения, вызывая негодования среди граждан. В последующем государственный вектор развития был изменен, и данное деяние было декриминализировано.

Как справедливо отмечено в научной литературе, «криминализация деяния будет плодотворной, если оно (деяние) не поддерживается общественным мнением. В противном случае уголовно-правовое противодействие не получит социальной поддержки и окажется безуспешным»[87].

В этой связи больше значение имеет поддержка населением принимаемых государством мер по противодействию экстремизму.

Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ в 2017 г., граждане в целом негативно относятся к публичному проявлению неприязни к представителям другого вероисповедания (80%) и другой национальности (81%)[88].

Учитывая особую чувствительность общества к преступлениям экстремистской направленности, можем заключить, что определенные внешние обстоятельства совершения таких преступлений могут существенно усилить причиняемый ими вред, и законодателю необходимо иметь это ввиду при конструировании уголовно-правовых положений. Отечественному законодателю следует обратить внимание на зарубежный опыт, где к таким обстоятельствам, в

---

[87] Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации: учебное пособие. М.: Издательство МНЭПУ, 1999. С. 27.

[88] Что такое хорошо и что такое плохо? // ВЦИОМ новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-takoe-khorosho-i-chto-takoe-plokho?ysclid=mgavm0puzm59472202 (дата обращения: 25.09.2025).

частности, отнесено совершение преступления в местах, осуществляющих религиозную деятельность (подробнее об этом в следующей главе).

В результате другого опроса ВЦИОМ выяснялось мнение населения о признании Верховным судом РФ «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и запрете ее деятельность. Согласно результатам опроса, большинство респондентов (76%), слышащих о данной организации, полностью поддержало данное решение высшей судебной инстанции, и лишь 5% респондентов выступили резко против запрета[89].

Согласно п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отягчающим обстоятельством является совершение преступления по мотивам ненависти или вражды, в том числе, в отношении какой-либо социальной группы. В ст. 282 УК РФ криминализированы противоправные действия, дискриминирующие лиц на основании их принадлежности к какой-либо социальной группе. Под социальную группу в расширенном понимании могут быть отнесены различные лица, включая тех, которые характеризуются антиобщественными, в том числе криминальными установками (насильники, мошенники, террористы и др.). Полагаем, что в глазах общественности выглядит весьма сомнительным ужесточение уголовной ответственности за совершение противоправных деяний в отношении лиц, чьей социальной особенностью является антиобщественное поведение, в связи с чем данный подход требует переосмысления (подробнее об этом в следующей главе).

6. Криминализация деяния должна быть осуществима в процессуальном и криминалистическом аспектах.

Процесс криминализации деяний должен быть осуществим в процессуальном и криминалистическом аспектах. Это означает, что законодатель, вводя новые составы преступлений, должен, помимо прочего, учитывать возможность их практического выявления, расследования и доказывания в рамках уголовного процесса.

---

[89] «Свидетели Иеговы»: запрет навечно? // ВЦИОМ : официальный сайт. 2017. 25 июля. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svideteli-iegovy-zapret-navechno (дата обращения: 06.08.2025).

Процессуальный аспект криминализации предполагает, что каждое новое преступное деяние должно быть четко описано в уголовном законе, а его признаки –поддаваться доказыванию в рамках уголовного судопроизводства.

Следование указанным нормативным критериям выступает имманентным условием обеспечения принципа правовой определенности, предполагающего, что деяние признается преступным исключительно при условии его прямого и однозначного закрепления в уголовном законе. Как подчеркивает А.В. Наумов, фундаментальный правовой постулат nullum crimen sine lege («нет преступления без указания на то в законе») составляет несущую конструкцию науки уголовного права и служит базовой гарантией государственной защиты прав и свобод человека и гражданина[90].

Если в уголовном праве оставлять слишком много размытых формулировок и опираться на неопределенные оценочные понятия, это почти неизбежно приводит к формированию неоднозначных подходов на практике. Судам в таком случае придется давать регулярные пояснения, а вместе с этим возрастает опасность произвольного применения закона. Когда диспозиция уголовной нормы сформулирована нечетко, она теряет свою регулирующую силу и начинает работать как основание для расширительного толкования, а значит, и для необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности.

При этом законодателю необходимо учитывать, что уголовный процесс строится на законности, состязательности и презумпции невиновности. Значит, именно сторона обвинения должна доказать все признаки состава преступления, установленные законом: объективную и субъективную стороны, а также причинную связь между действиями лица и наступившими последствиями.

Если говорить об экстремизме, то это крайне сложное и многоплановое явление. Он может выражаться по-разному: от размещения дискриминационных изображений до организации насильственных действий. Поэтому уголовный закон должен быть изложен максимально ясно и точно. Только так можно отделить

---

[90] См.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А. В. Наумов. - Издание 6-е, переработанное и дополненное. – М.: Проспект, 2017. С. 43-45.

криминальные проявления экстремизма от других форм поведения, например от критики власти или выражения несогласия.

Хороший примером в данном случае служит ст. 280 УК РФ, которая предусматривает ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. На наш взгляд, этот запрет сформулирован слишком расплывчато, из-за чего применять статью на практике может быть затруднительно, даже с учетом разъяснений высшей судебной инстанции. Поэтому вопрос о более точном описании диспозиции статьи по-прежнему остается крайне важным: в ней необходимо более конкретно отразить признаки преступления (об этом подробнее будет в следующей главе).

Но существует и обратная проблема: если состав преступления чересчур усложнен и для его доказывания требуется подтверждать слишком много трудно устанавливаемых обстоятельств, уголовное преследование может стать практически невозможным.

Криминалистическая сторона установления уголовной ответственности связана с вопросом о ом, представляется ли реальным выявлять и расследовать такие деяния. Законодатель должен учитывать, что для каждого нового состава нужны свои способы доказывания и свои инструменты.

Экстремистская активность часто приобретает непростые формы. Это может быть деятельность закрытых групп, распространение экстремистских идей через интернет, финансирование таких организаций с помощью криптовалюты и многое другое. В цифровой среде расследование подобных дел требует специальных знаний и технических средств, чтобы искать и анализировать электронные доказательства. Если у правоохранительных органов нет необходимых ресурсов для раскрытия новых видов преступлений, то сама криминализация таких деяний теряет смысл.

Кроме того, нельзя забывать, что чрезмерное расширение уголовного законодательства неизбежно перегрузит и без того достаточно загруженную судебную систему и приведет к избыточному уголовному преследованию граждан. Не случайно в последнее время активно обсуждалась идея перевода части

преступлений в категорию уголовных проступков[91], и даже был подготовлен соответствующий законопроект о внесении изменений в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство[92].

7. Криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер.

Данный критерий тесно связан с критерием достаточной степени общественной опасности деяния. В научной литературе указывается на то, что уголовная репрессия должна применяться лишь тогда, когда исчерпаны другие возможности для противодействия конкретным видами противоправного поведения – административно-правовые, дисциплинарные, гражданско-правовые или же моральные, иначе криминализация будет являться излишней[93]. Действительно, криминализация деяний должна происходить только тогда, когда она становится объективной необходимостью для общества и применение других мер правового регулирования становится недостаточным.

Отмечается, что в контексте уголовно-правового противодействия экстремизму принципиальное значение имеет критерий пропорциональности, в соответствии с которым ограничения конституционных прав и свобод граждан должны строго соотноситься со степенью и характером реальной угрозы

---

[91] См., напр.: Агеев А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» // Человек: преступление и наказание. 2015. N 3 (90). С. 126-129; Коробеев А.И., Ширшов А.А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68-72; Янина И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности // Журнал российского права/ 2020 № 1. С. 112-121.

[92] Проект Федерального закона № 1112019-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка».

[93] См.: Коробеев А.И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. Владивосток, 1987. С. 77; Королев Ю.А. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности // Российский следователь. 2021. № 10. С. 51.

экстремистских проявлений, исключая возможность чрезмерного или необоснованного вмешательства в сферу основных прав человека[94].

Криминализация деяний, в том числе и экстремистской направленности, требует максимально взвешенного подхода. Как уже отмечалось ранее, уголовно-правовые санкции являются максимальными мерами ответственности, которые имеются в арсенале у государства. Так, С.В. Борисов и А.В. Жеребченко отмечают, что в настоящее время законодателю следует очень внимательно подходить к вопросу установления уголовно-правовых санкций за различные проявления экстремизма, в противном случае становится возможным смешение общественно опасных и общественно вредных деяний[95]. В дополнение к позиции авторов отметим, что на современном этапе развития уголовное законодательство России дополняется множеством новых составов, нахождение которых именно в УК РФ вызывает ряд обоснованных сомнений. Полагаем, что активная криминализация чревата как смешением преступлений с другими правонарушениями, так и потерей стройности и структурированности уголовного законодательства.

Анализируя взаимосвязь уголовной и административной ответственности за экстремистские проявления, можно выделить наличие своеобразной «иерархии санкций». В этой конструкции административные нормы выполняют функцию предупредительного барьера, позволяющего государству оперативно реагировать на первые признаки противоправной деятельности. Уголовно-правовые нормы вступают в действие на следующем уровне, когда деяние имеет повышенную общественную опасность или совершается повторно, что дает основания для применения наиболее жестких репрессивных мер, имеющихся в арсенале у государства.

Таким образом, законодатель сознательно выстраивает двухступенчатую систему, где административная ответственность играет роль превентивного фильтра, а уголовная – конечного инструмента защиты общественных отношений.

---

[94] См., напр.: Сысоев А.М. Криминализация деяний экстремистской направленности: современные проблемы и перспективы // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. 2010. № 4 (71). С. 32-34.

[95] См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Указ. соч. С. 28-29.

А.Г. Безверхов называет административную преюдицию эффективной формой предупреждения преступлений, при этом говоря о том, что «законодатель тем самым предупреждает и административные деликты, и смежные с ними уголовно наказуемые деяния»[96].

Подобный механизм в рамках экстремистских правонарушений мы можем наблюдать при применении таких смежных статей как ст. 20.3. КоАП РФ и ст. 282^4 УК РФ, ст. 20.3.1 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ, ст. 20.3.2. КоАП РФ и ст. 280^1 УК РФ.

Что касается соотношения ст. 20.28 КоАП РФ и ст. 282^2 УК РФ, С.В. Криштопов подчеркивает, что административно-правовая норма играет роль «фильтра» для менее опасных нарушений, не связанных напрямую с организацией деятельности экстремистских организаций[97].

В рамках рассмотрения вопроса об обоснованности криминализации деяния при наличии более мягких мер регулирования общественных отношений, вновь укажем на поддержанную нами позицию о том, что исключительно мотивы и цели лица, которыми оно руководствовалось при совершении правонарушения, не должны иметь ключевого значения при решении вопроса о том, достигается ли деянием степень общественной опасности, достаточная для его криминализации, например, в рамках ст. 20.29 КоАП РФ и ст. 282 УК РФ при производстве или распространении лицом экстремистских материалов.

Анализ правоприменительной практики подтверждает высокий превентивный потенциал законодательства об административных правонарушениях в части оперативного реагирования на экстремистские проявления малой степени общественной опасности. Административно-правовой инструментарий обеспечивает своевременное пресечение таких деяний, как публичное демонстрирование или пропаганда нацистской либо экстремистской атрибутики и символики (ст. 20.3 КоАП РФ), а равно массовое распространение, производство или хранение в целях распространения материалов, включенных в

---

[96] Безверхов А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. 2012. С. 6.

[97] Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022.

Федеральный список экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ). Такие меры обеспечивают быстрое и пропорциональное реагирование государства без необходимости задействовать тяжелый уголовно-правовой арсенал, что полностью соответствует принципу минимального достаточного вмешательства.

Мы согласны с позицией некоторых авторов, заключающейся в том, что «установление и реализация административной ответственности является более эффективным средством предупреждения возбуждения ненависти либо вражды, осуществляемого путем действий, не связанных с какими-либо общественно опасными деяниями, например с применением насилия» [98]. Также считаем необходимым отметить позицию С.В. Михайлова, указавшего, что «экстремизм без признака насилия – категория весьма широкая, что обусловливает ее ситуативность и зависимость от контекста, а потому она может служить основанием только административной ответственности»[99].

В настоящее время ст. 20.3.1 КоАП РФ стала существенно ограниченнее в плане своего правого регулирования, поскольку деяния, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, теперь подпадают исключительно под действие ст. 282 УК РФ. Таким образом, с учетом снижения опасности административно-правовых нарушений, охватываемых ст. 20.3.1 КоАП РФ, сейчас вполне уместно ставить вопрос об исключении из регулирования ст. 282 УК РФ случаев, когда лицо, ранее подвергнутое административному наказанию, совершает аналогичное деяние, не сопряженное с насилием (подробнее об этом в следующей главе).

Проведенный анализ критериев криминализации преступлений экстремистской направленности позволяет сформулировать некоторые ключевые выводы.

Прежде всего, стоит отметить, что криминализация деяний – это крайне сложный и многогранный процесс, который требует тщательного анализа и сбалансированного подхода.

---

[98] См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Указ. соч.

[99] Михайлов С. В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4 (100). С. 57.

Уголовное наказание за совершение деяний экстремистской направленности имеет важное профилактическое значение: оно позволяет не допустить, чтобы отдельные проявления нетерпимости переросли в серьезные межнациональные, межрелигиозные или другие общественные конфликты. Но, признавая такие деяния преступными и вводя, нельзя заходить слишком далеко и необоснованно урезать права и свободы граждан.

Подходить к криминализации необходимо аккуратно и только при наличии понятных критериев. Важно одновременно учитывать и реальную потребность общества в защите от угроз, и необходимость сохранять баланс между безопасностью и личной свободой. Основания для этого появляются лишь тогда, когда степень опасности уже соответствует уровню преступления, а масштаб распространения проблемы требует централизованного вмешательства государства. При этом особенно важно, чтобы решить такие проблемы другими правовыми средствами было невозможно. Именно поэтому уголовный закон и выступает крайней мерой защиты конституционных ценностей.

При этом, общественная опасность как ключевой критерий криминализации деяний требует объективной оценки, основанной не только на мотивах и целях лица, но и на способности деяния причинять вред охраняемым уголовным законом ценностям. В контексте экстремизма особую опасность представляют правонарушения, сопряженные с насилием, а также имеющие организованный характер. Чрезмерный акцент на субъективной стороне (экстремистских мотивах и целях) без учета объективных обстоятельств может привести к неоправданному расширению уголовной репрессии.

Крайне важно, чтобы законодательная база в области противодействия экстремизму была достаточно определенной, что достигается путем введения в закон положений с четкими и однозначными формулировками, в том числе отражающими степень общественной опасности деяний, ведь, как верно отмечено в научной литературе, «состав преступления образует или отражает систему

признаков, достаточных для признания деяния общественно опасным»[100]. Этому, в частности, может способствовать обращение к положительному опыту зарубежных стран. Только при таком подходе можно создать эффективную систему, способную противостоять угрозам экстремизма, не допуская при этом необоснованного ограничения основных прав человека.

Подводя итог рассмотрения критериев криминализации деяний, можно сказать, что отечественное антиэкстремистское законодательство представляет собой не до конца сбалансированную модель уголовно-правового регулирования, имеет ряд упущений, которые выражается в отсутствии четкого уголовно-правового регулирования некоторых деяний, отсутствии необходимых квалифицирующих признаков составов преступлений. Одним из наиболее серьезных упущений действующей редакции УК РФ в сфере противодействия экстремизму выступает использование чрезмерно абстрактных, оценочных и недостаточно определенных формулировок, что существенно затрудняет единообразное установление признаков объективной стороны соответствующих составов преступлений и создает предпосылки для расширительного и неоднозначного правоприменения.

Выявленные законодательные пробелы и недостатки конструкций норм предопределяют объективную научную и практическую необходимость проведения анализа некоторых преступлений экстремистской направленности с последующей выработкой и обоснованием авторских предложений по совершенствованию отдельных положений уголовного закона.

1.3. Опыт криминализации деяний экстремистской направленности в законодательстве отдельных зарубежных государств

В целях повышения эффективности российского антиэкстремистского законодательства следует обратиться к подходу противодействия экстремизму

---

[100] См.: Пудовочкин Ю.Э. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления // Уголовное право. 2025. № 1 (173). С. 61-83.

зарубежных государств, поскольку экстремизм является одной из основных угроз любого общества, и крайне важно учитывать положительный опыт борьбы с ним. Некоторые эффективные наработки зарубежных государств могут быть рассмотрены как возможность усиления отечественного правового механизма по противодействию экстремизму. Сравнение очень важно, когда нужно понять, в чем национальное уголовное право сильнее, а где у него есть слабые места.

Помимо этого, как отмечают в научных работах, именно сопоставительный подход помогает увидеть ошибки других стран при решении вопросов о том, какие деяния признавать преступными и за что устанавливать ответственность[101].

Для разбора в данном исследовании выбраны уголовные законодательства европейских стран, являющихся классическими представителями стран континентальной правовой семьи – Франции и Германии, а также некоторых стран СНГ, имеющих, как и Россия, единый федеральный закон, направленный на противодействие экстремизму, что делает их законодательство релевантными для сравнительного анализа с отечественным законодательством – Республики Беларусь и Азербайджанской Республики. Необходимость сравнительно-правового анализа уголовного законодательства Республики Беларусь продиктована вектором на создание единого правового пространства в рамках Союзного государства. Согласно ст. 18 Договора от 08 декабря 1999 г., гармонизация и унификация нормативных актов являются приоритетными задачами сотрудничества[102]. В этой связи изучение белорусского опыта противодействия экстремизму позволяет не только выявить общие закономерности развития уголовной политики двух стран, но и выработать согласованные подходы к конструированию составов преступлений, что критически важно для эффективного функционирования совместных механизмов безопасности.

Также для сравнительного анализа было выбрано уголовное законодательство Канады и Индии, которые представляет исследовательский

---

[101] Малиновский А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права: монография. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 54.

[102] Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» // СПС «Консультант Плюс».

интерес по причине своей гибридности, заключающейся в том, что они вобрали в себя институты сразу двух правовых семей – континентальной и общего права, имея при этом кодифицированное уголовное законодательство.

Франция.

Социальная обусловленность криминализации экстремизма во Франции определяется исторически сложившейся приверженностью французского общества ценностям республиканского равенства, толерантности и защиты человеческого достоинства от различных форм проявления ненависти. Отмечается, что трудности развития антиэкстремистского законодательства связаны здесь, прежде всего, с сложностью принятия инициатив об ограничении свободы слова[103].

Французское законодательство, в отличие от российского, не дает понятия экстремизму. Также оно не содержит специализированных законодательных актов, регламентирующих сферу противодействия экстремистской деятельности, которые бы содержали перечень деяний, подпадающих под признаки экстремизма[104].

Круг субъектов преступлений экстремиссткой направленности по Уголовному кодексу Франции (далее – УК Франции) достаточно широк, что связано с тем, что субъектами уголовной ответственности здесь также признаются юридические лица. Некоторые авторы справедливо называют это следствием политики ужесточения ответственности за экстремистскую деятельность[105].

Во французской системе центральную роль в противодействии экстремизму играет Закон от 29 июля 1881 г. «О свободе прессы» [106].

---

[103] См.: Ахъядов Э.С.-М. Сравнение законодательного регулирования экстремизма в России и зарубежных государствах / Э.С.-М. Ахъядов // Закон и право. 2024. № 11. С. 185-188.

[104] См.: Болычев Н.И. О зарубежном опыте правового регулирования противодействию экстремизму в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3; Шидемов А.Г. Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования противодействия преступлениям экстремистской направленности в зарубежных странах // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2017. № 3-1. С. 189.

[105] Беджанова Т.Е. Противодействие религиозному экстремизму во Франции: законодательное регулирование, взаимодействие органов власти // Юридический вестник ДГУ. 2014. № 3. С. 59.

[106] Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse : от 29 июля 1881 г. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722/ (дата обращения: 14.06.2025).

Действующая редакция ст. 24 выступает в качестве базисного положения, консолидирующего запрет на публичное разжигание ненависти и подстрекательство к насилию или дискриминации. Законодатель квалифицирует как недопустимые любые деструктивные воззвания, направленные против индивидов или групп по мотиву их этнической, национальной, расовой или конфессиональной принадлежности (включая предполагаемую). В этот же защищаемый контур включены такие характеристики личности, как пол, состояние здоровья (инвалидность), а также вопросы сексуальной ориентации и гендерного самоощущения.

Примечательно, что данная статья охватывает максимально широкий спектр способов совершения деяния: от устных высказываний, выкриков и угроз в общественных местах до распространения любых письменных, печатных, изобразительных, аудиовизуальных или электронных материалов (включая их продажу, предложение к продаже, публичную демонстрацию, размещение плакатов, афиш и контента в сетях электронной коммуникации общего доступа). Таким образом, эта норма обеспечивает обществу полноценную уголовно-правовую защиту от открытых призывов к ненависти, независимо от того, через какие именно каналы или носители они распространяются.

К удачным решениям законодателя можно отнести и то, что статья написана ясно и довольно конкретно. Поэтому правовое регулирование воспринимается прозрачным и понятным.

В статье прямо перечислены признаки, по которым нельзя подстрекать к дискриминации, ненависти или насилию. Это происхождение человека, его этническая принадлежность, нация, раса, религия, пол, инвалидность, сексуальная ориентация и гендерная идентичность. Но если сравнить данные положения с российским подходом, можно отметить ограниченность защищаемых признаков.

Также французский законодатель, что для континентальной правовой системы довольно необычно, очень подробно описал способы совершения этого преступления. Он включает сюда и устную форму (речь, выкрики, угрозы), и использование самых разных материальных и цифровых средств: печатных

изданий, изображений, эмблем, плакатов, афиш, любых аудиовизуальных материалов, а также средств публичной электронной связи.

В-третьих, признаки публичного характера деяния закреплены через четкие объективные критерии: для вербальных провокаций – произнесение в общественных местах или на публичных собраниях; для всех остальных форм – действия по продаже, распространению, предложению к продаже, выставлению на всеобщее обозрение либо использование каналов электронной публичной коммуникации. Тем самым законодатель создает четкую систему признаков, позволяющую однозначно устанавливать наличие в действиях лица элемента публичности, обязательного для квалификации действий по данной статье, что особенно актуально для российской правовой системы, где порой достаточно проблематично установление публичного характера в действиях лица по распространению информации экстремистского содержания.

В соответствии со статьями 132-76 и 132-77 УК Франции, максимальный срок наказания в виде лишения свободы, который был вынесен лицу, увеличивается в случае совершения преступления в связи с принадлежностью или непринадлежностью жертвы к конкретной этнической группе, нации, расе, религии, полу, сексуальной ориентации или гендерной идентичности[107].

Таким образом, французский законодатель, как и российский, выделяет экстремистский мотив в качестве обстоятельства, отягчающего наказание. Однако стоит отметить, что данное отягчающее обстоятельство по УК Франции применимо не ко всем преступлениям[108].

Французское уголовное право демонстрирует специфический подход к пресечению ненавистнического контента, криминализируя его даже вне рамок публичной сферы. Законодатель в ст. R625-7 УК закрепил наказуемость призывов к дискриминационным действиям, вражде или насилию, совершенных в частном

---

[107] Code pénal de la République française : от 22 июля 1992 г. // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 14.06.2025).

[108] Данные статьи содержат примечание, в котором указано, на какие преступления они не распространяются.

порядке. Речь идет о посягательствах на права личности или коллектива, мотивированных их этнической, национальной, расовой, конфессиональной принадлежностью, а также прочими признаками.

Статьи R625-8 и R625-8-1 УК Франции криминализуют непубличные формы клеветы и оскорбления, совершенные по тем же дискриминационным мотивам.

Таким образом, Франция последовательно проводит политику недопущения проявлений ненависти независимо от того, происходят ли они в публичном пространстве или в закрытых коммуникациях (беседы, корпоративные чаты и т.п.), обеспечивая тем самым расширенную защиту от дискриминации даже за пределами традиционного понимания публичности.

Данные нормы были введены во французское уголовное законодательство Декретом № 2017-1230 от 3 августа 2017 г.[109] Их целью было предотвращение распространения предрассудков в непубличной среде (например, на работе, в семье или в закрытых группах).

Однако стоит оговориться, что здесь речь идет не о строго конфиденциальных высказываниях и материалах, а о тех, к которым сохраняется доступ для третьих лиц. В этом плане «непубличное» не равно «частное»[110].

ФРГ.

Социальная обусловленность криминализации экстремизма в Германии коренится в историческом опыте национал-социализма и последующем стремлении немецкого общества выстроить правовую систему, которая бы навсегда исключила возможность повторения массовой травли отдельных категорий населения.

В немецком законодательстве, как и во французском, отсутствует официальное определение экстремизма, как и четкий перечь деяний, подпадающих

---

[109] Décret № 2017-1230 du 3 août 2017 // Légifrance. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000035373907 (дата обращения: 14.06.2025).

[110] Lepage A. Provocations, diffamations et injures non publiques. Le décret n° 2017-1230 du 3 août 2017 relatif aux provocations, diffamations et injures non publiques présentant un caractère raciste ou discriminatoire devant le Conseil d'État // Communication Commerce électronique. 2018. N° 11. Comm. 84. pp. 25–27.

под него. Также в немецком законодательстве нет нормативного правового акта, определяющего понятие экстремизма, что, как отмечается, не исключает нацеленность уголовной политики Германии на активное противодействие данному явлению, что выражается наличием в Уголовном кодексе ФРГ[111] (далее – УК ФРГ) целого ряда составов преступлений экстремистской направленности[112].

Ключевое значение в вопросе противодействия экстремизму в Германии имеет ст. 130 УК ФРГ («Травля групп населения»). Многие авторы справедливо называют данную статью одним из наиболее ярких примеров законодательной тенденции к созданию в Германии антифашистской нормативной базы, в дальнейшем нашедшей поддержку в ряде других стран[113].

В ч. 1 статьи криминализируются разжигание ненависти, оскорбление, злонамеренная клевета и возбуждение презрения в отношении групп населения на основании их расы, религии, национальности, этнической принадлежности либо принадлежности к определенным слоям населения.

В ч. 2 статьи предусмотрена ответственность для лиц, которые распространяют экстремистские материалы либо делают их общедоступными, а также для тех, кто предлагает, поставляет или делает доступным экстремистские материалы для лица, не достигшего возраста 18 лет и производит покупку, поставку, хранение, предложение, рекламу, импорт либо экспорт экстремистского контента в целях его незаконного использования.

Данные положения примечательны тем, что признают особую опасность распространения экстремистских идей в отношении несовершеннолетних лиц, криминализуя доведение экстремистского контента даже до одного лица, не

---

[111] Strafgesetzbuch (StGB) : от 15 мая 1871 г. // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/ (дата обращения: 20.06.2025).

[112] См: Болычев Н.И. О зарубежном опыте правового регулирования противодействию экстремизму в сети Интернет // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 3; Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право: монография / А.Э. Жалинский. - М.: Проспект, 2004. С. 208.

[113] Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И. С. Власов. – М.: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации: КОНТРАКТ, 2014.

достигшего возраста 18 лет. Подобный подход может быть позаимствован российским законодателем, который также уделяет особое внимание защите несовершеннолетних лиц от деструктивного влияния.

Кроме того, части 3 и 4 статьи устанавливают самостоятельную уголовную ответственность за действия, совершенные публично или на собрании и нарушающие общественный порядок, в виде одобрения, отрицания или грубого преуменьшения преступлений против человечности, совершенных в период национал-социализма и квалифицируемых по ч. 1 ст. 6 Кодекса о преступлениях против международного права, а также публичного одобрения, прославления или оправдания тирании и произвола национал-социалистического режима.

Эти положения представляют собой яркий пример законодательной реакции на исторический опыт государства, в котором нацистский режим привел к миллионам жертв. Исследователи справедливо отмечают, что они отражают осознание того, что отрицание или прославление нацистских преступлений подрывает основы послевоенного общества, стремящегося в новой реальности построить государство на принципах человеческого достоинства[114]. Также в них видится механизм коллективной памяти, способствующий толерантности и демократии в Германии, где такие положения призваны помочь преодолеть нацистское наследие и интегрировать государство в европейское сообщество[115]. Учет исторического опыта при выстраивании нормативных положений оценивается нами как положительная характеристика немецкого законодательства.

Немецкий законодатель в рамках ст. 85 УК ФРГ («Нарушение запрета на объединение») криминализирует игнорирование правовых последствий судебного вердикта о признании организации антиконституционной. Объективная сторона данного состава преступления характеризуется многоаспектностью: санкции налагаются не только за непосредственное руководство запрещенными структурами, но и за латентную координацию их функционирования. Особое

---

[114] См.: Серебренникова А.В. Уголовное преследование отрицания холокоста в ФРГ // Социально-политические науки. Т. 10. № 3. 2020. С. 117-118.

[115] См.: Şuteu S. Law against Negation: Anti-Holocaust Denial Legislation in Europe : Master's thesis / Central European University. Budapest, 2008. С. 60-61.

внимание уделяется пресечению любых усилий, ориентированных на восстановление или поддержание целостности деструктивного формирования, включая участие в его деятельности в качестве активного члена.

В ст. 86 УК ФРГ («Распространение пропагандистских материалов антиконституционных и бывших национал-социалистских организаций») криминализировано изготовление, получение, хранение, ввоз, вывоз, публичное использование и распространение символики и пропагандистских материалов запрещенных объединений, включая те, которые преследуют цели, аналогичные целям ликвидированных национал-социалистских структур.

Примечание к статье уточняет, что уголовно наказуемым признается только тот материал, который объективно направлен против основ свободного демократического конституционного строя либо против принципа мирного сосуществования и взаимопонимания народов. Тем самым законодатель исключает наказание за действия, имеющие законные, например, научные или художественные цели.

В ст. 86а УК ФРГ («Использование символики антиконституционных и запрещенных организаций»), в дополнение к ст. 86, предусматривается уголовная ответственность за изготовление, хранение, ввоз, вывоз, публичное демонстрирование или иное распространение опознавательных знаков организаций, признанных антиконституционными, – прежде всего нацистской символики, а также знаков других запрещенных структур.

Законодатель конкретизировал предмет преступления в примечании к статье, указав перечень таких знаков: флаги, значки, эмблемы, отдельные элементы униформы, жесты, девизы и приветствия. Такая детализация существенно повышает правовую определенность статьи, минимизирует риски произвольного толкования и служит позитивным образцом законодательной техники при криминализации проявлений экстремизма.

В ст. 129 («Создание преступных объединений») и ст. 129а («Создание террористической объединений») применяются в том числе и к экстремистским

группам, организованным для совершения тяжких преступлений, включая акты насилия или терроризма.

Стоит отдельно отметить ст. 46 УК ФРГ («Основные принципы определения размера наказания»), где обстоятельством, влияющим на размер наказания, являются расистские, ксенофобские, антисемитские или иные античеловеческие мотивы и цели лица при совершении преступления. Указанная формулировка подвергается критике ввиду ее чрезмерной сжатости и отсутствия прямого указание на увеличение наказания для лица[116].

При оценке немецкого уголовного законодательства можно заключить, что положения УК ФРГ строго ориентированы на защиту демократического строя и учитывают историческую ответственность Германии за преступления нацизма.

Республика Беларусь

Социальная обусловленность криминализации экстремизма в Республике Беларусь определяется двумя ключевыми факторами: общим постсоветским правовым наследием и острой потребностью государства в обеспечении внутренней стабильности, межнационального и межконфессионального согласия.

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, проблеме экстремизма уделяется особое внимание. Основополагающим нормативным актом в этой сфере здесь является Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» [117].

Закон содержит понятие экстремизма (экстремистской деятельности), которое схоже с российским, и также включает широкий спектр действий – от планирования насильственного захвата власти и создания незаконных вооруженных формирований до разжигания социальной, национальной, религиозной или расовой вражды, пропаганды исключительности по признакам социальной принадлежности, а также финансирования такой деятельности.

---

[116] Там же.

[117] Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203 (дата обращения: 14.09.2025).

Среди особенностей белорусского понятия экстремизма можно выделить включение в него таких действий как распространение заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь.

Уголовный кодекс Республики Беларусь [118] (далее – УК РБ) формирует целостный блок норм, направленных на противодействие экстремизму, размещая их преимущественно в гл. 17 («Преступления против мира и безопасности человечества») и гл. 32 («Преступления против порядка управления и общественной безопасности»).

По своей структуре и содержанию он демонстрирует высокую степень сходства с российским, включая практически идентичные составы:

– возбуждение расовой, национальной, религиозной или иной социальной вражды или розни (ст. 130 УК РБ);

– создание либо руководство экстремистским формированием, а равно участие в нем (ст. 361^1 УК РБ);

– финансирование экстремистской деятельности (ст. 361^2 УК РБ).

Таким образом, белорусское законодательство воспроизводит российскую модель криминализации экстремизма, что обусловлено как общим правовым наследием, так и тесной координацией в рамках Союзного государства.

В ст. 130 УК РБ указано, что возбуждение вражды или розни осуществляется по признаку расовой, национальной, религиозной, языковой или иной социальной принадлежности. Такая открытая формулировка свидетельствует о стремлении государства защитить все уязвимые социальные группы и предотвратить любые формы социальной вражды и розни.

При этом в примечании к статье даются разъяснения о том, что под иной социальной принадлежностью понимается принадлежность лица к определенной

---

[118] Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999 г. № 275-З : в ред. от 17.02.2025 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь : официальный сайт. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 14.09.2025).

социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации. Таким образом, законодатель решил дать официальное толкование признаку социальной принадлежности, что необходимо признать положительным опытом.

Примечательно, что ст. 130 УК РБ, в отличие от ст. 282 УК РФ, не содержит признака публичности действий субъекта преступления, что является системообразующим различием двух статей, поскольку существенно расширяет сферу применения ст. 130 УК РБ по сравнению с российской нормой. Полагаем, что такое решение обусловлено социальной задачей государства по недопущению распространения экстремизма даже в закрытых сообществах (семья, трудовой коллектив, интернет-чаты), где, по мнению законодателя, могут формироваться очаги радикализации.

Однако в данном случае мы отдаем предпочтение правовому регулированию, содержащемуся в ст. 282 УК РФ, где законодатель специально ограничил сферу действия статьи, которая не допускает криминализации выражения мнений в непубличной сфере.

Определенный интерес представляет криминализация в рамках ст. 361^5 УК РБ прохождения обучения или иной подготовки, заведомо для обучающегося имеющих целью его последующее участие в экстремистской деятельности. Данная норма УК РБ схожа со ст. 205^3 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за прохождение обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности.

Прохождение подготовки в целях последующего участия в экстремистской деятельности, на наш взгляд, вполне может представлять достаточную степень общественной опасности для установления за данные действия уголовной ответственности, поскольку результатом прохождения лицом такой подготовки является появление в обществе «квалифицированных кадров», придерживающихся экстремистской идеологии, характер противоправной деятельности которых имеет повышенный деструктивный потенциал. Такая криминализация служит мерой предупреждения появления в обществе подобных экстремистских элементов.

Полагаем, что российский законодатель может обратить внимание на пример белорусского регулирования. К тому же, в п. 24 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации отдельно отмечается опасность появления на территории России лиц, проходивших обучение в специальных центрах.

Азербайджанская Республика

В Азербайджанской Республике социальная обусловленность криминализации экстремизма определяется геополитическим положением страны, историческим опытом межэтнических конфликтов и острой необходимостью защиты светского государства от религиозного радикализма. Азербайджанская республика в настоящее время сталкивается со множеством экстремистских угроз: распространением среди населения салафитских и ваххабитских идей, участием азербайджанских граждан в зарубежных вооруженных конфликтах (Сирия, Ирак, Афганистан) и попытками создания подпольных религиозных структур.

Основным источником законодательного регулирования деятельности по противодействию экстремизму здесь является Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. №27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» [119].

Закон содержит ключевые понятия, регулирующие противодействие экстремизму, такие как религиозный экстремизм (религиозная экстремистская деятельность), религиозный радикализм, религиозный фанатизм, религиозная экстремистская организация и др. При этом понятие религиозного экстремизма трактуется предельно широко и охватывает насильственное изменение конституционного строя государства, участие граждан в вооруженных конфликтах за рубежом, действия, направленные на разжигание национальной, социальной или религиозной вражды, публичное унижение национального достоинства и др.

Особого внимания заслуживает подход азербайджанского законодателя, относящего к религиозно-экстремистской деятельности принудительное

[119] Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» // Министерство внутренних дел Азербайджанской Республики. URL: https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/53/ (дата обращения: 17.09.2025).

вовлечение человека в религиозную практику: навязывание участия в обрядах и ритуалах, прохождение религиозного обучения или совершение иных действий под видом исполнения религиозных предписаний.

Уголовный кодекс Азербайджанской Республики[120] (далее – УК АР) в целом следует российской модели, криминализуя разжигание межгрупповой розни, а также пресекая механизмы финансирования подобных действий (ст. 283 УК АР) и создание специализированных деструктивных объединений (ст. 283[1] УК АР).

При этом ст. 283[1] УК АР выделяется своей спецификой, поскольку она охватывает такие действия, как вербовка и направление граждан в зарубежные вооруженные конфликты под предлогом распространения религиозных учений или исполнения религиозных обязанностей, организация военных тренировок с аналогичными целями, создание или руководство группой, действующей на почве религиозной вражды, радикализма или фанатизма.

Также примечательно, что здесь уделено особое внимание защите несовершеннолетних лиц от вовлечения в экстремистскую деятельность. Так, ст. 283[1] УК АР предусматривает повышенную ответственность за совершение указанного в ч. 1.1 статьи деяния с привлечением несовершеннолетнего лица.

Специфичным антиэкстремистским регулированием для УК АР является установление уголовной ответственности за принуждение к исповедованию какой-либо религии (религиозного течения), а также к членству в какой-либо религиозной структуре в ст. 167[1] УК АР.

Канада

Социальная обусловленность криминализации экстремизма в Канаде определяется уникальным сочетанием двух фундаментальных ценностей канадского общества: многокультурности как основы национальной идентичности и неприкосновенности свободы слова как конституционного принципа. Ключевое

[120] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики : от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ : в ред. от 28.06.2025 // Единый электронный банк правовых актов Азербайджанской Республики. URL: https://e-qanun.az/framework/46947 (дата обращения: 17.09.2025).

значение в канадской правовой системе при противодействии экстремистской активности, как отмечается, играет Хартия прав и свобод граждан 1982 г.[121]

Особенностью канадского уголовного законодательства является смешение англо-саксонской и романо-германской правовых традиций. Канада относит себя к станам общего права, таким как США и Великобритания, однако при этом источником уголовного права здесь является федеральный Уголовный кодекс Канады[122] (далее – УК Канады). Также примечательно, что пропаганда ненависти («hate speech») в УК Канады преимущественно регулируется путем выделения данных деяний в отдельные преступления.

Категории лиц, в отношении которых может быть совершена пропаганда ненависти, определяются УК Канады как «идентифицируемая группа». При этом данное понятие четко определяется канадским законодателем как «любая часть общества, отличающаяся по цвету кожи, расе, религии, национальному или этническому происхождению, возрасту, полу, сексуальной ориентации, гендерной идентичности или самовыражению, а также по умственным или физическим недостаткам». Такая законодательная конструкция, хотя и ограничивает действие законодательных положений, служит примером реализации принципа правовой определенности в нормативных актах.

В Канаде к числу экстремистских преступлений традиционно относят такие действия как пропаганда или содействие геноциду в отношении идентифицируемых групп (ст. 318 УК Канады).

В ст. 319 УК Канады к числу «hate speech» преступлений относятся такие действия как разжигание ненависти в общественном месте путем распространения заявлений в отношении идентифицируемых групп, если такое разжигание может привести к нарушению общественного порядка; умышленное разжигание ненависти путем распространения заявлений, если это сделано не в частной беседе; умышленная пропаганда антисемитизма, оправдание, отрицание или

---

[121] Бешукова, З.М. Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) // Уголовное право. № 4. 2014. С. 118–121.

[122] Criminal Code: R.S.C., 1985, c. C-46 // Justice Laws Website. URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/ (дата обращения: 17.09.2025).

преуменьшение значение Холокоста путем распространения заявлений, если это сделано не в частной беседе.

В качестве положительного опыта можно отметить выстраивание в статье четких критериев публичности, к которым относятся такие как совершение в общественном месте, а также за пределами частной беседы.

Также в статье предусмотрены обстоятельства, при которых лицо не может быть осуждено за разжигание ненависти:

– заявления объективно правдивы;

– добросовестное выражение религиозного мнения или мнения, основанного на священном тексте;

– высказывания касаются общественно значимого вопроса, служат общественному благу и есть разумные основания считать их истинными;

– добросовестное намерение указать на факторы, порождающие ненависть к группе, с целью их устранения.

Таким образом, уголовное законодательство Канады делает акцент на недопустимости ограничения общественных дискуссий, а также повышенных требований к установлению умысла лица опорочить представителей идентифицируемой группы, выраженных в необходимости установить наличие или отсутствие у лица добросовестного заблуждения.

Индия

Процессы криминализации экстремизма в индийском праве обусловлены перманентной необходимостью поддержания баланса в условиях сверхвысокой социальной дифференциации. Наличие множества пересекающихся идентичностей (религиозных, кастовых, субэтнических) в рамках единого государственно-правового пространства обусловливает превентивный и пресекательный характер антиэкстремистского законодательства.

В 2024 г. в Индии вступил в силу новый уголовный кодекс (далее – УК Индии), который примечателен тем, что адаптирует многие положения уголовного

законодательства к современным угрозам экстремизма, таким как онлайн-пропаганда ненависти.

Одной из ключевых статей в сфере противодействия экстремизму в новом уголовном законодательстве Индии является ст. 196 УК Индии, которая предусматривает следующие группы деяний:

– публичное поощрение либо попытка поощрения вражды, ненависти, недоброжелательности или дисгармонии между религиозными, расовыми, языковыми, региональными, кастовыми или иными общинными группами по любому из этих признаков, совершенное устно, письменно, знаками, визуальными образами, через электронные средства или иным способом;

– действия, подрывающие гармонию между указанными группами и создающие реальную или потенциальную угрозу общественному спокойствию;

– организация или прохождение специальных учений по применению преступного насилия (либо подготовку к такому насилию) против любой религиозной, расовой, языковой, региональной группы, касты или сообщества, если это вызывает у ее членов обоснованный страх, тревогу или ощущение незащищенности[123].

Включение в данный перечень кастовой группы напрямую отражает одну из самых острых социальных проблем Индии – кастовую дискриминацию и связанные с ней конфликты, которые до сих пор остаются источником серьезной социальной напряженности государства.

Также обращает на себя внимание установление уголовной ответственности за организацию либо прохождение обучения в целях последующего осуществления экстремистской деятельности. Такой подход подчеркивает превентивный характер индийского законодательства: государство стремится пресечь формирование профессионального ядра экстремистских сообществ еще до момента совершения ими активных деструктивных действий.

---

[123] Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 : Act No. 45 of 2023 // India Code. URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20062 (дата обращения: 17.09.2025).

В ст. 197 УК Индии предусмотрено наказание за выдвижение или распространение любых обвинений устно, письменно, с помощью знаков, изображений, электронных сообщений или любым другим способом, если речь идет о том, что какая-либо группа людей:

– якобы не может быть по-настоящему верной Конституции Индии;

– должна быть лишена гражданских прав из-за своей принадлежности к одной из указанных групп;

– имеет особые обязанности из-за своей принадлежности к одной из этих групп, и это уже ведет либо может привести к розни, а также к вражде, ненависти или неприязни по отношению к ней.

Помимо этого, статья предусматривает ответственность за публикацию или распространение ложной либо вводящей в заблуждение информации, которая угрожает суверенитету, единству, территориальной целостности или безопасности Индии.

Криминализация публичного отрицания гражданской правосубъектности и лояльности определенных социальных групп выступает в качестве уголовно-правовой гарантии против их маргинализации. Таким образом, статья выполняет не только охранительную функцию государства, но и превентивную функцию по недопущению возрождения кастового превосходства в публичном дискурсе.

Обращает на себя внимание и то, что приведенные преступления экстремистской направленности имеют такой квалифицирующий признак как совершение в религиозных местах. Безусловно, совершение таких деяний в местах, особенно значимых для граждан, исповедующих религию, свидетельствует о повышенной общественной опасности таких действий, поскольку в данном случае вред также причиняется коллективному чувству достоинства верующих, что трансформирует локальные инциденты в угрозу широкомасштабных межобщинных столкновений.

Антиэкстремистское законодательство Индии содержит положения, учитывающие социальные потребности общества, что усматривается из их

формулировок, обозначающих намерение государства сохранить гражданский мир и внутреннюю целостность в условиях глубоких внутренних противоречий.

Примечательно, что приведенные нормы содержат примерный перечень способов совершения преступлений: произнесение или написание слов, использование знаков, изображений, использование электронных средств связи, что можно отметить положительно.

ГЛАВА 2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

2.1. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ)

В соответствии со Стратегией по противодействию экстремизму в Российской Федерации совершенствование отечественного законодательства в сфере противодействия экстремизму является одной из ключевых задач государственной политики в сфере противодействия экстремизму.

В предыдущей главе нами были базово обозначены определенные недостатки отечественного законодательства в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, а также приведен ряд сравнений с законодательствами зарубежных государств. В настоящей главе диссертационного исследования рассматриваются основные направления оптимизации уголовного законодательства в сфере противодействия преступлениям экстремистской направленности.

В главе последовательно анализируются ключевые векторы совершенствования уголовно-правовых норм: уточнение конструкций составов преступлений (статьи 280, 282, 282^1, 282^2 УК РФ), совершенствование системы квалифицирующих признаков, а также гармонизация уголовного закона с иными отраслями права, в частности, законодательством об административных правонарушениях. Особое внимание уделяется оценке эффективности действующих редакций статей после изменений, внесенных в 2025 г.

Оптимизация законодательства относится к правотворческой деятельности, и под ней в доктрине понимается «деятельность, направленная на повышение эффективности правотворческого аспекта правового регулирования»[124]. Также отмечается, что оптимизация законодательства включает в себя множество мер, к

[124] Калинин А.Ю. Правотворческие стандарты и оптимизация правотворческой деятельности в современной России: монография. М.: Издательская группа «Юрист», 2010. С. 84.

которым относятся систематизация законодательства, проведение юридической экспертизы принимаемых законов, повышение их качества и др.[125]

Определение понятия оптимизации законодательства зависит от области права, в которой она осуществляется, специфики сферы правого регулирования в данной области права, ее ключевых потребностей, а также целей и задач, решаемых путем оптимизации.

Как отмечено в доктрине, уголовное антиэкстремистское законодательство особенно остро нуждается в уточнении объективных признаков составов преступлений, устранении расплывчатости формулировок, а также совершенствовании инструментов квалификации[126].

Таким образом, под оптимизацией законодательства в сфере преступлений экстремистской направленности мы понимаем *юридико-техническое совершенствование положений уголовного закона, направленное на устранение пробелов, избыточности и противоречий в уголовном законодательстве, реализуемое при помощи повышения точности формулировок, включая конструкции составов преступлений, примечания и иные элементы, а также ревизии системы квалифицирующих признаков, исходя из целей и задач уголовно-правовой политики государства по противодействию проявлениям экстремизма, а также основных направлений уголовно-правовой охраны общественных отношений от угроз экстремистской активности*.

Одним из приоритетных направлений такой оптимизации выступает совершенствование ст. 280 УК РФ, устанавливающей ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

---

[125] Пемуров К.К. Оптимизация законодательства Российской Федерации: монография. Коломна, Московская обл.: МГОСГИ, 2012. С. 15.

[126] См.: Крупницкая В.И., Розумань И.В. Некоторые аспекты уголовной политики государства по противодействию экстремизму на современном этапе // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4 (33). С. 44-50; Ишигеев В.С., Гармышев Я.В. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности // Вестник Сибирского юридического института МВД России. № 4 (49). 2022. С. 61-67; Трахов А.И., Бешукова З.М. Бланкетность антиэкстремистских норм уголовного закона: как решить уравнение с неизвестным количеством переменных (на примере статьи 280 УК РФ)? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 4. С. 168-173.

Предшествующая рассматриваемой статье ст. 70 УК РСФСР 1960 г. содержала довольно размытое упоминание об антисоветской агитации и пропаганде. В пришедшей ей на смену ст. 280 УК РФ в своей изначальной редакции состав преступления уже был описан намного точнее. В этой редакции прямо перечислялись три запрещенных действия: призывы к насильственному захвату власти, к ее удержанию силой и к насильственному изменению конституционного строя РФ. И хотя данная формулировка стала существенно конкретнее и подробнее прежней, она все еще содержала ряд существенных недоработок.

Прежде всего, статья не включала призывы к нарушению целостности территории РФ и покушения на ее политическую систему. Ограниченность правовой нормы проявлялась также в том, что она касалась исключительно призывов к насилию против конституционного устройства, игнорируя другие формы противоправных действий, ныне подпадающих под экстремистскую деятельность (экстремизм) по смыслу Закона «О противодействии экстремистской деятельности». Кроме того, название нормы отражало лишь одну из трех форм объективной стороны преступного деяния, оставляя без внимания остальные формы, то есть название статьи было уже диспозиции нормы, предусмотренной ею.

В дальнейшем статья претерпела существенные изменения в результате принятия Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ[127]. В новой редакции она установила уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Законодатель последовательно относит преступления экстремистской направленности к посягательствам на конституционный строй и безопасность государства (гл. 29 УК РФ), и эта позиция находит поддержку у большинства отечественных правоведов[128].

---

[127] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «Консультант Плюс».

[128] Курс уголовного права в пяти томах. Том 5. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало, 2002. С. 60; Ростокинский Л.В. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участие в преступном сообществе // Журнал российского права. 2007. № 7. С. 65, 69; Сергун Е.П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности

Тем не менее, существует иная точка зрения: часть исследователей считает размещение статьи в гл. 29 ошибочным, настаивая на том, что объектом данных преступлений является, прежде всего, общественная безопасность, а не фундаментальные основы государства[129].

Представляется, что подобные критические замечания лишены достаточных оснований. Правовой анализ позволяет констатировать наличие фундаментальных различий между преступлениями экстремистской направленности и посягательствами, объектом которых выступают общественный порядок или безопасность (террористический акт, захват заложников, бандитизм, массовые беспорядки, хулиганство, пиратство и др.).

Деструктивный потенциал рассматриваемых деяний сфокусирован прежде всего на фундаментальных основах конституционного строя, содержащихся в первой главе Основного закона РФ. Речь идет о посягательстве на систему базовых ценностей, где приоритет прав и свобод личности сопряжен с принципом безусловного равенства граждан. Экстремистская деятельность подрывает механизмы идеологического плюрализма и политического многообразия, создавая прямую угрозу государственной целостности. Кроме того, подобные преступления вступают в острое противоречие с конституционным запретом на осуществление деятельности, связанной с разжиганием межгрупповой розни или направленной на незаконное изменение институтов власти.

Именно эти фундаментальные принципы подрываются в первую очередь преступлениями экстремистской направленности, что полностью оправдывает

конституционного строя Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 26-28. Юдалевич В.В. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020. С. 295.

[129] Фридинский С.И. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 17; Узденов Р.М. К вопросу об определении объекта преступных проявлений экстремизма // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. С.465; Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Юридический центр Пресс, 2009. С. 66.

размещение соответствующих статей в главе о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства.

Родовой и видовой объекты рассматриваемых преступлений предопределены уголовным законодательством, которое относит их к посягательствам на основы конституционного строя и безопасность государства раздела преступлений против государственной власти.

В данном контексте особое значение приобретают отношения в обществе, гарантирующие стабильность конституционных основ и государственную безопасность. В более узком смысле под защитой находится вся система взаимоотношений, связанных с функционированием государственной власти, которая должна действовать непрерывно и эффективно, без каких-либо противоправных вмешательств.

Итак, родовая принадлежность объекта публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, а также иных рассматриваемых в настоящей главе преступлений определяется через совокупность общественных отношений, обеспечивающих стабильность и непрерывность реализации функций государственной власти. На уровне видового объекта фокус смещается в сторону защиты фундаментальных основ, гарантирующих незыблемость конституционного строя России, а также безопасность государства как суверенного политико-правового института, ограждаемого от любых попыток деструктивного воздействия.

В научных кругах продолжаются дискуссии относительно определения непосредственного объекта публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности. Некоторые ученые отождествляют его с основами конституционного строя, проводя параллель с преступлениями, предусмотренными статьями 277-279 УК РФ[130]. Другая группа специалистов фокусируется на нарушении конституционных норм, запрещающих возбуждение

---

[130] Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.С. Комисарова. СПб., 2008. С. 555; Хачидогов, Р.А. Уголовно-правовая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 4. С. 45.

розни, религиозной, расовой, национальной и др. [131] , а также ведение экстремистской деятельности[132].

Примечательна позиция С.В. Дьякова. В своей работе автор классифицирует деяния, направленные против конституционного строя, включая преступления, предусмотренные статьями 277-279 УК РФ, как угрозы внутренней безопасности государства. При этом, рассматривая конкретные составы экстремистских преступлений, он определяет их непосредственным объектом конституционные отношения, запрещающие экстремизм[133].

Нам близка позиция С.А. Гримальской, которая в качестве основного непосредственного объекта публичных призывов к осуществлению экстремисткой деятельности выделяет общественные отношения, обеспечивающие стабильность конституционного строя, защиту основ государства от насильственных изменений, а в качестве дополнительного объекта указывает отношения, гарантирующие межнациональное и межконфессиональное согласие, неприкосновенность гражданских прав и свобод[134].

Предметом рассматриваемого преступления, по мнению некоторых авторов, необходимо понимать информацию общего и неконкретизированного характера, которая побуждает к совершению экстремистской деятельности[135].

---

[131] Наумов А.В Российское уголовное право. Курс лекций. Т. 3. Особенная часть (главы XI-XXI). М., 2007. С. 335.; Диденко К.В., Баранова Т.Ю. Уголовно-правовые меры противодействия публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. 2019. С. 131.

[132] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. С. 465; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. 2-е изд. М.: Проспект, 2020. С. 539; Тяжкова И.М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 4. С. 85.

[133] Полный курс уголовного права в 5 томах. Т. 5 / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 26, 55, 59,61,65.

[134] См.: Гримальская С.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика (ст. 280 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2025. № 7. С. 103-109.

[135] Анисимова И.А., Ерахмилевич В.В., Веснина Е.П. Публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как угроза безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 85-86.

Такие преступления зачастую сопряжены с распространением специфического контента, обладающего признаками экстремистских материалов. Исходя из нормативных положений Закона № 114-ФЗ, к данной категории относятся любые информационные продукты – от печатных изданий до цифровых носителей, чей содержательный вектор направлен на прямую стимуляцию противоправной активности. Такие материалы могут содержать не только призывы к действию, но и транслировать идеологическую платформу, обосновывающую деструктивные практики, а также продвигать концепции дискриминационного превосходства, базирующиеся на расовых, конфессиональных, этнических и прочих признаках.

Анализ списка экстремистских материалов, опубликованного на официальном сайте Министерства юстиции РФ, который формируется на основе судебных решений, показал, что экстремизм принимает формы опубликования различного рода контента. В этой связи у ряда ученых, занимающихся исследованием данной проблематики, возник закономерный вопрос – неужели за прошедшие годы экстремизм так сильно трансформировался, или же имеет место деформация правоприменительной практики?[136] В такой дилемме мы согласны с авторами, придерживающимися второй версии.

Объективная сторона данного преступления выражается именно в активных действиях по распространению призывов, направленных на вовлечение граждан в экстремистскую деятельность путем психологического воздействия на их волю и поведенческие установки.

Разнообразные способы коммуникации, включая письменные воззвания и устные выступления, зачастую с использованием современных технологий, активно используются для распространения экстремистских идей. Основная цель таких действий – объединить массы людей и направить их сознание в русло противозаконной деятельности, побуждая к совместным антиобщественным

---

[136] Бодров, Н.Ф. Бимбинов, В.Н. Воронин. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет : проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений. М. 2020. С. 37.

действиям. По мнению С.Н. Фридинского, ключевой особенностью таких призывов является их консолидирующая и мобилизующая функция[137].

Призывы характеризуются тем, что они содержат в себе некий посыл, который в науке также называют «вербальным императивом»[138], они направлены на сознание людей с целью побудить их к совершению определенных действий. Как справедливо отмечает С.Н. Фридинский, «призывы – это проявление целенаправленной деятельности, которую следует отличать от формально схожего выражения личного мнения в семейных, дружеских и других беседах»[139].

Для наглядности приведем примеры публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности, в которых усматриваются конкретные побуждения к действиям.

Так, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности судами расценивались такие выражения как «режь москалив!»[140], «да таких надо самих убивать»[141], «стрелять, стрелять, как собак бешеных!»[142], «бей гадов»[143], «а давайте их уже бить, сильно»[144], «убивайте и уничтожайте таких (неценз.), такие

---

[137] Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис… канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. С. 98.

[138] См.: Осадчий М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 11 (19); Дединкин А.Л. Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 1. С. 86-97.

[139] Фридинский С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристъ-правоведъ. 2008. № 4 (29). С. 67.

[140] Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-490/2019 от 07 июня 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[141] Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-1265/2019 от 4 декабря 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/hCPPM9x732Nq/.

[142] Приговор Волжского районного суда города Саратова по делу № 1-259/2023 от 11 сентября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[143] Приговор Пермского краевого суда Пермского края по делу № 2-37/2025 от 24 ноября 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/F64766UyDD1r/.

[144] Приговор Балаковского районного суда Саратовской области по делу № 1-1-38/2026 от 25 января 2026 г. // https://sudact.ru/regular/doc/rRt2AMuO0H1r/.

(неценз.) этого стоят»[145], «сжечь (неценз.) этот грязный народ»[146], «сжигать, стрелять, убивать, резать этих (неценз.)»[147], «смерть оккупантам!»[148], «восстанием решим проблему»[149], «сделаем здесь джихад»[150], «сражайтесь с ними» и «выступайте в поход»[151], «сравнять с землей все столицы, города» и «свергнуть текущую власть вместе»[152].

З.М. Бешукова классифицировала призывы к экстремизму по четырем основным категориям:

– призывы с четкой формулировкой;

– завуалированные обращения;

– размытые высказывания;

– призывы, подкрепленные фактическими случаями[153].

В соответствии с п. 4 Постановления № 11, «под публичными призывами (ст. 280 УК РФ) следует понимать выраженные в любой форме (устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности»[154]. Однако необходимо оговориться, что личная переписка через социальные сети или иные цифровые средства коммуникации не квалифицируется как преступное деяние.

---

[145] Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-102/2023 от 15 августа 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[146] Приговор Свердловского районного суда города Красноярска по делу № 1-806/2025 от 24 ноября 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/Ny09RMexwZZV/.

[147] Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-56/2020 от 29 апреля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[148] Приговор Октябрьского районного суда города Иркутска по делу № 1-284/2025 от 3 августа 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/Rfes1Ck4de11/.

[149] Приговор Волжского районного суда Самарской области по делу № 1-220/2018 от 12 ноября 2018 г. // https://sudact.ru/regular/doc/IBjemehwuB4/.

[150] Приговор Хасавюртовского городской суд Республики Дагестан по делу № 1-276/2019 от 19 сентября 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/J82VMS3XcnxZ/.

[151] Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-61/2019 от 4 июля 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/rwkVmldbwerk/.

[152] Приговор Олекминского районного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-85/2018 от 5 ноября 2018 г. // https://sudact.ru/regular/doc/L91rfqeVVWLP/.

[153] См.: Бешукова З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности (сравнительно-правовое исследование): монография. Пятигорск : РИА-КМВ, 2011. С. 115-116.

[154] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Ключевым фактором здесь выступает критерий общедоступности призывов – противоправными признаются только те действия, которые совершаются через общедоступные каналы размещения информации.

Ключевым критерием публичности является направленность информации на неопределенный круг лиц или группу людей, при этом форма подачи может быть любой – письменной, устной или технически опосредованной. Таким образом, публичное распространение заведомо ложных сведений может осуществляться множеством способов, начиная организацией собраний и заканчивая электронными рассылками.

Как считают некоторые ученые, о публичности свидетельствует возможность воспринимать призывы несколькими лицами (от двух и более)[155]. Тем не менее, по доминирующему мнению, арифметический подход для признания призывов публичными недопустим, а количество людей, к которым обращены призывы, самостоятельного правового значения не имеет. Оно имеет значение лишь для правоприменителя при оценке характера и степени общественной опасности деяния[156].

Публичность призывов представляет собой обстановку (условия) совершения преступления, которая выступает обязательным элементом объективной стороны деяния, предусмотренного ст. 280 УК РФ. Согласно разъяснениям, содержащимся в Постановлении № 11, установление признака публичности требует от органов правосудия комплексного анализа объективных обстоятельств совершения деяния. Судам надлежит оценивать не только способ и место обращения, но и специфику обстановки: от вербальных призывов в ходе массовых мероприятий (митингов, собраний) до использования визуальных средств (плакатов, листовок). Особое внимание уделяется современным методам коммуникации, таким как массовая рассылка сообщений пользователям мобильной

---

[155] Фридинский С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристъ-правоведъ. 2008. № 4 (29). С. 68.

[156] См., напр.: Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2005. С. 104

связи, что в совокупности с иными фактами позволяет квалифицировать действия как открытое обращение к неопределенному кругу лиц.

При этом, некоторые исследователи указывают на то, что массовая рассылка сообщений не может быть признана публичными призывами, поскольку адресатом в каждом случае является конкретное лицо, и в данном случае отсутствует одновременное восприятие информации множеством лиц[157]. Однако мы полагаем, что данный признак не является обязательным для признания призывов публичными, принципиальное значение имеет сама возможность восприятия информации множеством лиц. То же самое касается случаев раздачи листовок.

Также согласимся с исследователями, настаивающими на том, что осведомленность распространителя призывов относительно количества адресатов, а также личное знакомство с ними при осуществлении массовой рассылки не влияют на признание призывов публичными[158]. В пользу этого свидетельствует то обстоятельство, что данные сообщения могут получить дальнейшее неподконтрольное распространение в отношении неограниченного круга лиц. В отличие от приватного межличностного общения, при котором адресат является конечным получателем информации, при веерной рассылке каждый отдельный получатель перестает быть конечным адресатом и превращается в потенциальный канал дальнейшей трансляции.

Обращаясь к судебной практике, рассмотрим приговор Благовещенского городского суда Амурской области. В данном деле суд усмотрел признаки преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ в действиях ФИО, который записал голосовое сообщение экстремистского характера и разослал его своим 11 контактам в интернет-мессенджере[159].

В данном случае суд абсолютно верно сделал акцент на возможности восприятия голосовых сообщений множеством адресатов.

---

[157] См.: Чернявский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. М., 2017. С. 120.
[158] См.: Горшков Д.Ю. Публичный способ совершения экстремистских преступлений: сущность и критерии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 153.
[159] Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-569/2025 от 22 июля 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/J3Z6d1nASmHV/.

Итак, призывы считаются публичными в двух случаях: когда они делаются открыто перед аудиторией или когда человек осознанно распространяет их таким способом, что они становятся доступными для восприятия широким кругом лиц. Это следует из понятийно-содержательной сущности категории публичности.

В юридической науке существует важный вопрос: как различать подстрекательство к преступлениям и публичные призывы к экстремизму? Информационное воздействие на массовое сознание с целью формирования убеждений в необходимости экстремистских действий – это ключевая характеристика публичных призывов[160]. В отличие от них, подстрекательство нацелено на конкретных людей и реализуется через угрозы, подкуп или уговоры для побуждения к определенным противоправным действиям. Существенное различие между этими правовыми понятиями заключается в том, что публичные призывы не имеют конкретного адресата, тогда как подстрекательство, описанное в ч. 4 ст. 33 УК РФ, всегда направлено на определенный круг лиц.

Также, согласно правовым принципам, нельзя привлечь лицо к уголовной ответственности за расплывчатые и неконкретные призывы к экстремизму. Это обусловлено тем, что без четкой конкретизации таких призывов правоохранительные органы не способны адекватно оценить степень угрозы обществу от действий, к которым подстрекают других. Размытость формулировок в подобных случаях становится препятствием для уголовного преследования[161].

Административное законодательство, а именно ст. 20.29 КоАП РФ, предусматривает ответственность за создание и сохранение экстремистских материалов с целью их широкого распространения. Таким образом, если лицо готовится к преступным действиям, которые образуют собой состав преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, то есть готовится к совершению публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности при помощи

---

[160] См.: Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис… канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. С. 101; Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. С. 106.

[161] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 62

экстремистских материалов, производство или хранение соответствующих материалов в целях их массового распространения повлекут для лица лишь административную ответственность. Это обусловлено положениями ст. 30 УК РФ, поскольку данное деяние не входит в категорию тяжких и особо тяжких преступлений.

Состав преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, является формальным. Это означает, что преступление окончено с начала публичного совершения таких призывов, независимо от того, осуществил ли кто-либо в результате таких призывов экстремистскую деятельность.

В ходе обсуждений на заседании президентского Совета по гражданскому обществу 2020 г. был поднят важный для развития рассматриваемой нормы вопрос. Учитывая опыт либерализации ст. 282 УК РФ посредством внедрения механизма административной преюдиции, было предложено распространить подобную практику и на ст. 280 УК РФ. Это предложение базировалось на успешных результатах предыдущего смягчения уголовной ответственности, которые выразились в стабилизации репрессивной практики [162]. Однако изменений в законодательстве в последующем не произошло, что мы оцениваем положительно. Нами не поддерживается чрезмерно активное привлечение лиц к уголовной ответственности в ситуациях, когда их действия не представляют собой существенной общественной опасности, однако мы против участившейся практики введения механизма административной преюдиции в нормы уголовного законодательства (подробнее об этом в параграфе, посвященному ст. 282 УК РФ).

Как мы уже отмечали ранее, после принятия Федерального закона № 112-ФЗ от 2002 г. ст. 280 УК РФ получила новую редакцию, существенно расширившую ее применение. Однако после этого в правовом сообществе возникли серьезные споры относительно трактовки положений статьи.

Теперь публичные призывы к совершению действий, которые сами по себе образуют лишь административные правонарушения, например, к пропаганде либо

---

[162] Прямая линия с Владимиром Путиным: официальный сайт Президента России. 2018. 7 июня. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692 (дата обращения: 14.05.2024).

публичному демонстрированию нацистской атрибутики или символики (ст. 20.3 КоАП РФ) или массовому распространению экстремистских материалов (ст. 20.29 КоАП РФ), могут быть квалифицированы как уголовно наказуемое деяние. Некоторые ученые считают такую ситуацию весьма неоднозначной, поскольку фактический охват уголовно-правовой нормы оказался шире изначального замысла законодателя[163].

При обсуждении проекта Постановления № 11 поднимался вопрос об интерпретации применения ст. 280 УК РФ, однако окончательного решения он не получил. При этом, по мнению А.Г. Хлебушкина, с которым мы согласны, представляется рациональным использовать ограничительное толкование данной нормы, отступая от буквального прочтения ее формулировки[164].

Такой же позиции придерживается С.М. Кочои, который при рассмотрении данного вопроса указывает на необходимость квалифицировать деяния по ст. 280 УК РФ лишь в тех ситуациях, когда лицом осуществляются призывы к действиям, предусмотренным уголовным законодательством[165].

Тем не менее, учитывая направленность законодательных изменений в сторону увеличения охвата действий, к которым призывает лицо, у судов в настоящий момент имеются все основания трактовать ее положения расширительно.

Однако нами данный подход видится неверным, в связи с чем мы, соглашаясь с указанными авторами, также полагаем, что ст. 280 УК РФ должна претерпеть определенные изменения, сужающие объем действий, к которым должно призывать лицо. В частности, в рамках ст. 280 УК РФ необходимо установить ответственность за публичные призывы к совершению именно преступных экстремистских действий. Эти изменения будут соответствовать такому критерию

---

[163] См., напр.: Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 311.

[164] Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2007. С. 8

[165] Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М.: Проспект, 2005. С. 106.

криминализации деяний как достаточная степень их общественной опасности, поскольку статья будет предусматривать ответственность лишь для лиц, призывающих к преступной, а не просто «общественно вредной» деятельности. Такой же позиции придерживается ряд других исследователей, указывающих на недопустимость межотраслевой коллизии в формулировке диспозиции ст. 280 УК РФ[166].

Так, по одному из дел, суд уделил особое внимание квалификации действий, к которым призывал злоумышленник. В приговоре суд отдельно отметил, что ФИО, желая наступления последствий в виде совершения преступлений, предусмотренных статьями 111, 112, 115, 116 УК РФ, в целях побуждения неограниченного круга лиц к экстремистской деятельности, разместил комментарии к видеозаписи в социальной группе, содержащие призыв к насильственным действиям в отношении сотрудников Федеральной службы исполнения наказания Российской Федерации. ФИО был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 280 УК РФ[167].

Как показал анализ судебной практики (в том числе, приведенной в настоящем исследовании), в большинстве случаев лица, привлекаемые к уголовной ответственности по ст. 280 УК РФ, осуществляют призывы к деятельности, имеющей признаки преступлений (убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, вооруженный мятеж и др.). Таким образом, предложенное реформирование уголовного законодательства не окажет существенного влияния на применение настоящей статьи, однако обяжет суды исследовать вопрос о том, к какой деятельности призывает лицо в каждом конкретном случае, что таже будет способствовать индивидуализации уголовной ответственности.

Говоря об объеме деятельности, к которой должно призывать лицо в рамках ст. 280 УК РФ, также отметим позицию С.В. Борисова, который считает, что такие

---

[166] См., напр.: Трахов А.И., Бешукова З.М. Указ. соч. С. 171.

[167] Приговор Киселевского городского суда Кемеровской области № 1-310/2020 от 26 июля 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ/.

административные правонарушения как производство экстремистских материалов, пропаганда фашисткой атрибутики и др. следует рассматривать исключительно как создание условий для будущей экстремистской деятельности, но не как саму эту деятельность[168]. С такой позицией трудно согласиться. Публичная пропаганда или демонстрация нацистской символики уже сама по себе представляет законченное проявление экстремизма, а не просто подготовительный этап, так как является демонстрацией точки зрения о неполноценности отдельных групп людей и превосходства других групп. Изначальная логика законодателя в отнесении данного деяния к административным правонарушениям, а не преступлениям, усматривалась лишь в оценке его степени общественной опасности.

А.Г. Хлебушкин одним из возможных вариантов решения видит внесение дополнений в Закон № 114-ФЗ, которые бы определяли те преступные экстремистские деяния, за призывы к совершению которых предусмотрена ответственность в ст. 280 УК РФ[169]. Помимо этого, им, в целях правовой определенности, также предлагается криминализовать деяния экстремистского характера, которые в настоящее время преступными не признаются[170]. Данный подход в определенной степени заслуживает критики в связи с тем, что несовершенство законодательства не должно компенсироваться за счет криминализации ранее не влекших уголовной ответственности деяний. Для этого, как мы уже указывали, должны иметься специальные основания, как, например, увеличение объема их угрозы для общественных отношений.

Ранее нами были отмечены преимущества французского законодательства по противодействию экстремизму, положения которого содержат четкий перечень способов совершения провокации дискриминации, ненависти или насилия. Такой подход соответствует принципу правовой определенности закона, который предполагает, что нормы должны быть сформулированы ясно и предсказуемо,

---

[168] Борисов С.В., Ульянов М.В., Липатова Ж.Н. – Административно-правовое предупреждение правонарушений экстремистской направленности и роль органов прокуратуры // Административное право и практика администрирования. № 5, 2014. С. 6.

[169] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 60.

[170] Там же. С. 61.

позволяя гражданам понимать границы запрещенного поведения, а правоприменителям – применять их последовательно, без чрезмерной свободы усмотрения. Согласно данному принципу, уголовная ответственность должна наступать только за четко описанные в законе деяния, что минимизирует риски его произвольного толкования.

Заимствование подобного подхода в новой редакции ст. 280 УК РФ, на наш взгляд, значительно повысит ее правовую определенность. Также введение четкого перечня способов совершения преступления напрямую в текст нормы позволит устранить ее зависимость от разъяснений высшей судебной инстанции.

В 2006 г. в уголовное законодательство была добавлена ст. 205^2 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за публичные призывы к террористической деятельности. Как указано в п. 5 Постановления № 11, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности в силу предписаний ч. 3 ст. 17 УК РФ подлежат квалификации не по ст. 280 УК РФ, а по ст. 205^2 УК РФ.

В контексте уголовного законодательства возник дискуссионный вопрос о квалификации деяний, связанных с призывами как к терроризму, так и к экстремистской деятельности. Закон № 114-ФЗ определяет терроризм как одну из форм экстремизма, что подразумевает их соотношение как частного и общего. Однако правовая неопределенность сохраняется, поскольку Верховный Суд РФ не дал четких разъяснений о том, следует ли квалифицировать одновременные призывы к обоим видам запрещенной деятельности по совокупности или достаточно применения только ст. 280 УК РФ как общей нормы.

Многие исследователи придерживаются мнения о том, что терроризм следует рассматривать как частный случай экстремизма. Следовательно, они считают нецелесообразным применение правила о совокупности преступлений, стремясь обеспечить единообразное толкование закона. Тем не менее, сторонники данной позиции признают необходимость пересмотра действующего уголовного законодательства, в частности, корректировки санкций, предусмотренных

статьями 280 и 205^2 УК РФ. Такая корректировка, по их мнению, позволила бы более эффективно регулировать ответственность за подобные деяния[171].

Смешение двух понятий – экстремизма (экстремистской деятельности) и терроризма (террористической деятельности), отличающихся друг от друга по самой своей сути, вызывает возражения со стороны научного сообщества. Ряд авторов обоснованно заявляют о несовершенности действующего законодательства, в частности, о том, что смешение двух законов – Закона № 114-ФЗ и Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», является излишним[172]. Ранее нами была поддержана данная точка зрения.

Важно при этом понимать фундаментальное различие между этими явлениями – если экстремизм характеризуется приверженностью к радикальной идеологии и готовностью действовать согласно ее принципам, то терроризм представляет собой конкретный механизм реализации экстремистских идей посредством насильственных методов и террора[173].

Действия лица, которое призывает совершать одновременно экстремистскую и террористическую деятельность, должны быть квалифицированы по двум статьям уголовного законодательства – 280 и 205^2 УК РФ. Это следует из общих принципов квалификации подобных правонарушений.

Примечателен в данном случае следующий пример из практики. ФИО опубликовало на нескольких своих аккаунтах в социальной сети материалы, содержащие призывы запрещенной в России организации «Правый сектор». Тексты материалов содержали радикальные идеи о превосходстве определенных этнических групп, и, помимо этого, агитировали к совершению различных форм

---

[171] См.: Бодров Н.Ф., Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020; Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 319.

[172] См., напр.: Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 426-427, Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: - М. Проспект, 2020. С. 88.

[173] Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 8.

насилия против российской власти, мирного населения, а также тех, кто не поддерживал взгляды указанной организации. Данные действия были квалифицированы судом по ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 205^2 УК РФ[174].

Как верно отмечает С.В. Криштопов, идеальная совокупность в строгом смысле здесь невозможна, поскольку составы преступлений террористической и экстремистской направленности на практике оказываются альтернативными и взаимоисключающими по своей юридической природе[175]. Описанная ситуация демонстрирует высокую степень взаимопроникновения исследуемых криминальных явлений. Взаимная обусловленность и дополняемость этих преступлений существенно усложняют процесс правовой квалификации. В связи с этим актуализируется потребность в выработке четких критериев разграничения данных составов, позволяющих преодолеть практические сложности, возникающие из-за их тесного фактического переплетения[176].

Уголовное законодательство, хотя и учитывает положения Закона № 114-ФЗ, содержит собственные правовые механизмы для защиты общественных отношений, а потому, применение норм УК РФ не должно бездумно опираться на положения этого законодательного акта. К тому же, попытки трактовать деяния, предусмотренные ст. 205^2 УК РФ как частное к деяниям, предусмотренным ст. 280 УК РФ, противоречат законодательным изменениям 2006 г., специально выделившим их в отдельную категорию преступлений. В противном случае мы будем вынуждены признать, что смысла введения данной статьи не было, ведь подобные действия и дальше могли квалифицироваться по ст. 280 УК РФ.

Необходимо отметить, что Закон № 114-ФЗ скорее определяет общие векторы развития законодательства, чем предлагает конкретные

---

[174] Приговор Приволжского окружного военного суда от 26 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[175] Криштопов С.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям экстремистской направленности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. С. 17.

[176] См.: Алехин В.П. Проблемы разграничения терроризма и экстремизма в уголовном праве: критерии дифференциации составов преступлений и их практическое применение // Вестник экономики и права. 2025. № 108. С. 58-63.

правоприменительные инструменты. Его характер можно охарактеризовать более как концептуальный, нежели прикладной.

При установлении факта выполнения лицом заданий иностранных государств или их представителей в процессе совершения рассматриваемого преступления, требуется квалификация по совокупности преступлений. Составы, предусмотренные статьей 280 УК РФ, в данном случае не поглощают содержание государственной измены. Таким образом, ст. 275 УК РФ отражает специфику субъективной стороны – направленность умысла на подрыв суверенитета государства в интересах внешних сил.

В случае если призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершаются лицом путем размещения их на зданиях или иных сооружениях, действия лица могут дополнительно квалифицироваться по ст. 214 УК РФ.

По одному из дел суд установил, что ФИО, имея намерение побудить широкий круг граждан к совершению насильственных действий в отношении лиц еврейской национальности, нанес на лицевую часть памятника для просмотра изображение нацистской символики в виде «свастики», «прицела», четырех букв «Ы», «стрелки» направлением вверх, а также надпись «Убей жида». ФИО был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280, ч. 2 ст. 214 УК РФ[177].

Аналогичным образом были квалифицированы действия лица, нанесшего на здания нацистскую и экстремистскую символики, а также надписи, содержащие призывы к насильственным действиям в отношении представителей кавказских народностей[178].

По ч. 2 ст. 280 УК РФ квалификации подлежат те же действия, что указаны в ч. 1 статьи, совершенные с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

---

[177] Приговор Краснооктябрьского районного суда города Волгограда № 1-97/2020 от 22 октября 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/B3X9I0B77Bra/.

[178] Постановление Кировского районного суда города Санкт-Петербурга по делу № 1-555/2021 от 08 декабря 2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

Таким образом, способ совершения рассматриваемого преступления в данном случае играет роль квалифицирующего признака.

Дискуссионным является вопрос о том, каким образом необходимо квалифицировать действия лица, которое размещает на интернет-ресурсах несколько публикаций, которые содержат в себе призывы к экстремизму.

Примером реализации норм об ответственности за публичные призывы в цифровой среде является уголовное дело, рассмотренное Ботлихским районным судом Республики Дагестан. Суд пришел к выводу о виновности ФИО в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, ч. 2 ст. 280 УК РФ. В качестве доказательной базы выступил факт размещения в социальной сети двух видеороликов. Примечательно, что даже при условии размещения контента в течение сжатого периода времени, правоприменитель усмотрел в действиях осужденного самостоятельные составы, образующие совокупность. При этом, из показаний ФИО следовало, что мотивом его действий являлось желание из чувства солидарности донести смысл видеоматериалов до неограниченного круга пользователей сети «Интернет», оправдать действия, о которых в них говорится, обосновать необходимость их совершения и побудить принять его точку зрения. Его целью при этом являлось установление на территории РФ халифата [179].

Полагаем, что в данном случае, с учетом единства мотивов и целей лица, использования единого способа совершения преступления в непродолжительный период времени, суду следовало квалифицировать указанные действия как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 280 УК РФ.

2-ым Западным окружным военным судом было установлено, что ФИО в течение нескольких месяцев размещал в сети «Интернет» материалы, содержащие публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и его пропаганду. ФИО был осужден за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 205^2, ч. 2 ст. 205^2,

[179] Приговор Ботлихского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-35/2019 от 12 июня 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/uNgzSQDDBbbV/.

ч. 2 ст. 205^2, ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280 УК РФ[180]. Защита просила переквалифицировать его действия на ч. 2 ст. 205^2, ч. 2 ст. 205^2, ч. 2 ст. 280 УК РФ, поскольку они характеризовались единым умыслом. Однако высшая судебная инстанция указала, что ФИО размещал материалы каждый раз с новым умыслом, остро реагируя на события, освещаемые в СМИ. Также между его публикациями имелись достаточно длительные промежутки времени[181].

В данном случае суды правомерно учли то обстоятельство, что лицо каждый раз имело новый умысел на совершение преступлений, руководствуясь при этом разными мотивами и целями, а также длительные временные промежутки между публикациями.

Другая ситуация имела место по делу, рассмотренному Ленинским районным судом города Махачкалы Республики Дагестан. Судом было установлено, что ФИО выложил в различных социальных сетях три видеоматериала и два аудиоматериала, в которых имеются призывы к осуществлению экстремисткой деятельности. Органом предварительного следствия действия ФИО были квалифицированы как пять самостоятельных преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280 УК РФ, однако суд указал, что действия лица являлись тождественными и однотипными, совершенными с общей целевой направленностью, в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, в одном месте, в небольшой промежуток времени, аналогичным способом, и, таким образом, представляют собой единое преступление. Совершение их в различных социальных сетях правового значения не имеет[182].

Из данного дела можно подытожить, что использование лицом различных интернет-ресурсов, а также различных по виду материалов (аудиозаписи, видеозаписи и др.) не должны рассматриваться как признак совершения им самостоятельных преступлений. Мы согласны с данным правоприменительным

---

[180] Приговор 2-го Западного окружного военного суда по делу № 2-194/2021 от 13 декабря 2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

[181] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 № 222-УД22-47-А6// СПС «Консультант Плюс».

[182] Приговор Ленинского районного суда города Махачкалы Республики Дагестан № 1-713/2022 от 11 ноября 2022 г. // https://sudact.ru/regular/doc/a7Qb9tGZwW6S/.

подходом, поскольку указанные обстоятельства, особенно с учетом развития информационного пространства, не могут влиять на признание действий лица не тождественными.

Необходимо отметить, что использование популярных информационных порталов, а также популярных сообществ и каналов в социальных сетях, безусловно, способно повышать охват аудитории злоумышленников, и, соответственно, общественную опасность призывов. С.Н. Фридинский указывает на то, что опасность данного преступления увеличивается, когда преступник получает возможность воздействовать на психику, сознание, установки неопределенного круга лиц [183] . Однако, как указывают некоторые авторы, необходимо учитывать неоднородность ресурсов сети «Интернет», так как к ним могут быть отнесены как крупные новостные сайты, так и малопопулярные чаты и страницы в социальной сети[184].

Наличие указанного квалифицирующего признака в ст. 280 УК РФ, по нашему мнению, является излишним, поскольку признак публичности уже заложен в основном составе преступления и автоматически распространяется на деяния, подпадающие под ч. 2 данной статьи. К тому же, то обстоятельство, что использование публичных ресурсов играет в данной статье роль квалифицирующего признака, в определенной степени нарушает стройность и логичность уголовного законодательства, поскольку в ст. 282 УК РФ использование публичных ресурсов включено в понятие публичности и квалифицируется по основному составу преступления.

Анализ 30 уголовных дел, в которых действия лица были квалифицированы по ч. 2 ст. 280 УК РФ, позволил нам сделать вывод о том, что в большинстве случаев под действие квалифицирующего признака подпадают случаи размещения

---

[183] Фридинский С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Юристъ-правоведъ. 2008. № 4 (29). С. 69.

[184] См., напр.: Алаторцев А.Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности // Уголовное право. 2017 № 2. С. 6.

единичных комментариев или публикаций в источниках с небольшим охватом аудитории.

Так, Кировским районным судом города Красноярска было установлено, что ФИО разместил под новостной записью в социальной сети комментарий в отношении сотрудников полиции следующего содержания: «Да потому что (неценз.) сжечь их (неценз.) как Жанну дарк сожгли». В тексте приговора было указано, что с комментарием ознакомились «не менее 2 пользователей социальной сети». В итоге ФИО признали виновным по ч. 2 ст. 280 УК РФ[185]. А это уже означает куда более строгое наказание, чем по основному составу преступления.

Такая же картина повторялась и в других делах[186].

Если обратиться к официальной статистике Верховного Суда РФ за последние годы, видно, что чаще всего приговоры выносились именно по ч. 2 ст. 280 УК РФ, а не по базовой норме. Так, за 2020 г. 12 осужденных по ч. 1 против 135 осужденных по ч. 2., за 2021 г. 13 против 242, за 2022 г. 12 против 264, за 2023 г. 10 против 175, за 2024 г. 12 против 204, за первое полугодие 2025 г. 3 против 94[187].

Отсюда видно, что такой признак, как распространенность деяния, в полной мере проявляется именно для квалифицированного состава. Статистика наглядно показывает: по ч. 1 ст. 280 УК РФ, то есть по основному составу, приговоры выносятся крайне редко. В среднем больше 90% приговоров приходится на

---

[185] Приговор Кировского районного суда г. Красноярска по делу № 1-564/2023 от 18 октября 2023 года // https://sudact.ru/regular/doc/HO1wd3R7jjWl/.

[186] См.: Приговор Киселевского городского суда Кемеровской области № 1-310/2020 от 26 июля 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ/.

Приговор Волгоградского областного суда по делу № 2-26/2025 от 8 сентября 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/DO20Ktg7zQgw/;

Приговор Октябрьского районного суда города Томска по делу № 1-115/2024 от 9 июля 2024 г. // https://sudact.ru/regular/doc/LUXV44D9Cmr1/;

Приговор Советского районного суда города Томска № 1-217/2023 от 24 июля 2023 г. // СПС «Консультант Плюс»;

Приговор Тляратинского районного суда Республики Дагестан № 1-28/2020 от 27 октября 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/WNNx7kHpxvWP/;

Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-1265/2019 от 4 декабря 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/hCPPM9x732Nq/;

Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан № 1-276/2019 от 19 сентября 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/J82VMS3XcnxZ/.

[187] Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 25.10.2025).

квалифицированный состав. Это в первую очередь связано с тем, что интернет-ресурсы развиваются очень быстро и сегодня стали основным каналом распространения информации. Поэтому базовая норма ст. 280 УК РФ почти не оказывает влияния на регулирование общественных отношений в сфере противодействия экстремистским призывам.

В связи с этим, ограниченность ч. 1 ст. 280 УК РФ в плане регулирования общественных отношений очевидна – она не охватывает преобладающие формы совершения деяния в цифровую эпоху, где подавляющее большинство случаев связано с публичными призывами через Интернет. Для устранения этого дисбаланса предлагается исключить использование интернет-ресурсов в качестве квалифицирующего признака из ч. 2 ст. 280 УК РФ, перенеся его в общий состав ст. 280 УК РФ. Такая мера также позволит унифицировать подход к ответственности, сосредоточив внимание на сути деяния, а не на средствах его совершения, и обеспечит более пропорциональное применение нормы в условиях доминирования цифровых коммуникаций, сохранив при этом адекватный уровень защиты общественных интересов.

Также полагаем, что публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности с использованием публичных ресурсов, с учетом того, что в большинстве случаев данные действия выражаются в размещении единичных комментариев и публикаций в источниках с небольшим охватом аудитории, в настоящее время не представляют большей общественной опасности, чем призывы, высказанные на собраниях, митингах и демонстрациях, которые квалифицировались бы по ч. 1 ст. 280 УК РФ. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что действующая редакция ст. 280 УК РФ в определенных случаях может приводить к чрезмерной криминализации деяния, а также нарушать принцип дифференциации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния.

Ранее нами предлагалось обратить внимание на уголовное законодательство Индии, которое содержит такой квалифицирующий признак, как «те же деяния, совершенные в любом месте богослужения, или на любом собрании, занятом в

отправлении религиозного обряда и (или) церемонии». В доктрине уголовного права религиозный экстремизм традиционно характеризуется повышенной степенью общественной опасности. Данное свойство обусловлено его высокой способностью к системной трансформации в террористическую деятельность, что актуализирует необходимость дифференциации и ужесточения мер уголовной ответственности за подобные деяния[188].

Примечательно, что схожая формулировка имеется в российском уголовном законодательстве в ч. 2 ст. 148 УК РФ. Однако в российском законе формулировка «в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний» заметно сужает область регулирования статьи.

Заимствование опыта зарубежного законодательства представляется нам целесообразным, но с учетом формулировок, уже существующих в ст. 148 УК РФ, поскольку важно четко ограничить применение нормы только теми пространствами, которые непосредственно предназначены для проведения религиозных мероприятий (церкви, мечети, синагоги и др.). Подобное ограничение сферы действия представляется вполне обоснованным и логичным, поскольку позволит избежать чрезмерно широкого применения статьи.

Необходимость введения такого квалифицирующего признака видится в том, что совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в таких местах отражает больший цинизм действий лица и очевидно представляет большую общественную опасность, поскольку такие призывы, подкрепленные произвольно интерпретируемыми религиозными трактатами, способны с большей вероятностью воздействовать на сознание людей, в частности, прихожан[189].

---

[188] См., напр.: Кочои С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 2. С. 243; Чернышев С.А., Журбенко А.М., Снеговой А.В. Религиозный терроризм и экстремизм как угроза международной и национальной безопасности Российской Федерации // Вестник ВИПК МВД России. 2025. № 1 (73). С. 174-180.

[189] См. подробнее: Дроздов И.С. Вопросы противодействия преступлениям по мотивам религиозной ненависти // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 394.

Также, на наш взгляд, для наилучшей защиты общественных отношений стоит поддержать предложение С.М. Кочои дополнить ст. 280 УК РФ таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления лицом с использованием своего служебного или должностного положения, учитывая то, что Закон № 114-ФЗ отдельно предусматривает ответственность должностных лиц (п. 14)[190]. Действительно, в зависимости от того, от кого исходят подобные призывы, степень опасности может быть разной, поскольку лицо, используя свое служебное положение, может оказывать большее влияние на лиц, в отношении которых им совершаются призывы.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», принятому Государственной Думой 17 июня 2025 г., обосновывалась необходимость изменения п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ. В пояснительной записке подчеркивалось, что содеянное группой лиц или по предварительному сговору характеризуется весомым приростом общественной опасности. Данный тезис обосновывался тем, что объединение усилий нескольких субъектов не только облегчает достижение преступного результата, но и создает условия для более масштабного посягательства на конституционные ценности, охраняемые уголовным законом.

Полагаем, что приведенные аргументы применимы и к ст. 280 УК РФ. В научной литературе отмечается, что наличие такого квалифицирующего признака обладает определенным профилактическим характером, что крайне важно в области преступлений экстремистской направленности[191]. В связи с этим, мы видим целесообразным дополнить статью таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

---

[190] См.: Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М.: Проспект, 2007. С. 48.

[191] Южников А.А. Организованная группа как квалифицирующий признак состава преступления // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 3. 2021. С. 163.

Что касается субъекта рассматриваемого преступления, в данном случае им может являться вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности совершается лицом исключительно с прямым умыслом, при котором злоумышленник стремится побудить других лиц к экстремизму.

В научном сообществе высказывались предположения относительно наличия специальной цели как обязательного признака субъективной стороны преступления, связанного с экстремистскими призывами. В частности, Е.А. Иванченко[192], С.Н. Фридинский[193], В.И. Булавин и С.М. Паршин[194] указывали на то, что формирование у людей внутренней мотивации к экстремистской деятельности является специальной целью призывов. Данное предположение нашло свое подтверждение в п. 8 Постановления № 11. Мы также поддерживаем данную позицию.

При анализе данного преступления, А.И. Рарог отграничил публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности от таких преступлений, как подстрекательство к массовым беспорядкам, хулиганству и вандализму, наличием мотивов ненависти или вражды (политической, идеологической, национальной, расовой, религиозной или социальной)[195]. Многие авторы также выделяют экстремистский мотив как обязательный признак состава данного преступления, отграничивающий его от иных преступных деяний[196]. Мы же

---

[192] Российское уголовное право. Т. 2. Особенная часть / под ред. Э. Побегайло. М., 2008. С. 585

[193] Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. М., 2004. С. 91.

[194] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.И. Булавин и др.; под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2009.С. 1058.

[195] Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. И. Рарога. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2020. С. 543; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.

[196] См., напр.: Ахметшин А.С. Частная теория уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства // Журнал прикладных исследований. 2025. № 4. С. 160 – 166; Иванцов С.В., Борисов С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии // Научный портал МВД России.

полагаем, что мотивация лица при совершении данного преступления не имеет принципиального значения для квалификации деяния по рассматриваемой норме, и поддерживаем авторов, которые относят преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, к категории экстремистских безотносительно мотивации лица[197].

Преступления экстремистской направленности характеризуются публичными призывами к радикальным действиям, однако их основным двигателем не обязательно выступает враждебность к различным социальным, этническим или религиозным группам[198]. При этом сама суть таких призывов неразрывно связана с проявлением нетерпимости к представителям иных идеологий, конфессий, рас или общественных слоев, что и определяет их экстремистскую природу.

С учетом изложенного, предлагаем свою редакцию диспозиций ст. 280 УК РФ:

«Статья 280. Публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности.

1. Публичные, в том числе совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», призывы к совершению преступлений экстремистской направленности, выраженные в устных или письменных обращениях к неопределенному кругу лиц в общественных местах или

2022. № 2 (58). С. 50-57; Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С.

[197] См.: Криштопов С.В., Ермолович Я.Н. Соотношение и разграничение понятий «преступления террористической направленности» и «преступления экстремистской направленности» // Российский следователь, 2022, № 3. С. 37-41; Анимоков И.К. Криминологическая профилактика публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности // Право и управление. 2024. № 2. С. 132-135; Редькина Е.А., Архипова М.В. Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3 (2). С. 244.

[198] Кудряшова, Н. С. Исследование признаков публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности при производстве судебно-лингвистической экспертизы / Н. С. Кудряшова // Современные научные исследования: проблемы, тенденции, перспективы : Сборник научных трудов по материалам XXIX Международной научно-практической конференции, Анапа, 16 сентября 2024 года. – Анапа: ООО «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2024. С. 48.

на собраниях, а также распространении печатных, электронных, аудиовизуальных и иных материалов.

2. Те же деяния, совершенные:

а) с использованием средств массовой информации;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.»

Одновременно с этим, нами предлагается дополнить КоАП РФ новым составом административного правонарушения:

«Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.

Призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.»

Данная статья может быть введена в КоАП РФ с целью устранения законодательного пробела, который будет образован вследствие принятия предложенной нами редакции диспозиций ст. 280 УК РФ, поскольку такое видоизменение нормы без введения дополнительных законодательных положений вызовет отсутствие правового регулирования публичных призывов к некриминальной экстремисткой деятельности.

2.2. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)

С момента появления в уголовном законодательстве ст. 282 УК РФ претерпела ряд важных изменений. Так, по сравнению со своей нынешней редакцией, в своей изначальной редакции статья не охватывала множества аспектов дискриминации, ограничиваясь лишь некоторыми формами

противоправных действий. Законодательство имело существенные недостатки в регулировании дискриминационных действий.

Изначально статья определяла санкции за три вида действий, совершенных публично или с использованием средств массовой информации:

– возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды;

– унижение национального достоинства;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности.

Правовая база в дальнейшем была более тщательно проработана со стороны законодателя. Изначально статьей не были охвачены ситуации возбуждения неприязни между различными группами граждан, если она не достигала уровня вражды. Статья также изначально не охватывала возбуждения вражды по иным признакам, кроме расовых, религиозных и национальных.

Законодательные новеллы, привнесенные ФЗ № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в содержание ст. 282 УК РФ, позволили более четко дифференцировать формы экстремистской активности[199]. Модернизированная редакция статьи выделила в качестве самостоятельных объектов уголовно-правовой охраны отношения, связанные с недопущением межгрупповой розни, а также защиту чести и достоинства лиц, подвергающихся нападкам по определенным признакам. Юридическая конструкция статьи теперь охватывает посягательства, обусловленные этническим, религиозным, языковым и прочим статусом потерпевших, обеспечивая комплексную превенцию социальных конфликтов.

Примечательно, что ранее существовавшее отдельное положение о пропаганде превосходства или неполноценности различных групп населения было исключено из законодательства. Такое решение обосновано тем, что данные действия уже фактически входят в состав преступлений, связанных с

[199] Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

возбуждением ненависти и унижением достоинства, что делало отдельное указание на них избыточным и необоснованным с точки зрения юридической техники.

Такое обновление статьи, которое заметно расширило круг охраняемых интересов, часть ученых встретила положительно. По их оценке, новая формулировка выглядела более современной и лучше соответствовала требованиям международного права[200].

Однако в 2010 г. в Государственную Думу внесли законопроект, где предлагалось исключить ст. 282 УК РФ из уголовного закона. Это объясняли тем, что ее положения, по мнению инициаторов, слишком сильно ограничивают конституционные права граждан на свободу слова и выражения мнения. Но тогда статью оставили без изменений. Позднее ее еще не раз корректировали, и эти поправки заметно влияли на практику ее применения.

Прежде всего рассматриваемая статья защищает основные общественные ценности. Ее задача – не допустить столкновения между различными слоями общества и сохранить общественный порядок. З.М. Бешукова определяет защищаемые этой статьей отношения как комплекс взаимодействий, обеспечивающих гармоничное сосуществование различных социальных, этнических и религиозных групп[201]. Установление уголовной ответственности за данные действия направлено на формирование культуры взаимоуважения и терпимости, что служит основой общественной безопасности и стабильности государства.

Существуют различные позиции относительно непосредственного объекта преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ. Так, некоторые ученые говорят о том, что непосредственным объектом здесь выступают общественные отношения, характеризующие конституционный запрет на осуществление экстремистской

---

[200] См.: Мартынова Т.В. Конфликтность межнациональных отношений как фактор, детерминирующий преступность (по материалам Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005. С. 15.

[201] Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 347 -348.

деятельности [202] , другие говорят, что непосредственным объектов являются межличностные отношения [203] . Отмечается также, что данная статья стоит на страже равноправия граждан, препятствуя любым формам дискриминационной агитации и пропаганды, способным спровоцировать рознь между различными группами населения[204].

Полагаем, что в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, можно выделить конституционные принципы равенства прав и свобод человека и гражданина, недопущения пропаганды или агитации, которые являются фактором возбуждения социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды. Схожий непосредственный объект данного преступления выделяет С.В. Дьяков понимая под ним честь и достоинство граждан, их конституционные права и свободы, принадлежащие им не зависимо от национальной или расовой принадлежности либо отношения к религии[205].

Публикации различного рода, а также материалы и сведения на различных носителях информации (листовки, брошюры и т.п.), содержащие информацию экстремистского характера, являются предметом противоправных действий, предусмотренных ст. 282 УК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 282 УК РФ криминализированы публичные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние либо имеющим судимость

---

[202] См.: Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 6. С. 202-210; Николаева Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления: современный аспект // Право и управление. 2022. № 9. С. 141.

[203] Гримальская С.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика (ст. 280 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. 2025. № 7. С. 103-109.; Хабаров В.А. К вопросу о понятии и квалификации преступлений экстремистской направленности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. С. 50-54.

[204] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М.: Проспект, 2020. С. 479.

[205] Дьяков С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 51.

по статьям 280, 282, 282^4 УК РФ, а также те, которые сопряжены с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения.

Объективная сторона этого преступления выражается в действиях, которые оскорбляют человеческое достоинство и подогревают вражду по признакам социальной, религиозной, национальной, расовой принадлежности, а также языка, пола и иных различий. Отдельно отмечается, что такие запрещенные действия могут совершаться через интернет, СМИ и другие средства связи. При этом ключевой чертой объективной стороны считается именно их публичность.

У этого преступления есть две формы противоправного поведения. В одном случае виновный старается настроить людей против конкретной группы, опираясь на признаки, указанные в законе. В другом его действия прямо направлены на причинение морального вреда, то есть на унижение достоинства людей по тем же основаниям. Основная разница между этими вариантами в том, на кого они рассчитаны. При возбуждении ненависти воздействие идет на общественное сознание, а при унижении достоинства – на самих граждан, чье чувство собственного достоинства публично и целенаправленно попирается.

Разъяснения, приведенные в п. 7 Постановления № 11, позволяют выделить самые опасные формы экстремистских проявлений. Речь идет о публичной легитимации масштабных актов насилия и дискриминации, включая оправдание репрессивной политики, депортационных процессов или геноцида. Правовая оценка таких высказываний базируется на признании их способности провоцировать вражду между различными общностями (религиозными, национальными и др.), подрывая тем самым основы правопорядка.

Как отмечено в Рекомендациях Генеральной Прокуратуры, «от информации, возбуждающей вражду, необходимо отличать констатацию фактов», так как она «не несет никакого отрицательного эмоционального заряда и не направлена на формирования негативной установки». Далее дается пояснение на примере: «нельзя считать возбуждением национальной вражды сообщение о том, что

самыми неграмотными среди россиян, по данным социологических исследований, являются цыгане» [206].

Согласно позиции высшей судебной инстанции, высказанной ею в одном из своих определений, «унижением чести и достоинства является отрицательная оценка личности в обобщенном виде, направленная на ее дискредитацию, а также подрыв авторитета человека в глазах окружающих и в своих собственных». При этом отмечается, что отрицательная оценка личности должна быть выражена в неприличной, то есть в открыто циничной, противоречащей общечеловеческим требованиям морали и принятой манере общения между людьми форме[207].

Согласно позиции С.В. Борисова, унижение достоинства человека в контексте ст. 282 УК РФ имеет наибольшее сходство с оскорблением, предусмотренным в ныне утратившей силу ст. 130 УК РФ[208].

Как указал А.Н. Подчерняев, механизм унижения достоинства по ст. 282 УК РФ часто сопряжен с намеренной деформацией восприятия относительно конкретной группы. Речь идет о распространении извращенных представлений о ее культуре, включая обычаи, верования и значимые исторические документы. Такое манипулирование фактами прошлого рассматривается как инструмент коллективного оскорбления, поскольку оно подрывает уважение к членам сообщества и формирует негативные стереотипы об их исторической и культурной роли[209].

Также среди способов унижения достоинства выделяется оскорбительное поведение, которое может проявляться через насмешки и издевательства, цель которых – заставить человека или группу людей чувствовать себя

---

[206] Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ № 27-19-99 «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды»: утверждены Генеральной прокуратурой России 29 июня 1999 г.

[207] Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 года № 65-О10-1 // СПС «Консультант Плюс».

[208] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики: монография. М., 2010. С. 158.

[209] Подчерняев А.Н., Семенов В.Р., Сорокин А.И. Противодействие экстремизму уголовно-правовыми средствами : монография. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2019. С. 38.

неполноценными. Такая дискриминация может быть основана на различных характеристиках: половой принадлежности, этническом происхождении, языковых особенностях, вероисповедании или социальном статусе и др.[210]

В одном из дел суд указал, что «унижение достоинства отдельного лица или группы лиц по любому из названных в ч. 1 ст. 282 УК РФ признаков представляет собой отрицательную оценку личности в обобщенном виде, направленную на ее дискредитацию, подрыв авторитета человека как в глазах окружающих, так и в своих собственных. Унижение может проявиться в пропаганде превосходства либо, наоборот, неполноценности граждан, а также в оскорблении человека по признакам его пола, расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе» [211] . Указывая на формы проявления унижения достоинства, суд тем самым воспроизвел формулировку, имевшую место в ст. 282 УК РФ до ее редакции в 2003 г.

Весьма актуальными оказались нововведения, внесенные в разъяснения высшей судебной инстанции Постановлением № 32 «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее – Постановление № 32).

Согласно тексту внесенных изменений, любые ограничения свободы мысли и выражения должны быть строго исключительными и соответствовать ряду обязательных условий:

– предусматриваться федеральным законом;

– преследовать правомерную цель;

– являться необходимыми в демократическом обществе[212].

---

[210] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.
[211] Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва от 13 февраля 2019 г. по делу N 1-21/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/730xjWwxlZWT/.
[212] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 32 от 20 сентября 2018 г. «О внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // СПС «КонсультантПлюс».

Отмечается, что именно последнее из перечисленных условий является ключевым, и правоприменитель должен решать данный вопрос применительно к каждому отдельному случаю[213].

В качестве примера оценки деяний по таким критериям можно привести Постановление ЕСПЧ по рассмотрению жалобы заявителя А., который указал, что привлечение его к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ противоречит ст. 10 Конвенции, гарантирующей право свободно выражать свое мнение.

Как установил международный суд, в региональных газетах была опубликована статья заявителя под названием «Почему я не иду на выборы?», в которой им критиковалась миграционная политика, проводимая в государстве.

На момент совершения этих действий ответственность за них наступала по ч. 1 ст. 282 УК РФ. Европейский Суд по правам человека признал обоснованной позицию Российской Федерации относительно того, что ограничение свободы слова заявителя преследовало законную цель – предотвратить реальную угрозу насилия и дискриминации в отношении тех групп, в отношении которых заявителем могли быть спровоцированы акты насилия и дискриминации. Также Суд установил, что тираж газет, в которых была опубликована статья, составлял 8 000 и 10 000 экземпляров, а также то, что они распространялись в многонациональном регионе (г. Сочи), в связи с чем привлечение А. к уголовной ответственности являлось необходимой в демократическом обществе мерой реагирования[214].

Позиция высшей судебной инстанции при определении публичности действий, указанных в ст. 282 УК РФ, является достаточно противоречивой.

Верховный Суд РФ, рассматривая апелляционной жалобу по делу в отношении лица, разместившего на входной двери в мечеть материалы, разжигающие межнациональную рознь против выходцев из кавказского региона,

---

[213] Костылева, О.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. № 6. 2018. С. 72.

[214] См.: Постановление Европейского Суда от 11 февраля 2020 г. по делу «Атаманчук против Российской Федерации» (№ 4493/11) 1 // СПС «КонсультантПлюс».

Средней Азии и мусульман, установил, что ФИО в ночное время разместил один экземпляр листовки, которая провисела непродолжительное время и была удалена утром, с ее содержание ознакомилось минимальное количество людей, и, таким образом, текст листовки не был доступен для прочтения значительным количеством людей. На основании этого высшая судебная инстанция подтвердила правомерность оправдательного решения суда, не усмотревшего наличие в действиях ФИО состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК РФ[215].

По другому делу Верховный Суд РФ признал верной квалификацию действий Е., который в ночное время расклеил в подъезде жилого дома листовки, содержавшие призывы к совершению насильственных действий в отношении представителей правоохранительных органов, по ч. 1 ст. 280 УК РФ[216].

В российской доктрине существует точка зрения, согласно которой любые проявления возбуждения вражды в общедоступных местах автоматически приобретают статус публичных, независимо от количества присутствующих свидетелей[217]. Мы согласны с указанной позицией, поскольку, как, например, в деле с наклеенной и впоследствии снятой листовкой, лицо реализует свой преступный умысел на разжигание ненависти до конца, допуская факт ознакомления с размещенной информацией широко круга лиц. При этом прочие внешние обстоятельства не должны влиять на итоговую квалификацию.

В Постановлении № 32 высшая судебная инстанция дала еще несколько важных пояснений по вопросам применения закона. Там уточнили, как нужно оценивать действия, связанные с разжиганием ненависти или вражды, а также с унижением человеческого достоинства. Ключевой момент здесь в том, что в каждом случае нужно отдельно и внимательно смотреть, насколько опасно для общества конкретное деяние. Такой подход основан на ч. 2 ст. 14 УК РФ, согласно

---

[215] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 51-АПУ19-5 от 26 марта 2019 года // СПС КонсультантПлюс».
[216] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20 апреля 2021 года № 222-УД21-4-А6 // СПС КонсультантПлюс».
[217] См., напр.: Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 368.

которой малозначительные действия, даже если формально в них есть признаки преступления, не должны считаться уголовно наказуемыми. По сути, этим Постановлением были дополнены разъяснения, данные в Постановлении № 11.

Как отмечается в доктрине, при решении вопроса о малозначительности важно учитывать, насколько выражены объективные и субъективные признаки деяния. Признать такие действия малозначительными можно только в том случае, если установлено, что у лица был прямой умысел именно на совершение проступка, который по своему характеру не представляет большой общественной опасности [218]. Проще говоря, должно быть доказано, что лицо сознательно планировало действие, не несущее в себе серьезной угрозы. На это могут указывать и внешние обстоятельства, например небольшой круг тех, кому адресована информация, а также отсутствие попыток дальнейшего ее распространения и расширения числа людей, которые могли бы с ней ознакомиться.

Оценивая степень малозначительности содеянного, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, следует анализировать несколько факторов. В частности, необходимо учитывать масштаб распространения информации – количество людей, получивших к ней доступ, число просмотров контента, а также то, какое воздействие эта информация могла оказать на поведение целевой аудитории. При этом, как видится, необходимо оценивать направленность действий лица на предмет количества лиц, которые потенциально получат доступ к такой информации.

Рассмотрим подробнее развитие ст. 282 УК РФ. В 2014 г. Федеральным законом № 179-ФЗ от 28 июня 2014 г. [219] в уголовное законодательство были внесены поправки. Ключевым нововведением стало включение в статьи 280 и 282 УК РФ положений об уголовном преследовании за противоправные деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». Таким образом, интернет-ресурсы были приравнены

---

[218] См.: Мальцев В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве // Законность. 1999. № 1. С. 15-19.

[219] Федеральный закон от 28 июня 2014 года № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // СПС КонсультантПлюс».

законодателем к средствам массовой информации. Разумеется, использование в действиях экстремистской направленности цифрового пространства и до этого не было «слепым пятном» законодательства. Однако теперь действия по размещению информации экстремистского характера данным способом стали официально признаваться эквивалентными по общественной опасности тем же действиям, совершенным с использованием средств массовой информации.

С одной стороны, можно сказать, что приравнивание информационно-телекоммуникационных сетей, все более набирающих популярность, к средствам массовой информации – позитивный шаг со стороны законодателя, учитывающего стремительно меняющиеся реалии нашего времени. Но здесь есть и обратная сторона, а именно то, что корректность работы данной нормы напрямую зависит от того, смогут ли правоприменители верно истолковывать и применять внесенные в уголовный закон изменения.

Понятие «средства массовой информации» уже само по себе предполагает некую публичность действий, и, если со статьями 280 и 280[1] УК РФ проблем не усматривается, так как ч. 1 данных статей уже предусматривают публичность деяний, а ч. 2 начинаются словами «те же деяния», то со ст. 282 УК РФ, приравнивающей уже само использование интернет-ресурсов к публичным действиям (использование разделительных союзов «или»/«либо»), возникали определенные сложности.

Закон не видел разницы между крупными новостными порталами и непопулярными социальными страницами с ограниченным доступом, к которым такая черта как публичность явно неприменима. В это время большой ажиотаж в обществе и СМИ вызывали так называемые «дела о репостах»[220].

[220] Срок за репост: сколько в России осужденных за действия в интернете // Forbes. 2018. 23 ноября. URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/369439-srok-za-repost-skolko-v-rossii-osuzhdennyh-za-deystviya-v-internete (дата обращения: 01.03.2025).

Как пример, в одном из дел суд признал лицо виновным по ч. 1 ст. 282 УК РФ и приговорил его к двум годам лишения свободы условно за размещение серии изображений в закрытом альбоме в социальной сети «ВКонтакте»[221].

Федеральным законом № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 УК РФ» [222] были внесены существенные коррективы, что стало ответом на необходимость фундаментального пересмотра норм данной статьи.

Послабления уголовно-правовой политики здесь проявились сразу в нескольких местах: во-первых, это появление в ч. 1 ст. 282 УК РФ административной преюдиции (именно благодаря этому обстоятельству говорится о частичной декриминализации общего состава данного преступления), а во-вторых, «публичность» теперь определенно требуется при использовании как средств массовой информации, так и интернет-ресурсов.

Согласно обновленной редакции, уголовное преследование по ст. 282 УК РФ в отсутствие квалифицирующих признаков стало возможно только в случае повторного совершения противоправных действий экстремистской направленности лицом в течение года после наложения на него административного взыскания.

Данные меры отчасти виделись как экстренные, поскольку главной целью законодателя являлось прекращение начавшейся в стране эпидемии повальных обвинительных приговоров за действия, совершенные в цифровом пространстве, особенно, в социальных сетях. Другими словами, ситуация выглядела как срочное «латание дыр».

В пояснительной записке к законопроекту, частично декриминализировавшему ст. 282 УК РФ, действия, предусмотренные ч. 1 статьи, были прямо обозначены как «не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства»[223].

---

[221] Громкие случаи наказаний за репосты // Коммерсантъ. 2018. 26 июля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3668761 (дата обращения: 01.03.2025).

[222] Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 УК РФ» // СПС КонсультантПлюс».

[223] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». 2018.

Изменения действительно повлияли на правоприменительную практику. Так, согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, если в 2018 г. количество осужденных по ч. 1 ст. 282 УК РФ составляло 418 лиц, то в следующем году их количество резко сократилось до 14 лиц[224].

Безусловно, введение административной преюдиции решило обозначенную выше проблему, но появились опасения иного рода, а именно, возможность появления новых способов обойти закон. Смоделируем следующую ситуацию: участники социальной группы с открытым доступом к публикациям для всех пользователей, независимо друг от друга, с определенным промежутком времени, размещают там материалы экстремистского содержания. Сотрудниками правоохранительных органов они поочередно и своевременно привлекаются к административной ответственности (каждый за свою публикацию). Тем не менее, в итоге мы получаем ситуацию, при которой в одном (или нескольких взаимосвязанных) источнике опубликовано множество материалов экстремистского характера, с высокой долей вероятности оказавших определенное влияние на пользователей социальной сети, но при этом ни один автор публикации не будет привлечен к уголовной ответственности.

Отмечается, что наличие административной преюдиции в составах УК РФ свидетельствует о том, что, хотя общественная опасность деяния формально определяется только характером самого действия, законодатель фактически включает в нее и оценку личности виновного (некий «административный рецидив»)[225].

Несмотря на изменения со стороны законодателя, с помощью которых дается прямое указание на обязательность доказывания публичности в случаях распространения экстремистских материалов с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, вопросы в понимании публичности остались.

---

[224] Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 25.10.2025).

[225] Казакова В.А. Дифференциация общественной опасности деяния в уголовном и административном праве // Научный портал МВД России. 2024. № 4 (68). С. 47.

Вопросы определения публичности мы подробно рассматривали в предыдущем параграфе.

В доктрине на анализе правоприменительной практики были подобраны примеры позиций судов, на основании которых информация, выложенная в социальной сети, признавалась публичным действием в рамках ст. 282 УК РФ:

1. размещение информации на странице в «общедоступной сети»[226];
2. доступность страницы для неограниченного круга лиц[227];
3. размещение информации на странице, «общедоступной для любого пользователя сети Интернет»[228];
4. доступность видеофайла на странице в социальной сети восприятию неопределенного круга лиц, возможность просмотра страницы без ограничения[229] [230].

Таким образом, правоприменительная практика смогла в определенной степени сформировать критерии публичности экстремистских материалов, выложенных в интернет-ресурсах, в связи с чем, толкование публичности на законодательном уровне в настоящее время не выглядит как актуальный вопрос.

В результате принятия Федерального закона № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» ст. 282 УК РФ была подвергнута очередному реформированию [231] . Теперь лицо несет уголовную ответственность по ч. 1 ст. 282 УК РФ в случае, если его действия сопряжены с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, независимо от того, привлекалось ли оно ранее к административной ответственности за аналогичное деяние.

---

[226] Приговор Кизилюртовского районного суда Республики Дагестан по делу № 118/2013 от 11 апреля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».
[227] Приговор Калужского районного суда Калужской области по делу № 1629/2013 от 3 сентября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».
[228] Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани по делу № 147/2013 от 4 февраля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».
[229] Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска по делу № 170/2014 от 6 июня 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».
[230] Алаторцев А.Ю. Указ. соч. С. 5.
[231] Федеральный закон № 173-ФЗ «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 24 июня 2025 года // СПС «КонсультантПлюс».

Изменениям подверглось и положение о субъекте данного преступления. Теперь к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ может быть привлечено не только лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние, но и имеющее судимость за совершение аналогичного преступления либо преступлений, предусмотренных статьями 280 и 282^4 УК РФ.

Кроме того, ч. 2 ст. 282 УК РФ дополнена новым квалифицирующим признаком – совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, что усиливает ответственность в случаях коллективного характера деяний.

В пояснительной записке к законопроекту сказано, что действия, связанные с оправданием насилия, куда опаснее остальных проявлений экстремизма. Их особая угроза в том, что они способны серьезно влиять на правосознание людей и внушать им ложное представление о допустимости, а порой и обязательности применения насилия к определенным группам населения[232].

Отказ от административной преюдиции при квалификации возбуждения ненависти, если оно сопровождается оправданием насилия, является необходимым шагом для более точной настройки уголовного закона. Такое решение продиктовано потребностью как можно быстрее пресекать деяния с особенно высоким уровнем опасности. В эпоху цифровизации, когда разрушительные процессы быстрее переходят от радикальных слов к реальным посягательствам, такое ужесточение действительно повышает эффективность закона в предупреждении преступлений.

Кроме того, внесенные поправки согласуются с международными подходами, в том числе с Рекомендацией Комитета министров Совета Европы № R (97) 20 о «языке ненависти». В ней отдельно говорится, что пропаганду насилия на дискриминационной основе необходимо останавливать жесткими мерами. Поэтому дальнейшая криминализация должна усилить правовой механизм защиты прав человека и не дать конфликтам на почве ненависти разрастаться, что

---

[232] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». 2025 // СПС «КонсультантПлюс».

заслуживает положительной оценки. Это, в свою очередь, совпадает с ранее поддержанным нами тезисом о том, что при криминализации и декриминализации деяний законодателю прежде всего нужно исходить из их объективных признаков.

Однако сохранение административной преюдиции в п. «а» ч. 1 ст. 282 УК РФ вызывает вопросы относительно пропорциональности и эффективности всей конструкции состава преступления. Поскольку наиболее опасные действия – те, что сопряжены с оправданием или пропагандой насилия, – теперь криминализированы независимо от предшествующей административной ответственности (п. «б»), возникает логичный вопрос: зачем сохранять преюдициальную модель для менее опасных форм противоправной деятельности, которые не сопряжены с насилием? В доктрине неоднократно обоснованно звучали предложения по ограничению перечня проявлений экстремистской деятельности, возводимых в разряд преступлений, в которых отсутствует критерий «насилие»[233].

Административная преюдиция, как мы отмечали выше, изначально была призвана смягчить практику привлечения лиц к уголовной ответственности, сохраняя уголовное преследование только для повторных правонарушений. Однако, с учетом новых изменений, захватывающих «крайние формы» экстремизма уголовным законодательством, преюдиция, на наш взгляд, теряет свою актуальность для остальных случаев.

После законодательных изменений вполне обоснованно может звучать тезис о том, что степень общественной опасности прочих деяний сейчас снижена настолько, что они больше не могут подпадать под уголовно-правовое регулирование, даже с учетом вероятной склонности лица к повторности совершения этих деяний[234]. К тому же, критерий повторности совершения правонарушения, в отсутствие качественных изменений степени ущерба для общественных отношений, не может рассматриваться как единственно

---

[233] См., напр.: Зорин А.В. Защита уязвимых групп граждан от преступлений экстремистской направленности: теоретические и практические аспекты // Виктимология. 2023. Т. 10. № 4. С. 453-462.

[234] См.: Дроздов И.С. Трансформация законодательных подходов к уголовной ответственности: анализ новелл ст. 282 УК РФ // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 241-243.

достаточный для установления уголовной ответственности. Так, анализируя границы применения уголовной репрессии при рассмотрении жалобы по делу И. Дадина, Конституционный Суд РФ сформулировал важнейший постулат, заключающийся в том, что исчерпание превентивного потенциала норм КоАП РФ, выражающееся в повторном совершении лицом аналогичных правонарушений после привлечения к административной ответственности, не детерминирует криминализацию содеянного исключительно по формально-количественному признаку неоднократности[235].

Вопросу о допустимости административной преюдиции в уголовном законодательстве за последнее время было посвящено немало научных работ как ученых, поддерживающих данный институт, так и тех, которые вступают резко против него[236].

Мы, в свою очередь, не являясь противниками наличия административной преюдиции в нормах УК РФ, тем не менее, поддерживаем позицию В.А. Маслова о том, что ее стоит признавать обоснованной «лишь в случае существенных изменений в общественных отношениях и во взаимосвязи с неспособностью норм административного законодательства выполнить стоящие перед ним задачи»[237].

Статья 20.3.1 КоАП РФ получила активное применение на практике – за первые три года после ее введения административному наказанию было подвергнуто 2 076 лиц. При этом количество лиц, осужденных по ч. 1 ст. 282 УК

---

[235] Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «Консультант Плюс».

[236] См., напр.: Дворянсков И.В. Административная преюдиция в уголовном праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17. № 2. С. 153-162; Степанов П.П. Сто кошек все еще не стали тигром: к вопросу об административной преюдиции в современном уголовном праве России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2022. № 6. С. 42-57; Шиханов В.Н. Столкновение типов рациональности: к вопросу о причинах длительного существования дискуссий по концептуальным вопросам в уголовном праве // Сибирский юридический вестник. 2023. № 1. С. 80-86; Карабанова Е.Н. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 57-60; Хилюта В.В. Административная преюдиция в контексте понимания преступления и его признаков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2021. № 1. С. 4-11.

[237] См.: Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 39-49.

РФ после введения административной преюдиции остается стабильно низким – 14 осужденных за 2019 г., 7 за 2020 г., 20 за 2021 г., 25 за 2022 г., 17 за 2023 г., 13 за 2024 г. и 2 за первое полугодие 2025 г.[238] Указанная статистика подтверждает, что ст. 20.3.1. КоАП РФ вполне способна предупреждать повторное совершение противоправных деяний.

В такой ситуации целесообразно было бы полностью отказаться от административной преюдиции, оставив регулирование не сопряженных с насилием случаев административному законодательству, тем более что движение законодательства в этом направлении уже прослеживается. Это позволило бы сосредоточить ресурсы правоохранительных органов на действительно опасных деяниях, минимизировать риск злоупотреблений и ослабить репрессивность законодательства в отношении менее опасных форм правонарушений.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что сохранение института административной преюдиции в ст. 282 УК РФ после поправок 2025 г. чревато ситуацией чрезмерной криминализации, когда лица привлекаются к уголовной ответственности лишь за факт повторного совершения правонарушения, не обладающего достаточной степенью общественной опасности и не приобретающего ее вследствие повторности его совершения, при условии наличия административно-правого механизма, способного в настоящий момент выступать регулятором данных отношений. Это противоречит принципу ultima ratio уголовного права (уголовная репрессия как крайняя мера). Исключение привлечения лица к уголовной ответственности за повторное совершение деяния, предусмотренного ст. 20.3.1 КоАП РФ, соответствовало бы одному из ключевых критериев криминализации, согласно которому криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер.

При этом, полагаем, что избранный законодателем подход, заключающийся в дифференциации правового регулирования различных проявлений экстремизма

---

[238] Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 25.10.2025).

в зависимости от степени их общественной опасности в этом случае не только не будет нарушен, а получит свое логическое продолжение, поскольку деяния, не обладающие достаточной степенью общественной опасности, будут полностью исключены из поля уголовно-правового регулирования. Поэтому, ставя вопрос об исключении административной преюдиции из данной нормы, мы не столько даем свое предложение для законодателя, сколько осуществляем прогнозирование дальнейшего развития отечественного законодательства.

Изложенное вполне справедливо и для признака судимости лица за совершение преступления, предусмотренного статьями 280, 282, 282^4 УК РФ. Во-первых, остается не вполне понятным, почему законодатель выбрал наличие судимости именно за данные преступления в качестве критерия допустимости привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ, при этом избрав нетипичную для отечественного уголовного законодательства юридическую технику. Во-вторых, если лицо наказывают по уголовной статье за действия, которые по формальным признакам можно было бы рассматривать и как административное нарушение, это еще больше размывает критерий качественных изменений ущерба для общественных отношений.

В российском уголовном праве и сегодня остается серьезная проблема: в законе нет ни четко закрепленных, ни устойчиво сформировавшихся на практике признаков, по которым можно было бы понять, какие именно группы людей входят в понятие «социальная группа». Из-за этой неопределенности применение нормы вызывает трудности и одновременно растет риск ее произвольного толкования. В результате становится непонятно, какие объединения людей вообще подпадают под защиту ст. 282 УК РФ. Отсутствие в законе расшифровки этого термина и то, что Верховный Суд РФ не дал по нему разъяснений, порождает споры о том, насколько корректно эта статья работает на практике.

С.В. Криштопов указывает, что без ясных критериев для определения социальной группы полиции, следствию и судам сложно оценивать, насколько опасно то или иное деяние для общества. А это, в свою очередь, мешает назначать

по-настоящему соразмерное наказание[239]. Получается, что из-за расплывчатой формулировки нормы Особенной части УК РФ под сомнение ставится и соблюдение принципа справедливости наказания, закрепленного в ст. 6 УК РФ.

С.В. Михайлов пишет, что чрезмерно широкое толкование понятия «социальная группа» мешает нормальному регулированию в уголовном праве[240].

По мнению некоторых авторов, к социальным группам можно относить объединения людей, которые связаны между собой любыми общими социальными признаками[241]. Примечательно, что данная классификация формально может включать также группы, вовлеченные в противоправную и деструктивную деятельность.

Так, по ряду дел суды признали социальной группой, в отношении которой может быть совершено преступление, квалифицирующееся по ст. 282 УК РФ, «антифашистов»[242].

Согласно позиции Верховного Суда РФ, экстремистские деяния могут быть направлены против любых общностей людей, объединенных определенными взаимоотношениями. При этом не имеет значения, противопоставляет ли себя такая группа основной части общества и носит ли она антисоциальный характер – она все равно может рассматриваться как социальная группа и быть объектом преступлений экстремистской направленности[243].

Распространение уголовно-правовой защиты на группы, чья деятельность противоречит общественным нормам, создает опасный прецедент безграничного применения уголовного законодательства. Действующие правовые нормы должны

---

[239] Криштопов С.В. Указанное сочинение. С. 161

[240] См.: Михайлов С.В. Юридический анализ дефиниции экстремизма // Судья. 2019. № 4 (100). С. 50-64.

[241] См., напр.: Велиев Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10; Мелешко Д.М. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 36.

[242] См.: Приговор Гороховецкого районного суда Владимирской области по делу № 1-12/2017 от 27 февраля 2017 г. // https://sudact.ru/regular/doc/VN6cmgvgbTrC/;
Приговор Железнодорожного районного суда города Рязани по делу № 1-230/2021 от 06 июля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[243] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07 июля 2011 г. № 8-О11-10 // СПС «КонсультантПлюс».

быть преимущественно направлены на защиту законопослушных граждан, чьи действия соответствуют моральным и этическим стандартам общества[244]. Также в предыдущей главе нами было отмечено, что особая уголовно-правовая защита лиц, характеризующихся антиобщественными, в том числе криминальными установками, не согласуется с нормами общественной морали. Согласно опросу граждан об их отношении к различным проступкам и противозаконных действиям, проведенному ВЦИОМ в 2017 г., ко многим из них опрошенные респонденты относятся крайне негативно. Особенно это касается употребления наркотиков и злоупотребления алкоголем – негативно относятся к этому 93% и 78% опрошенных соответственно, а также дачи или получения взятки – у 83% это вызывает нетерпимость [245] . Поэтому мы отвергаем предложенную концепцию как необоснованную и противоречащую фундаментальным принципам права, поскольку она выходит за рамки разумного правового регулирования.

Приведем в этой связи позицию С.В. Борисова, который отметил, что недостаточная четкость формулировок может привести к тому, что в итоге законные меры противодействия антиобщественному поведению будут ошибочно трактоваться как экстремизм[246].

Многие ученые также сходятся во мнении о том, что защищаемые положениями ст. 282 УК РФ представители различных социальных общностей должны осуществлять только такую активность, которая не противоречит существующим правовым рамкам[247]. О.К. Зателепин, поддерживая точку зрения о

---

[244] См. подробнее: Дроздов И.С. Признак принадлежности потерпевших к социальным группам в статье 282 УК РФ // Юридическая наука. 2024. № 5. С. 260-263.

[245] Что такое хорошо и что такое плохо? // ВЦИОМ новости. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chto-takoe-khorosho-i-chto-takoe-plokho?ysclid=mgavm0puzm59472202 (дата обращения: 25.09.2025).

[246] Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 5.

[247] См., напр.: Агапов П.В. Проблемы противодействия террористической и экстремистской деятельности (уголовно-политический аспект) // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: сборник статей. СПб.: НОУ СЮА, 2011. С. 145-146; Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 24 с.; Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности // Уголовное право. 2013. № 6. С. 74-81.

том, что социальные группы должны иметь общий значимый социальный признак, относит к таковым такие социальные слои общества как интеллигенция, предприниматели, жители сел, молодежь, пенсионеры[248].

Показательным в данном случае будет приведение практики международных судов. Так, в своем знаковом решении по делу С. Терентьева против Российской Федерации ЕСПЧ обозначил принципиальную позицию: для квалификаций действий по ст. 282 УК РФ недостаточно формального отнесения какой-либо множественности лиц к социальным группам, требующим уголовно-правовой защиты. Международный суд указал, что российские суды не смогли убедительно обосновать потребность уголовно-правовой защиты такой группы, как сотрудники милиции, поскольку судами не было установлено, что они подвержены каким-либо угрозам, и что в отношении них в обществе существует атмосфера враждебности и ненависти[249].

Это постановление имеет особое значение, поскольку устанавливает важный принцип, который должен применяться для определения обоснованности применения ст. 282 УК РФ, а именно – необходимость установления реальной уязвимости социальной группы. Только в этом случае будет достигнуто адекватное ограничение действия ст. 282 УК РФ.

Под реальной уязвимостью группы мы полагаем верным понимать повышенную вероятность группы подвергаться проявлениям ненависти или вражды, а также систематическому унижению достоинства по признаку своей групповой принадлежности.

В ч. 2 ст. 282 УК РФ приведены квалифицирующие признаки состава преступления, такие как применение насилия или угроза его применения, использование своего служебного положения, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

---

[248] Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Верховный Суд Российской Федерации; Н.И. Бирюков и др.; под ред. В.М. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2014.

[249] См.: Постановление Европейского Суда по правам человека по делу № 10692/09 от 28 августа 2018 г. «Савва Терентьев против Российской Федерации» // https://european-court-help.ru/delo-10692-09-savva-terentev-protiv-rossii/.

Если рассматривать ст. 282 УК РФ с точки зрения юридической техники, становится заметно, что законодатель выбрал довольно нетипичный способ разграничения ответственности. Во второй части этой статьи наказание строже, чем в первой, но с позиции доктрины ее нельзя назвать обычным квалифицированным составом. Дело в том, что обязательные альтернативные признаки, прямо названные в пунктах «а» и «б» ч. 1 ст. 282 УК РФ, в диспозицию части 2 не перенесены.

Иначе говоря, здесь явно отошли от привычного для норм Особенной части УК РФ подхода, по которому основной состав служит неизменной основой для квалифицированного. В данном случае законодатель фактически отделил альтернативные признаки первой части: они существуют сами по себе и не переходят на объективную сторону деяния, которое подлежит наказанию по части 2. Из-за этого с точки зрения теории возникает довольно необычная ситуация: более строгая уголовно-правовая норма выстроена не как усиление базового состава, а как самостоятельная конструкция, существующая рядом с ним. Проще говоря, для ответственности по части 2 нужен свой отдельный набор условий, не связанный с первой частью статьи.

Таким образом, подобная специфическая структура не исключает ситуации, когда действия лица могут одновременно отвечать признакам двух частей ст. 282 УК РФ. Однако мы солидарны с теми исследователями, которые указывают на то, что содеянное в данном случае подлежит квалификации исключительно по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 282 УК РФ[250]. Дополнительная правовая оценка по первой части в подобных случаях должна поглощаться более тяжким составом, поскольку обратное приведет к избыточности уголовно-правовой репрессии, и будет являться серьезным отступлением от изначального замысла законодателя по установлению ответственности за деяния, предусмотренные данной статьей.

---

[250] См., напр.: Хлебушкин А.Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 178-179.

По аналогии с предложением, высказанным нами ранее относительно обновления редакции ст. 280 УК РФ, нам представляется обоснованным дифференцировать уголовную ответственность в рамках ст. 282 УК РФ посредством введения нового квалифицирующего признака – совершение деяния в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

Во-первых, такие действия, совершенные в сакральных местах, наносят повышенный вред охраняемым общественным отношениям, поскольку приобретают характер демонстративного религиозного надругательства. Во-вторых, специфика обстановки совершения преступления в таких местах детерминирует высокую степень уязвимости к возбуждающим ненависть либо вражду, а равно унижающим человеческое достоинство действиям со стороны целевой аудитории (верующих). К тому же, деструктивное информационное воздействие, совершаемое в местах отправления религиозного культа, представляет большую общественную опасность за счет повышенной восприимчивости некоторых лиц, которые могут воспринять определенные радикальные тезисы посягающих лиц в качестве подлинных религиозных догматов [251] . В результате подобных эксцессов возникает реальная угроза формирования на базе религиозных объектов законспирированных экстремистских ячеек.

Таким образом, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства в указанных местах способно спровоцировать резкую эскалацию социальной напряженности, что может вызвать прямую угрозу общественной безопасности. В связи с этим нормативное выделение данного квалифицирующего признака полностью отвечает критерию достаточной степени общественной опасности деяния, а также целям опережающего общего предупреждения.

---

[251] См. подробнее: Дроздов И.С. Вопросы противодействия преступлениям по мотивам религиозной ненависти // Евразийский юридический журнал. 2025. № 1 (200). С. 394.

Иллюстрацией высокой общественной опасности исследуемой девиации служит актуальная правоприменительная практика. Так, приговором Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга ФИО был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 282, ч. 1 ст. 282^1, ч. 2 ст. 282^1 УК РФ. Суд установил, что ФИО, будучи имамом мечети, распространял радикальные идеи во время своих проповедей, высказывая поддержку в адрес афганских моджахедов и северокавказских боевиков. Также ФИО в мечети было создано ядро экстремистского сообщества, придерживающегося радикального ислама[252].

Ранее нами отмечалось, что действия по размещению публикаций экстремистского содержания в крупных информационных изданиях, обладающих высоким статусом легитимности и доверия, существенным охватом аудитории, а также профессиональным характером подготовки контента, обладают гораздо большим деструктивным потенциалом, нежели аналогичные действия, совершаемые на иных информационных площадках. В доктрине справедливо отмечается, что СМИ в настоящее время выступают в роли регулятора общественного мнения, влияющего на восприятие происходящих в обществе событий, способного достаточно эффективно вызывать у своей аудитории солидарность с теми или иными противоправными действиями, а также вызывать у нее страх и ненависть к определенным группам на фоне катастроф и трагедий, вызывающих массовые потрясения [253]. Также СМИ, освещая некоторые события, стремясь обеспечить максимальный охват аудитории, могут при этом

---

[252] Приговор Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга по делу № 1-325/2016 от 16 ноября 2016 г. // СПС «Консультант Плюс».

[253] См.: Лабзина Ю.Е., Мельникова Е.А. Проблема влияния средств массовой информации на формирование криминального экстремизма в молодежной среде // Профилактика проявлений экстремизма, терроризма и деструктивного поведения в молодежной среде дальнего востока России: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. М.П. Арутюнян. 2019. С. 248-252; Чернов Д.В. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи // Юридические и психолого-педагогические механизмы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современность: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической школы-конференции, посвященной году защитника Отечества и 80-летию Победы в Великой отечественной войне / под ред. Гатауллина З.Ш., Мухаметгалиевой С.Х., Харисовой Э.А. Казань, 2025. С. 164-171.

ретранслировать различные экстремистские идеи и взгляды, используя при этом непроверенную и недостоверную информацию, что может иметь крайне пагубное влияние на общественное сознание и привести к последующим выступлениям против различных групп населения[254].

По нашему мнению, с позиции принципа ultima ratio, а также критериев криминализации деяний, в частности, достаточной степени общественной опасности, уголовное законодательство должно более жестко реагировать на использование злоумышленниками при совершении преступлений экстремистской направленности профессиональных медиа-платформ. Подобное понимание уже получило реализацию в рамках статей 280 и 280[1] УК РФ. Как верно указано в научной литературе, дополнение ст. 282 УК таким квалифицирующим признаком будет способствовать обеспечению системности уголовного закона[255].

Таким образом, включение использования средств массовой информации в перечень квалифицирующих признаков ст. 282 УК РФ позволит достичь более четкой дифференциации ответственности, поскольку ужесточит наказание для лиц, использующих профессиональный статус и медийную инфраструктуру для распространения экстремистских идей. Также наличие такого квалифицирующего признака в ст. 282 УК РФ позволит установить строго детерминированную зависимость между способом совершения преступлений экстремистской направленности (в частности, предусмотренных статьями 280, 280[1] и 282 УК РФ) и правовыми последствиями для лиц, совершивших преступление. Стоит также отметить, что реформирование уголовного законодательства в данном случае усилит общую превенцию, создав дополнительные барьеры для редакционной политики изданий и владельцев медиа-ресурсов.

Определенные сложности для правоприменителей может вызывать вопрос разграничения статей 280 и 282 УК РФ. Если призывы к осуществлению экстремистской деятельности имеют своей целью формирование у других людей

---

[254] Рузавина А.К. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 27.

[255] См.: Горшков Д.Ю. Публичный способ совершения экстремистских преступлений: сущность и критерии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 4 (31). С. 150.

желания совершать деятельность, относящуюся к экстремизму, то преступные деяния, указанные в ст. 282 УК РФ, направлены на возникновение либо усиление в сознании других людей крайне негативного отношения к другим лицам по определенным признакам. Вопрос получил свое развитие в доктрине[256].

Весьма примечательно своей наглядностью сравнение, которое привел в одной из своих работ П.С. Яни. Как указал ученый, «если в книжке либо в листовке только утверждается, что евреи пьют кровь христианских младенцев, то это состав возбуждения ненависти либо вражды», но если в данных материалах «делается вывод о том, что евреев нужно убивать, то налицо состав публичных призывов»[257]. Также в работе ученого делается вывод о том, что в последнем примере обоснование призыва к убийству должно полностью поглощаться составом ст. 280 УК РФ. При этом ученый оговаривается о том, что при такой квалификации необходимо учитывать размер санкциий статей 280 и 282 УК РФ[258].

Такая позиция не является однозначной в научной литературе. Так, в своих исследованиях С.В. Борисов отмечает особенность квалификации преступных деяний, связанных с экстремизмом. Согласно указанному мнению, ситуация, при которой лицо совмещает экстремистские призывы с деятельностью по разжиганию розни, не может быть поглощена одной нормой. Речь идет о посягательстве на различные аспекты общественной безопасности и конституционного строя, что диктует необходимость применения правил о множественности преступлений. В этом случае ответственность наступает как по ст. 280, так и по ст. 282 УК РФ[259].

---

[256] См.: Латыпова Д.Н. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 551-554; Кунашев А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов // Уголовное право. 2023. № 2. С. 25-37. Степанов В.В., Струков А.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 1 (27). С. 133-140.

[257] Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности: позиция Пленума // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 13.

[258] Там же. С. 14

[259] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 365

В этой связи стоит обратить внимание на положения п. 5 Постановления № 11, где указано, что применение ст. 280 УК РФ ограничено лишь публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности. Публичное распространение информации, обосновывающей необходимость совершения противоправных действий, квалифицируется по ст. 282 УК РФ.

Призывы к осуществлению экстремистской деятельности преимущественно осуществляются при помощи разжигания межгрупповой розни и дискриминации определенных лиц. Соглашаясь с точкой зрения П.С. Яни, мы полагаем, что подобные методы унижения и провоцирования ненависти служат исключительно инструментом для трансляции экстремистских идей в массы. Обоснования, подкрепляющие призывы, тесно связаны с самими призывами и не должны иметь самостоятельной уголовно-правовой квалификации, поэтому мы полагаем, что квалификация таких действий по совокупности преступлений должна считаться искусственным вменением лицу дополнительного состава преступления.

В контексте субъекта преступления, отметим, что уголовная ответственность за преступное деяние по ч. 1 ст. 282 УК РФ, в отсутствие сопряженности с легитимацией насилия, может наступить для лица только при условии, что нарушитель ранее уже подвергался административному наказанию за аналогичное правонарушение либо имел судимость за совершение преступлений, предусмотренных определенными статьями уголовного законодательства (статьями 280, 282, 282^4 УК РФ). К ответственности привлекаются исключительно психически здоровые (вменяемые) граждане, достигшие шестнадцатилетнего возраста.

Для квалификации действий лица по п. «б». ч. 2 ст. 282 УК РФ необходимо, чтобы лицо имело служебное положение, которое оно использует для совершения преступления.

При совершении деяний, предусмотренных ст. 282 УК РФ, виновное лицо действует целенаправленно, стремясь разжечь межгрупповую рознь или нанести ущерб человеческому достоинству на основе определенных законом признаков.

Говоря о субъективной стороне рассматриваемого преступления, нельзя обойти вниманием вопрос о возможной конкуренции двух норм – ст. 282 УК РФ и ст. 20.29 КоАП РФ, в случае, когда имеет место распространение экстремистских материалов.

Порядок, который помогает разграничить уголовно наказуемое деяние и административное правонарушение при распространении экстремистских материалов, разъяснен в пункте 8 Постановления № 11. Верховный Суд РФ прежде всего обращает внимание на умысел лица: по ст. 282 УК РФ ответственность наступает только тогда, когда доказана специальная цель – разжечь ненависть или вражду между группами либо унизить достоинство человека по признакам дискриминации. Если такого опасного намерения нет, то даже сам факт распространения запрещенного контента рассматривается уже по правилам законодательства об административных правонарушениях. Иными словами, при квалификации решающими становятся именно субъективные признаки состава.

Как справедливо отмечается в научной литературе, при формулировании ст. 282 УК РФ законодатель не привязывает ответственность к экстремистским мотивам виновного. Отмечается, что «призывающий может руководствоваться совсем иными мотивами, например, стремлением обогатиться, достичь политических целей, нарушить общественный порядок». То, чем лицо руководствовалось, не меняет уголовно-правовую оценку его поступка. Это может учитываться только при назначении наказания[260].

При разборе дел по статьям 280 и 282 УК РФ важно выяснять, чего на самом деле добивался обвиняемый, а не ограничиваться только лингвистическим анализом текста. Преступления, связанные с разжиганием ненависти и экстремистскими призывами, относятся к формальным составам. Но судебный подход не должен сводиться лишь к поиску в тексте языковых признаков вражды и ненависти.

---

[260] Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности: позиция Пленума // Российская юстиция. 2011. № 10. С. 12.

Верховный Суд РФ в Постановлении № 11 отдельно подчеркнул, что необходимо понять подлинные цели автора, нужно рассматривать весь контекст размещенной информации. Для установления замысла пользователя, который опубликовал материал в сети, необходим всесторонний анализ. Внимание следует обращать не только на сам текст и способ его подачи, но и на все сопутствующие обстоятельства: пояснения автора, его комментарии, обстановку публикации и любые другие данные, помогающие понять позицию лица, разместившего сведения.

Такое разъяснение выглядит логичным и заслуживает одобрения. Верховный Суд РФ сознательно не ограничивает перечень обстоятельств, которые можно учитывать. Это дает правоприменителю необходимую гибкость и позволяет соблюдать принцип субъективного вменения, то есть привлекать к ответственности только тогда, когда доказан умысел на пропаганду или оправдание экстремизма. При этом отмечается, что эти ориентиры нужно применять не только к ст. 282 УК РФ, для которой они были сформулированы в Постановлении, но и к другим составам. В частности, речь идет о статьях 280, 280^1 и 205^2 УК РФ.

С учетом ранее высказанных предложений, новая редакция диспозиций ст. 282 УК РФ может выглядеть следующим образом:

«Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства.

1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично и сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения».

2. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) с использованием средств массовой информации;

д) в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

2.3. Организация экстремистского сообщества (ст. 282[1] УК РФ)

В Российской Федерации в конце 90-х годов XX века и первые годы 2000-х прошла серия громких судебных разбирательств, связанных с деятельностью радикалов на почве религиозной и национальной вражды.

Показательным стало дело подпольной радикальной группировки, члены которой придерживались анархо-коммунистической идеологии. Члены данной экстремистской группировки организовали масштабные теракты. В результате их действий было повреждено здание ФСБ[261] и соседние постройки в Москве, а также уничтожен памятник царю Николаю II в Подольске[262].

Также в то время в стране функционировала радикальная организация «Исламский институт «Кавказ», участники которой преследовали цель насильственного установления шариатского правления в Дагестане. Результатом их преступной деятельности стали взрывы, организованные в сентябре 1999 г. в Москве, Волгодонске и Буйнакске. Эти акты демонстрации привели к массовым жертвам: 1742 человека получили ранения разной степени тяжести, а 243 человека погибли[263].

---

[261] Анархисты перешли от дел к словам // Коммерсантъ. 1999. 9 апреля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/216546 (дата обращения: 28.08.2025).

[262] Взорвали памятник царю // Коммерсантъ. 1999. 3 ноября. URL: https://www.kommersant.ru/doc/208053 (дата обращения: 28.08.2025).

[263] Москва вспоминает жертв теракта на Каширском шоссе // Информационный портал РБК. 2013. 13 сентября. URL: https://www.rbc.ru/society/13/09/2013/57040f7b9a794761c0ce1bd5 (дата обращения: 28.08.2025).

Несовершенство действовавшего тогда уголовного законодательства не позволяло должным образом противодействовать функционированию структур, создаваемых для организации и подготовки преступлений террористического характера и экстремистской направленности.

Принятие Закона № 114-ФЗ ознаменовало этап глубокой трансформации системы уголовно-правовых норм Российской Федерации. В рамках реализации данного законодательного курса был принят Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ, который не ограничился лишь редакционной правкой диспозиций статей, предусматривающих ответственность за преступления экстремистской направленности. Важнейшим результатом данной новеллы стала имплементация в Особенную часть УК РФ принципиально новых составов преступлений, предусмотренных статьями 282^1 и 282^2 УК РФ, что существенно расширило пределы уголовно-правовой охраны общественных отношений.

Концептуальная трансформация российского уголовного права, произошедшая в 2002 г. и ознаменованная криминализацией ряда новых деяний, стала логическим развитием государственного курса на системное противодействие экстремистским угрозам. Раньше создание экстремистского сообщества и организация деятельности экстремистской организации нередко рассматривались лишь как подготовка к тем преступлениям, ради которых такие объединения и возникали. Из-за этого привлечь лиц к уголовной ответственности было затруднительно, поскольку часто речь шла о деяниях небольшой или средней тяжести. Исследователи обоснованно отмечают, что появление этих составов в уголовном законе было необходимо для более надежной защиты конституционных основ государства[264].

Как справедливо пишут в научной литературе, современное уголовное право выделяет особые преступные объединения, и уже сам факт их создания,

---

[264] Магнутов Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ): теория, техника, практика: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2022. С. 57

руководства ими или участия в них образует самостоятельный состав преступления [265] . Эти нормы хорошо показывают, что правовые основания признания таких действий преступными строятся на идее соучастия. Именно она лежит и в основе теоретического разграничения различных форм организованной преступности и групповых противоправных действий[266].

Когда речь идет о непосредственном объекте преступлений, предусмотренных ст. 282[1] УК РФ, разные авторы предлагают свои подходы. Интересна позиция А.Г. Хлебушкина, который опирается на особенности субъективной стороны состава преступления. Поэтому объект организации экстремистского сообщества он предлагает понимать как конституционные основы межличностных отношений[267]. Другой взгляд высказывает С.Н. Фридинский. К непосредственному объекту он относит совокупность общественных отношений, которые обеспечивают государственную устойчивость, защиту территориальной целостности и внутреннюю безопасность страны[268].

На наш взгляд, точнее всего непосредственный объект этого преступления можно определить через универсальный подход. Объект преступления – это общественные отношения, то есть определенное правовое благо, которое охраняет уголовный закон. А при выделении непосредственного объекта важно выявить такие признаки, которые ясно отличают данное деяние от других. Тогда объектом преступления, предусмотренного ст. 282[1] УК РФ, можно считать общественные отношения, связанные с охраной основ конституционного строя и безопасности государства от преступлений экстремистской направленности. По нашему мнению, именно такое понимание лучше всего раскрывает смысл включения этой нормы в уголовное законодательство.

---

[265] Маякова А.С. Специальные преступные объединения: монография / А.С. Маякова; Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Российская таможенная академия". - Москва: Российская таможенная акад., 2017. С. 56.

[266] Кубов. Р.Х. Особенности квалификации сложных форм соучастия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.

[267] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 30

[268] Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 2003. С. 67

Нужно подчеркнуть, что при наличии установленного экстремистского мотива практически любое умышленное деяние может быть признано экстремистским. На это прямо указывает примечание 2 к ст. 2821 УК РФ. Иначе говоря, экстремистская деятельность может затрагивать самые разные общественные отношения и причинять вред самым разным сферам. Поэтому заранее определить круг дополнительных объектов посягательства и свести его к закрытому списку здесь невозможно.

Если проанализировать объективную сторону ч. 1 ст. 282^1 УК РФ, становится очевидно, что она делает уголовно наказуемой организационно-подготовительную стадию совершения преступлений экстремистской направленности.

Норма охватывает весь спектр управленческой и координационной деятельности. Иными словами, преступлением считаются не только само формирование экстремистской структуры, но и любые действия, которые сохраняют ее организационную целостность и управляемость.

Под созданием экстремистского сообщества следует понимать образование преступного формирования, которое обладает признаками, указанными в статьях 35 и 282^1 УК РФ. В п. 14 Постановления № 11 высшая судебная инстанция разъясняет, в какой момент за такие действия наступает уголовная ответственность. Здесь важно не то, были ли совершены запланированные преступления, а сам факт объединения людей и выполнения подготовительных шагов. Ответственность возникает тогда, когда процесс создания экстремистского формирования завершен, и у него уже есть явная готовность реализовать противоправные экстремистские планы, ради которых оно было создано, либо когда уже начались действия по подготовке условий для совершения соответствующих преступлений. При этом правовое значение имеет сам факт объединения лиц, связанных единым умыслом на подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности.

Фундаментальным признаком рассматриваемого состава преступления является тесное взаимодействие субъектов, осуществляющих организационные и управленческие функции в рамках экстремистских сообществ и их структурных

звеньев. Оно выражается в консолидированной деятельности указанных лиц по созданию материальной и интеллектуальной базы, объективно необходимой для последующей реализации преступного умысла.

Суть правонарушения состоит в том, что происходит консолидация этих участников, налаживание между ними устойчивых контактов и общее управление их действиями в составе экстремистского сообщества. В научной литературе отмечается, что о признаке организованности свидетельствует наличие в экстремистском сообществе, помимо прочего, плана совместной преступной деятельности, организационных документов по типу устава, специфической символики и мер воздействия на нарушителей внутренних правил[269].

В отличие от создания, руководство возможно только в рамках уже сформированной группы. Некоторые ученые пишут о том, что руководство заключается в выполнении роли руководителя сообществом, «созданным кем-то другим»[270]. Такое указание не совсем точно, поскольку одно лицо, создавшее экстремистское сообщество, может также в дальнейшем выполнять функции его руководителя, однако полагаем, что в данном указании может заключаться мнение о том, что, когда лицо создает сообщество и само же им руководит, данные действия не подлежат дополнительной квалификации.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 15 Постановления № 11, основными признаками руководителя радикального объединения являются его организаторские качества. Руководитель берет на себя широкий круг обязанностей – он обеспечивает функционирование группы, занимается планированием и решает вопросы технического характера, включая безопасность участников. Особое внимание уделяется таким аспектам руководства, как определение функций участников и проработка методов совершения противоправных действий. Некоторые ученые выделяют также такие функции руководителя как определение объектов посягательства, установление времени и места совершения

---

[269] Маякова А.С. Указ. соч. С. 124.

[270] См., напр.: Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М.: Проспект, 2007. С. 61.

посягательств[271]. Все эти действия составляют комплексную картину полномочий и обязанностей руководителя экстремистского сообщества.

Руководство структурным подразделением по своей юридической природе аналогично руководству всем объединением в целом. Разница состоит исключительно в масштабе: структурное подразделение представляет собой меньшую, относительно автономную ячейку, которая обычно решает локальные задачи, но всегда в интересах и ради достижения общей цели всего сообщества.

В целях мер конспирации экстремистское сообщество может осуществлять преступную деятельность под видом структурного подразделения легально действующей организации.

Так, приговором Волжского городского суда Волгоградской области было установлено, что ФИО, назначенный на должность начальника регионального управления общероссийского общественного объединения «Комитет безопасности России» (КОБРа), создал на его основе экстремистское сообщество, целью которого являлась смена власти в Российской Федерации путем восстановления режима правления СССР насильственными методами. Данная деятельность осуществлялась под видом законной деятельности регионального управления[272].

В контексте исследования объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282[1] УК РФ, принципиальное значение приобретает вопрос квалификации управленческой деятельности, содержащей признаки иных составов преступлений экстремистской направленности.

Полагаем, что совершение руководителем экстремистского сообщества действий, формально подпадающих под признаки иных преступлений небольшой или средней тяжести экстремистской направленности (в частности, публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности – ст. 280 УК РФ, или действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды – ст. 282 УК РФ),

---

[271] Маякова А.С. Указ. соч. С. 132.

[272] Приговор Волжского городского суда Волгоградской области по делу № 1-660/2023 от 29 сентября 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».

не во всех случаях требует самостоятельной правовой оценки по совокупности преступлений.

В случаях, когда разработка, изготовление или публичное распространение экстремистских материалов выступают непосредственным способом реализации управленческих функций, являясь частью организационного плана, и совершаются в рамках единого умысла на руководство сообществом, данные действия должны полностью поглощаться ч. 1 ст. 282[1] УК РФ.

Напротив, самостоятельному вменению по совокупности подлежат лишь такие действия руководителя, которые выходят за рамки выполнения им организационно-управленческих функций, а также посягают на иные самостоятельные объекты правовой охраны (жизнь, здоровье, собственность и др.).

Предлагаемый подход позволяет сформулировать четкие правила уголовно-правовой квалификации, обеспечивающие баланс между эффективным противодействием организационным формам экстремистской активности и недопущением избыточного вменения.

Так, по одному из дел ФИО был признан виновным по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ за создание и руководство экстремистским сообществом, а также по п. «в» ч. 2 ст. 282 и ч. 2 ст. 280 УК РФ за действия, которые он совершал в рамках сообщества. Суд первой инстанции установил, что ФИО, будучи руководителем экстремистского сообщества, разработал и разместил в сети «Интернет» тексты «Ориентировочный план мероприятий по подготовке акций 16 декабря» и «Проект «Злой Казах»», содержащие призывы к возбуждению вражды по признакам национальности и уровня дохода, и квалифицировал эти действия по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ[273].

Однако суд апелляционной инстанции исключил квалификацию действий ФИО по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ, признав, что разработка и размещение указанных

[273] Приговор Мещанского районного суда города Москвы по делу № 01-0120/2016 от 24 августа 2016 г. // https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/4f5791a6-916a-4f53-afb3-df239b9ee2da.

текстов являются частью организационного плана экстремистского сообщества, что полностью охватывается ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[274].

Что касается вопроса о том, возможно ли в нынешних реалиях создание экстремистского сообщества, функционирующего исключительно в сети «Интернет», ответ должен быть однозначно положительным. Обусловлено это, прежде всего, развитием самой цифровой среды, куда уже «перетекло» большое количество «традиционных преступлений», которые могут совершаться как единолично, так и организованно. Если ранее экстремистские сообщества мы могли представить лишь как «физические общности», то теперь, в связи с повышенной активностью злоумышленников в информационном пространстве и массовостью ее пользователей, ситуация существенным образом меняется. Существует и продолжает создаваться огромное количество мессенджеров и социальных сетей, которые становятся площадками для трансляции пользователями своих радикальных взглядов и идей, на основе которых они активно находят единомышленников и сплачиваются в криминальные коллективы.

Как представляется, такой коллектив, функционирующий сугубо в сети «Интернет», также может иметь такие признаки как стабильность состава, тесная взаимосвязь между членами, согласованность действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, а также длительность существования. При этом, члены группы в Интернете также могут осознавать свою причастность к ней и находиться в тесной связи с другими участниками без личного взаимодействия.

Указанные обстоятельства необходимо устанавливать в каждом конкретном случае. Определяющим фактором здесь должно являться наличие у них общей площадки для взаимодействия (паблики, чаты и диалоги), что будет указывать на устойчивость и единство группы.

Так, по приговору Екатеринбургского гарнизонного военного суда ФИО1 и ФИО2 были признаны виновными в совершении преступлений, предусмотренных статьями 280, 282[1], 282 УК РФ. Судом было установлено, что указанные лица

---

[274] Апелляционное определение Московского городского суда по делу № 10-2364/2018 от 28 марта 2018 года // СПС «Консультант Плюс».

создали паблик в сети «Интернет», в котором, помимо прочего, ими публиковались посты, в которых они призывали к насилию в отношении сотрудников правоохранительных органов. Суд квалифицировал их преступления как совершенные в рамках заранее созданного в сети «Интернет» экстремистского сообщества[275]. При этом, в приговоре было прямо указано, что экстремистское сообщество управлялось посредством администрирования паблика и публикования в нем экстремистских материалов.

В целях ужесточения уголовно-правовой политики по противодействию экстремизму законодатель внес существенные коррективы в отечественное уголовное законодательство. Изначально действия по вовлечению граждан в экстремистские сообщества и экстремистские организации рассматривались как часть организаторской деятельности либо как функции, выполняемые отдельными участниками таких структур. Однако Федеральным законом № 130-ФЗ от 5 мая 2014 г. в ст. 282^1 и 282^2 УК РФ были введены отдельные составы преступлений, устанавливающие уголовную ответственность за вербовку, склонение и иные способы вовлечения лиц в экстремистские структуры.

Данные составы преступлений предусматривают более строгие санкции по сравнению с простым выполнением функций участника в экстремистском сообществе (по ч. 1.1. максимальная санкция – лишение свободы на срок от четырех до восьми лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, по ч. 2 – лишение свободы на срок от двух до шести лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до пяти лет или без такового и с ограничением свободы на срок до одного года). Это обусловлено тем, что данные действия непосредственно способствуют расширению и укреплению экстремистских структур, обеспечивая приток новых участников и усиливая потенциал экстремистских формирований для совершения более тяжких преступлений.

---

[275] Приговор Екатеринбургского гарнизонного военного суда Свердловской области по делу № 1-7/2020 от 9 сентября 2020 г. // https://sudact.ru/regular/doc/RDzjdlAzE9Zv/.

Согласно позиции, изложенной в п. 15.1 Постановления № 11, любые умышленные действия по привлечению отдельных лиц или групп к участию в экстремистских сообществах квалифицируются как вовлечение, вербовка или склонение. Такие действия могут осуществляться различными способами: через физическое насилие, материальное стимулирование, психологическое давление, включая угрозы и уговоры, а также путем распространения агитационных материалов в сети «Интернет» и на физических носителях.

Согласно справке по итогам изучения судебной практики, суды понимают под склонением к участию в экстремистском сообществе или экстремистской организации деятельность по формированию у лица добровольного желания на участие: убеждение в правильности их взглядов, воздействие на религиозные чувства и др., а под вербовкой – найм лица для выполнения определенных функций в интересах структуры[276].

Высшая судебная инстанция в своей практике под вербовкой понимает комплекс действий, нацеленных на изменение сознания вербуемых, их мышления и поведения[277].

Таким образом, мы можем согласиться с теми авторами, которые выделяют в качестве признака вовлечения наличие у лица специфической цели, которой является получение согласия от лиц, на которых оказывается воздействие, на участие в определенной противоправной деятельности[278].

Термин «вовлечение» не является новым для уголовного законодательства. Так, например, он задействуется в статьях 150, 151, 152[2] УК РФ, которые

---

[276] Справка по итогам изучения судебной практики Ульяновской области по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности (подготовлена судебной коллегией по уголовным делам Ульяновского областного суда). 2015 // СПС «Консультант Плюс».

[277] Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ по делу № 203-АПУ19-11 от 13 июня 2019 года // СПС «КонсультантПлюс».

[278] См., напр.: Палий В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 115; Прохоренко Е.С. Противодействие вербовочной деятельности: уголовно-правовые и криминологические вопросы // Российский следователь. 2025. № 9. С. 60-66.

предусматривают уголовную ответственность за осуществление противоправных действий в отношении несовершеннолетних лиц.

Функции по привлечению участников могут исполняться различными субъектами: как непосредственно руководителями или рядовыми членами сообщества, так и посторонними лицами, действующими на возмездной основе, но не входящими в состав сообщества. В соответствии с ч. 1 ст. 282[1] УК РФ, вовлечение новых членов полностью входит в обязанности организатора и руководителя экстремистской группы, поэтому дополнительная квалификация не требуется. Это подтверждается разницей в строгости наказаний: если по ч. 1 предусмотрено лишение свободы на срок до десяти лет, то по ч. 1.1 той же статьи – до восьми лет. Данное соотношение санкций является дополнительным аргументом в пользу такой правовой квалификации деяния.

В качестве примера можно привести дело в отношении ФИО. 235-й гарнизонный военный суд установил, что ФИО организовал и руководил экстремистским сообществом «Национал-социалистическая рабочая партия России», в дальнейшем он привлек к деятельности данного сообщества 15 человек. Судом первой инстанции данные действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 282[1] УК РФ и ч. 1.1. ст. 282[1] УК РФ[279]. Однако в дальнейшем судом апелляционной инстанции приговор был изменен, из него было исключено указание об осуждении ФИО по ч. 1.1 ст. 282[1] УК РФ как излишне вмененное[280].

Как справедливо отмечено в доктрине, организаторские функции намного шире, чем простой подбор будущих соучастников. При этом, приискание соучастников на этапе создания экстремистского сообщества свидетельствует о выполнении лицом организаторских функций. В то же время, приискание

---

[279] Приговор 235-го гарнизонного военного суда по делу № 1-21/2019 от 02 апреля 2019 г. // https://235gvs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13241883.

[280] Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Московскому окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2019 года // http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=60.

соучастников на этапе, когда организация уже сформирована, должно квалифицироваться как вербовочная деятельность[281].

Если лицо было привлечено для однократной помощи экстремистскому сообществу, а не вступления в его ряды, то действия по его привлечению нельзя квалифицировать как вовлечение в деятельность экстремистского сообщества по смыслу ч. 1.1 ст. 282[1] УК РФ, что вытекает из анализа правовой нормы.

Считаем заслуживающим внимания предложение З.М. Бешуковой о внесении дополнений в ч. 1.1 ст. 282[1] УК РФ, а именно, включить туда формулировку «а равно в совершение хотя бы одного из преступлений экстремистской направленности» [282] . Однако, все же считаем, что данное дополнение нормы будет являться излишним, поскольку, как указал сам автор предложения, лицо, оказавшее разовое содействие экстремистскому сообществу, еще не может считаться его членом, и, таким образом, указанное дополнение необоснованно расширит действие ст. 282[1] УК РФ за пределы ее изначального регулирования.

Еще до введения в статьи 282[1] и 282[2] УК РФ данных составов преступлений, С.М. Кочои предлагал дополнить преступления против несовершеннолетних таким квалифицирующим признаком, как вовлечение их в экстремистское сообщество и деятельность экстремистской организации[283]. Полагаем, что ученый верно отметил особую общественную опасность таких действий в отношении лиц, не достигших возраста 18 лет.

Ранее нами с положительной стороны был отмечен опыт уголовного законодательства ФРГ и Азербайджанской Республики, где акцентировано внимание на распространении экстремистских идей в отношении

---

[281] См.: Травников А.В. Вовлечение в преступления экстремистской направленности // Российский судья. 2021 № 9.

[282] Бешукова З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации: дисс. … доктора юрид. наук. Краснодар, 2020. С. 438.

[283] Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М.: Проспект, 2007. С. 63.

несовершеннолетних. Кроме того, в п. 22 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации отдельно указано на актуальность данной проблемы.

Таким образом, полагаем, что статьи 282^1 и 282^2 УК РФ необходимо дополнить такими квалифицированными составами преступлений, как склонение, вербовка или иное вовлечение несовершеннолетнего лица в экстремистские структуры. Подобная оптимизация действующего законодательства, на наш взгляд, будет отражать уникальные криминологические черты рекрутинга несовершеннолетних в экстремистские формирования, а именно: глубокую идеологическую трансформацию их сознания, нивелирование гражданских ценностей и формирование долгосрочных стратегических рисков для основ государственной безопасности[284]. Такие составы преступлений в определенных случаях будут являться специальными по отношению к составу, предусмотренному п. «а» ч. 4 ст. 150 УК РФ, предусматривающему уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу.

Согласно разъяснениям, которые даны в п. 16 Постановления № 11, преступление, указанное в ч. 2 ст. 282^1 УК РФ, считается оконченным в тот момент, когда лицо вступает в сообщество, осознавая его экстремистскую направленность. С этого момента состав преступления является оконченным независимо от того, успело ли лицо принять участие в деятельности сообщества или нет.

Участники экстремистского сообщества могут выполнять и такие функции, которые напрямую не связана с совершением преступлений. Речь идет о вспомогательных действиях, когда лицо вступает в такое формирование и помогает ему, но отдельно за эту помощь его к уголовной ответственности не привлекают. Здесь имеет значение, есть ли связь между его членством в сообществе и теми вспомогательными функциями, которые он берет на себя. Наказание возможно только тогда, когда лицо ясно понимает, что оно связано с экстремистским сообществом.

---

[284] См.: Дроздов И.С. Проблемы и перспективы дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в экстремистские формирования // Юридическая наука. 2026. № 4. С. 385-387.

К пассивному участию можно отнести, например, ведение документации, передачу нужных сведений, обслуживание компьютеров, хозяйственные дела или приготовление еды. Даже если участник занимается только бытовыми вопросами, но при этом понимает, что относится к экстремистскому формированию, его действия все равно будут считаться пассивным участием в сообществе.

Таким образом, участие в деятельности экстремистского объединения может выражаться по-разному: как в активном совершении преступлений экстремистской направленности, так и в выполнении вспомогательных, обеспечивающих задач.

В научных кругах ведутся активные споры по данному вопросу. Основные разногласия касаются определения минимально необходимого уровня вовлеченности лица в деятельность экстремистского сообщества, а также конкретного перечня действий, которые можно считать участием в таком сообществе.

По мнению А.Г. Хлебушкина, привлечение к ответственности за участие в экстремистском сообществе возможно лишь в трех случаях: когда лицо непосредственно совершает преступления, перечисленные в Особенной части УК РФ в составе сообщества, либо выступает соучастником такого преступления, либо готовится к нему или покушается на его совершение[285]. Иными словами, ученый считает, что простое содействие существованию сообщества (например, обеспечение его финансирования, конспирации и т.п.) само по себе не образует состава участия.

Мы полагаем, что такая трактовка чрезмерно сужает объем регулирования статьи и не соответствует ее буквальному смыслу. Закон предусматривает ответственность именно за участие в экстремистском сообществе как таковом, а не только за совершение или подготовку отдельных преступлений.

Само определение экстремистского сообщества подразумевает устойчивую организованную группу, созданную для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. Устойчивое существование любой

---

[285] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 75.

организованной группы объективно невозможно без целенаправленной деятельности по ее поддержанию: координации, обеспечения ресурсами, поддержания иерархической дисциплины, а также разработки и применения комплекса мер по конспирации и противодействию внешнему контролю. Эти действия, хотя и не всегда выражаются в непосредственном исполнении преступлений, обеспечивают само существование сообщества как инструмента совершения таких преступлений в будущем.

Именно поэтому деятельность, направленная на сохранение и поддержание жизнеспособности экстремистского сообщества, обладает самостоятельной и высокой степенью общественной опасности и справедливо подпадает под признаки участия в сообществе. Ограничение ответственности только случаями прямого совершения или соучастия в конкретных преступлениях фактически легализовало бы вспомогательную, но системную роль значительного числа участников подобных формирований.

Если лицо, являясь участником экстремистского сообщества, совершает преступления в его составе, его действия следует квалифицировать по совокупности преступлений.

Так, приговором Свердловского областного суда ФИО был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 282^1, ч. 3 ст. 30, п. «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105, п. «а», «ж», «л» ч. 2 ст. 105, ч. 1 ст. 161, п. «а», «в» ч. 2 ст. 282 УК РФ. Судом было установлено, что ФИО участвовал в экстремистском сообществе, и в его составе публично и с применением насилия совершил действия, направленные на возбуждение ненависти, а также на унижение достоинства группы лиц по признакам расы, национальности, языка и происхождения. Также по мотивам расовой и национальной ненависти в составе экстремистского сообщества он покушался на убийство лиц неславянской внешности и по тем же мотивам совершил убийство лиц неславянской внешности[286].

---

[286] Приговор Свердловского областного суда по делу № 1-5/15 от 26 января 2015 г. // СПС «Консультант Плюс».

В доктрине имеется критическое отношение к наличию в уголовном законодательстве рассматриваемой статьи. Так, С.В. Борисов считает уголовно-правовой запрет деяний, предусмотренных ст. 282[1] УК РФ, излишним, так как видит в данной статье неуместное расширение содержания и объема понятий, определенных в Общей части УК РФ, а именно института приготовления к преступлению, содержащегося в ч. 2 ст. 30 УК РФ [287]. Схожей позиции придерживается и ряд других авторов[288]. Мы же, в свою очередь, видим в ст. 282[1] УК РФ запрет на создание определенных формирований, само существование которых способно оказать существенный вред для защищаемых уголовнм законодательством общественных отношений. К тому же, Общая часть УК РФ прямо допускает криминализацию таких формирований в ч. 5 ст. 35 УК РФ.

В трудах С. В. Борисова и ряда иных исследователей вне поля научного внимания остается фундаментальная проблема: определение оптимальных законодательных моделей пресечения деятельности устойчивых криминальных структур в тех случаях, когда их программные цели ограничены систематическим осуществлением деяний, относящихся к категориям преступлений небольшой или средней тяжести (именно к этим категориям относится подавляющее большинство преступлений экстремистской направленности).

Отказ от специальных норм неизбежно приводит к правовому вакууму: многочисленные случаи формирования экстремистских сообществ, их структурирования, вербовки и накопления ресурсов останутся вне зоны эффективного уголовно-правового реагирования до тех пор, пока не будет совершено конкретное преступление. В результате значительная часть организаторской и обеспечивающей деятельности, обладающей высокой общественной опасностью, будет фактически выведена из-под сферы уголовно-правового регулирования, что серьезно ослабит профилактический потенциал уголовного закона.

---

[287] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 435-436.

[288] См., напр.: Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 102-110.

В качестве примера эффективной работы по пресечению попыток создания экстремистских сообществ можно привести дело, рассмотренное Советским районным судом г. Краснодара в отношении ФИО. Как установил суд, ФИО использовал приложение для обмена сообщениями «Telegram» с целью вербовки единомышленников. Он рассылал текстовые сообщения различным лицам, мотивируя их вступить в экстремистское формирование на основе схожих взглядов и целей. Данные действия были обоснованно квалифицированы судом по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 282[1] УК РФ[289].

Отметим, что существует неопределенность в законодательной трактовке термина «экстремистское сообщество», что создает сложности при анализе ст. 282[1] УК РФ. Специалисты в области права указывают на нарушение правил законодательной техники, поскольку в понятия, изложенные в ст. 35 УК РФ, вкладывается специфичное содержание[290].

Отмечается, что специальные преступные объединения обладают набором специфических признаков, к которым могут быть отнесены множественность субъектов, организованность, структурированность, устойчивость, вооруженность, наличие специальной цели [291] . При этом, каждое специальное преступное объединение требует определенного набора данных признаков.

Высшая судебная инстанция в своих разъяснениях подчеркивает, что для квалификации организованной группы как экстремистского сообщества необходимо одновременное наличие нескольких обязательных признаков. Среди них решающее значение имеют наличие фигуры организатора (лидера), который осуществляет общее руководство, стабильность персонального состава участников, а также согласованность и целенаправленность их совместных

---

[289] Приговор Советского районного суда города Краснодара по делу № 1-529/2018 от 26 июля 2019 г. // https://sudact.ru/regular/doc/rGJzz23Fp7Hx/.

[290] См., напр.: Бешукова З.М., Прохоров Л.А. Экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ): дискуссионные аспекты законодательного описания состава преступления // Проблемы и перспективы противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства. 2013. С. 41-47; Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003 С. 69.

[291] Маякова А.С. Указ. соч. С. 60-61.

действий, подчиненных достижению единых преступных целей экстремистской направленности. Важно отметить, что такое объединение создается заранее для осуществления преступлений экстремистской направленности – как единичных, так и множественных. Согласно п. 12 Постановления № 11, экстремистское сообщество может иметь сложную структуру с различными подразделениями, но обязательно должно характеризоваться устойчивостью состава и согласованностью действий всех его членов.

В современной уголовно-правовой доктрине вопрос о межвидовой корреляции категорий «экстремистское сообщество» и «преступное сообщество» остается предметом острых дискуссий. Значительная часть исследователей склонна классифицировать экстремистское сообщество как специальную форму преступного сообщества, усматривая в этом реализацию воли законодателя, который через унификацию терминологического аппарата (использование идентичного понятия «сообщество») подчеркивает сущностное родство данных правовых институтов[292].

Так, С.В. Фридинский указывал, что правильно будет рассматривать экстремистское сообщество как разновидность преступного сообщества с некоторыми отличиями [293] . Е.П. Сергун признает очевидным и логичным заключение о том, что ч. 1 ст. 282[1] УК РФ является специальной нормой по отношению к ч. 1 ст. 210 УК РФ[294]. Аналогичной позиции придерживаются С.В. Дьяков, определивший экстремистское сообщество как особый, специальный вид

---

[292] См., напр.: Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России: виды и характеристика: монография / отв. ред. А. И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 110; Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8.; Попов В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2016. С. 26.

[293] Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование: автороф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 26.

[294] Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 189-190.

преступного сообщества[295], А.В. Ростокинский, писавший, что анализ норм статей 282[1] и 210 УК РФ позволяет предположить, что названные объединения отличаются друг от друга исключительно целями [296] , и ряд других исследователей[297].

Согласно доктринальной позиции С. А. Юдичевой, экстремистское сообщество корректно интерпретировать как специальный вид преступного сообщества, специфическим конститутивным признаком которого выступает наличие специальной цели – совершение преступлений экстремистской направленности. В целях законодательного закрепления данной концепции исследователь обосновывает необходимость реформирования ст. 282[1] УК РФ. Предлагаемая редакция предполагает дефиницию экстремистского сообщества как структурированной организованной группы либо объединения таких групп, функционирующих под единым руководством для реализации программных целей экстремистской деятельности.[298].

В противовес этой точке зрения Л.В. Иногамова-Хегай считает, что экстремистское сообщество и преступное сообщество нельзя смешивать. По ее мнению, это следует из их самостоятельной правовой природы в рамках уголовного закона. Она полагает, что нет причин рассматривать экстремистское сообщество как особый вид преступного сообщества, поскольку у этих формирований разные цели и они связаны с совершением преступлений разной степени тяжести[299].

---

[295] Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. СПб: Юридический центр пресс, 2012. С. 76.

[296] Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы. дис. … докт. юр. наук. М., 2008. С. 245.

[297] См., напр.: Клименко Ю.А. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации // Lex russica. 2017. № 3 (124). С. 123-132; Таков А.З. Организация экстремистских сообществ: проблемы в доказывании // Журнал прикладных исследований. 2023. № 2 (146). С. 146-149.

[298] Юдичева С.А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 23.

[299] Российское уголовное право: В 2 т. Т. 1: Общая часть / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И Рарога. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. С. 312.

Как указывает ученый, преступное сообщество изначально было задумано законодателем как объединение для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Экстремистское же сообщество создается прежде всего ради подготовки и совершения тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности для получения финансовой выгоды[300].

Таким образом, в российском уголовном праве сейчас существуют два разных, хотя и близких института: преступное сообщество, связанное с высокой общественной опасностью совершаемых преступлений, преследующих материальную выгоду, и экстремистское сообщество как особая организованная форма экстремистской преступности. Попытки подвести второе под первое выглядят искусственными и искажают как замысел законодателя, так и реальную криминологическую природу этих явлений.

Отдельно следует сказать о позиции В.Н. Воронина. Он указывает на то, что в действующей редакции ст. 282[1] УК РФ отсутствует такой существенный признак преступного сообщества, как структурированность, что не позволяет отнести экстремистское сообщество к данному типу незаконных формирований[301].

В.И. Тюнин, в свою очередь, полагает, что в ст. 282[1] УК РФ термин «экстремистское сообщество» фактически используется как синоним «организованной группы». Поэтому, по его мнению, при квалификации не требуется устанавливать признаки, которые отличают преступное сообщество от организованной группы[302].

Смысл этих доводов сводится к тому, что особая структура и направленность противоправной деятельности дают основание рассматривать экстремистское сообщество лишь как преобразованную форму организованной группы, а не как разновидность преступной организации. Такой подход получил широкую

---

[300] Там же. С. 313.
[301] Воронин В.Н. Пути совершенствования уголовно-правового противодействия экстремизму // Проблемы правоохранительной деятельности. 2017. № 1. С. 63.
[302] Тюнин В.И. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право, 2006. № 3. С. 52.

поддержку в научной литературе, где авторы подчеркивают заметные различия между этими видами преступных формирований[303].

Позиции в пользу самостоятельности экстремистского сообщества и его несоответствии классическим признакам преступного сообщества выглядят вполне убедительно. На наш взгляд, выбор законодателем термина «сообщество» в ст. 282[1] УК РФ объясняется стремлением подчеркнуть направленность на запрет объединений, чья внутренняя структура и организация могут напоминать устройство преступных сообществ, но необязательно должны ему соответствовать.

Особого внимания заслуживают разъяснения, приведенные в п. 17 Постановления № 11. Согласно позиции высшей судебной инстанции, преступные деяния участников экстремистского сообщества подлежат квалификации по совокупности норм, предусмотренных ст. 282[1] УК РФ и релевантными статьями Особенной части УК РФ, с обязательным вменением квалифицирующего признака «совершенное организованной группой». Однако указанная правовая позиция не может рассматриваться как безусловный аргумент в пользу отождествления экстремистского сообщества исключительно с организованной группой. Подобная практика обусловлена прежде всего особенностями законодательной техники: при совершении преступления участниками преступного сообщества правоприменитель, ввиду отсутствия в конкретных составах соответствующего признака, вынужден квалифицировать содеянное через призму деятельности организованной группы.

Как справедливо указывают некоторые ученые, понятие «экстремистское сообщество» включает в себя как признаки организованной группы, так и преступного сообщества [304] . Экстремистское сообщество должно обладать

---

[303] См., напр.: Борисов С.В. Экстремистское сообщество как вид организованной группы // Закон и право. 2010. № 1. С. 106; Плешаков С.М. Экстремистское сообщество как разновидность организованной преступной группы // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления. 2017. С. 177.

[304] См., напр.: Мондохонов А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. М. : Проспект, 2021. С. 203; Магнутов Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности: законодательно-интерпретационные аспекты // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 2 (65). С. 155-164.

устойчивостью и стабильностью состава, но, как вытекает из п. 12 Постановления № 11, оно также может обладать структурированностью, которая, однако, не является для него обязательной характеристикой. При оценке того, к какому виду преступного формирования относится экстремистское сообщество, необходимо исходить из имеющегося минимума, а не предполагаемого максимума. Законодатель четко говорит о том, что экстремистское сообщество является организованной группой. При этом, указание на его части, входящие в его состав структурные подразделения, объединения организаторов, руководителей или иных представителей указаны для того, чтобы охватить данной нормой возможность существования таких усложненных видов экстремистских сообществ.

Экстремистские сообщества действуют преимущественно из идеологических побуждений, что противоречит основной характеристике преступного сообщества – нацеленность на получение материальной выгоды, что закреплено в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Сложно представить, что при разработке данной статьи законодатель ориентировался исключительно на группировки, нацеленные на материальное обогащение.

Когда члены экстремистского сообщества совершают не только преступления экстремистской направленности, но и тяжкие преступления ради материального обогащения (прямого или опосредованного), их действия могут быть квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 210 и 282[1] УК РФ.

В своей работе А.В. Петрянин отмечает, что в законодательстве остро назрела необходимость сделать понятия «сообщество», используемые в ч. 4 ст. 35 и ст. 282[1] УК РФ, идентичными, в целях унификации уголовного законодательства. По мнению ученого, некорректно оценивать качество криминальной деятельности того или иного преступного формирования через призму тяжести совершаемых им преступлений[305]. Разделяя позицию автора о необходимости терминологической

[305] Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 245.

унификации уголовного законодательства, следует, тем не менее, подчеркнуть наличие и иных различий между данными структурами. Таким образом, для полной унификации понятий «сообщество» потребовалось бы ввести значительно больше изменений, в связи с чем выскажем мнение о том, что логичнее было бы полностью исключить понятие «сообщество» из названия и диспозиции ст. 282^1 УК РФ. Название статьи при этом звучало бы как *«Организация экстремисткой преступной группы»*. Аналогичное предложение по реформированию уголовного законодательства можно встретить в научной литературе[306].

Положения ч. 3 ст. 282^1 УК РФ определяют уголовную ответственность за деяния, указанные в частях 1 и 2 данной статьи, если они сопряжены с использованием субъектом своих служебных полномочий.

Включение этого признака в качестве квалифицирующего в ст. 282^1 УК РФ выглядит обоснованным. Если лицо использует свое служебное положение, чтобы создать экстремистское сообщество или участвовать в его деятельности, его действия представляют большую опасность. У должностных лиц и госслужащих нередко есть доступ к ресурсам, информации и возможностям, которые можно направить на усиление и расширение преступного формирования. К примеру, пользуясь своими полномочиями, они могут маскировать деятельность сообщества под законную, задействовать государственные ресурсы для его финансирования, а также воздействовать на подчиненных и других лиц, вовлекая их в деятельность сообщества.

По этой статье к уголовной ответственности могут быть привлечены вменяемые лица, которым исполнилось шестнадцать лет. При этом к субъектам, указанным в ч. 3, законом предъявляются особые требования.

При этом подростки от 14 до 16 лет, действовавшие совместно с участниками экстремистских сообществ, несут ответственность только за те преступления, по

---

[306] Качество уголовного закона: проблемы Особенной части: монография/ отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2017. С. 338.

которым законодательством установлен четырнадцатилетний возрастной порог привлечения к уголовной ответственности[307].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом. Также в ч. 1 ст. 282[1] УК РФ указаны специальные цели создания экстремистского сообщества, – подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности, а также разработка планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Согласно предписанию примечания 1 к ст. 282[1] УК РФ, предусмотрено специальное основание для освобождения от уголовного преследования. Данная преференция распространяется на лиц, совершивших указанное деяние впервые, при условии их добровольного отказа от дальнейшего функционирования в рамках экстремистского объединения.

Действия организаторов и руководителей экстремистских сообществ представляют собой гораздо большую общественную опасность, чем действия рядовых участников, поскольку организаторы выстраивают фундамент экстремистского сообщества, а руководители выступают «интеллектуальным центром» деструктивного процесса. Помимо этого, организаторы и руководители, в отличие от рядовых участников, всегда осуществляют свои функции осознанно, понимая масштабы деструктивной составляющей своей противоправной деятельности. К тому же, их вовлеченность в деятельность экстремистского сообщества, в отличие от остальных участников, сложно представить обусловленной применением к ним какого-либо психического или физического воздействия. Таким образом, предоставление организаторам и руководителям экстремистских сообществ возможности избежать уголовного наказания посредством лишь прекращения участия в их деятельности существенным образом снижает превентивную функцию ст. 282[1] УК РФ.

Представляется обоснованной позиция ученых, которые при сопоставительном анализе оснований освобождения от уголовной

---

[307] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.

ответственности, закрепленных в примечаниях к статьям 282[1] и 282[2] УК РФ, с аналогичными нормами примечаний к статьям 126, 205 и 206 УК РФ, указывают на специфическую правовую природу последних. Так, приводятся аргументы о том, что постпреступное поведение субъекта в составах похищения человека или террористического акта носит частично реабилитирующий характер. В основе подобных поощрительных норм лежит рациональный приоритет государства, направленный на предотвращение наступления более тяжких и необратимых последствий для охраняемых законом интересов[308].

В связи с этим, нами предлагается изложить примечание 1 к ст. 282[1] УК РФ в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности за его совершение. Положения данного примечания не применяются к лицам, в действиях которых содержатся признаки преступления, указанные в части первой настоящей статьи».

Примечание 2 к ст. 282[1] УК РФ дает определение преступлений экстремисткой направленности, под которыми понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В уголовно-правовой доктрине сформировался критический подход к легальному способу детерминации «преступлений экстремистской направленности» через бланкетную отсылку к п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Обоснованность данной критики продиктована тем, что обстоятельства, отягчающие наказание, по своей юридической природе не могут выступать

---

[308] См.. напр.: Петрянин А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование: дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 272-273.

инструментом квалификации содеянного, поскольку функциональное назначение ст. 63 УК РФ ограничено исключительно стадией индивидуализации ответственности при назначении уголовного наказания виновному лицу.[309]. Такая позиция, безусловно, является справедливой, и поэтому актуальным вопросом на сегодня является поиск более правильного определения преступлений экстремистской направленности.

При этом, некоторые авторы, такие как Е.П. Сергун, вовсе не видят необходимости в закреплении в уголовном законодательстве понятия преступлений экстремистской направленности и, соответственно, предлагают исключить его из УК РФ[310].

Также критику вызывает дополнительное указание, помимо мотива ненависти, на мотив вражды. По мнению некоторых специалистов, данный термин, использующийся при определении преступлений экстремистской направленности, «характеризует не побуждения, а объективно существующие отношения, основанные на взаимной ненависти»[311]. Логичнее представлять вражду в качестве желаемого результата злоумышленника, в связи с чем из определения преступлений экстремистской направленности в примечании 2 к ст. 282^1 УК РФ и п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ нередко предлагается исключить мотив вражды, так как на законодательном уровне вражда между представителями различных групп не должна декларироваться. Как альтернативный вариант, можно рассмотреть введение в ст. 63 УК РФ экстремистской цели – возбуждение вражды между представителями указанных в законе групп.

Обратимся, в связи с этим, к пониманию данных понятий высшей судебной инстанцией.

По делу ФИО Верховный Суд РФ отменил приговор в части вменения отягчающего обстоятельства «по мотиву национальной и религиозной вражды».

---

[309] См., напр.: Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: - М. Проспект, 2020. С. 81.

[310] См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. С. 84.

[311] Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: дисс. … канд. юрид. наук. Москва, 2012. С. 316-317.

Нижестоящий суд указал в приговоре формулировку «вражда», однако высшая судебная инстанция отметила терминологическую ошибку: «вражда» в буквальном смысле означает объективно существующий конфликт между группами в обществе. Само по себе совершение преступления конкретным лицом характеризует лишь его личный мотив (субъективное отношение), а не наличие реального межгруппового конфликта в обществе, в связи с чем использование такой формулировки в приговоре было признано неправомерным[312].

С.Н. Фридинский предложил указать еще один мотив преступлений экстремистской направленности, а именно – рознь[313]. Как кажется, данный термин не только не внесет дополнительной смысловой составляющей, но даже наоборот, поспособствует размытию границ понятия «преступления экстремистской направленности» ввиду отсутствия четких разграничений с уже имеющимися понятиями ненависти и вражды.

2.4. Организация деятельности экстремистской организации и участие в деятельности такой организации (ст. 282[2] УК РФ)

Согласно устоявшейся в доктрине позиции, опасность экстремистских организаций главным образом заключается в том, что они являются «фабриками расширенного производства» отдельных субъектов, занимающихся экстремистской деятельностью[314]. Таким образом, предпосылки криминализации деятельности экстремистской организации были схожими с криминализацией организации экстремистского сообщества. В.И. Тюнин отмечает, что действия экстремистски настроенных лиц «носят подчас организованный характер,

---

[312] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20 июля 2006 г. № 5-о06-57 // Архив Верховного Суда РФ.

[313] Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 12.

[314] См.: Яхьяева М.У. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ // Евразийский научный журнал. 2016. № 9. С. 150-152.

направляются идейными лидерами, наживающими своеобразный политический капитал»[315].

Уголовно-правовой запрет возобновления деятельности экстремистских организаций вызван, прежде всего, тем, что многие экстремистские организации, увеличив конспиративность и мобильность своих структур, все же возобновляют свою деятельность, несмотря на решение об их ликвидации либо о запрете их деятельности.

Реализация задекларированного в ст. 30 Конституции РФ права на объединение ограничена рамками недопустимости злоупотребления данной свободой. В частности, ч. 5 ст. 13 Основного закона устанавливает четкий перечень оснований для запрета создания организаций, деятельность которых направлена на подрыв государственных устоев, разжигание различных видов розни или формирование незаконных вооруженных групп. Отраслевое законодательство в ст. 16 Федерального закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» конкретизирует данные ограничения, накладывая запрет на деятельность религиозных и общественных организаций, ориентированных на осуществление экстремистских практик[316].

А.В. Ханько выделяет три ключевых фактора, которые определяют наступление уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации:

– наличие законного судебного решения о запрете или ликвидации организации в связи с признанием ее деятельности экстремистской;

– решение суда должно обязательно вступить в законную силу;

– непосредственно противоправное поведение лица, которое, невзирая на существующий запрет, предпринимает активные действия по поддержанию

---

[315] Тюнин В. Организация экстремистского сообщества // Уголовное право. 2006. № 3. С. 51.
[316] Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // СПС «КонсультантПлюс».

жизнеспособности запрещенной структуры, включая разработку новых экстремистских мероприятий и расширение деятельности организации[317].

Таким образом, можно согласиться с А.Г. Хлебушкиным в том, что ст. 282^2 УК РФ по своей сути является средством обеспечения исполнения специфического судебного решения[318]. О конкуренции между статьями 282^2 и 315 УК РФ пишет Ю.Е. Пудовочкин[319].

В научной литературе сформировался дуалистический подход к пониманию правовой природы экстремистской организации в рамках ст. 282^2 УК РФ. Ряд исследователей интерпретирует данное формирование как специфическую разновидность организованного преступного объединения[320]. Однако многими исследователями отмечается, что термин «экстремистская организация» в данной статье используется законодателем некорректно[321].

Во-первых, повторное употребление слова «организация» в разных значениях – как процесса действия и как формы объединения – создает стилистический недочет в названии и диспозиции статьи. В связи с этим, Е.П.

---

[317] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.

[318] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 93.

[319] Уголовное право России. Части общая и особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. С. 916.

[320] Фокин М.С. Уголовная ответственность за организованную преступную деятельность: система или хаос? // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права. М.: ТК Велби: Проспект, 2007. С. 446; Белоцерковский С.Д. Цель как обязательный признак создания и деятельности преступных формирований и ее учет при квалификации преступлений // Категория «цель» в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии. М., 2007. С. 472.

[321] Иванцов С.В. Экстремизм и организованная преступная деятельность // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Саратов, 2008. С. 279-280; Сергун Е.П. Некоторые проблемные аспекты в области борьбы с экстремизмом // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Сателлит, 2008. С. 300; Мондохонов А.Н. Понятие экстремистской организации в Уголовном кодексе РФ // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2009. № 5 (13). С. 32; Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности экстремистских организаций // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2010. С. 439-440.

Сергун предложил назвать ст. 282[2] УК РФ «Организация общественного объединения экстремисткой направленности»[322].

Во-вторых, экстремистская организация, по доминирующему среди ученых мнению, сама по себе не является формой соучастия в преступлении [323]. Законодатель не относит экстремистскую организацию к категории организованных групп или преступных сообществ, что подтверждается ее отсутствием в списке организованных преступных формирований согласно ч. 5 ст. 35 УК РФ. Однако последние законодательные изменения существенно «размыли» границу между экстремистским сообществом и экстремистской организацией.

Закон № 114-ФЗ в ст. 1 содержит понятие экстремисткой организации. В изначальном варианте под экстремистской организацией понималось общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Однако с принятием Федерального закона № 215-ФЗ данное понятие существенно расширилось, и теперь экстремистской организацией также признается экстремистское сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного ст. 282[1] УК РФ, за руководство этим сообществом или участие в нем[324].

Данные законодательные изменения существенным образом меняют условия наступления ответственности по рассматриваемой статье. Так, если ранее для

---

[322] См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 12, 22.

[323] См., напр.: Халиков М.И. Ответственность за деятельность экстремистской организации: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2011. № 10. С. 17-18; Палий В.В. Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10. С. 81-88; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин и др.; отв. ред. А.И. Рарог. 14-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.

[324] Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 215-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 16 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статьи 1 и 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»» // СПС «КонсультантПлюс».

признания организации экстремистской требовалось вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности, то в новой конструкции такое условие больше не является обязательным. Таким образом, порядок признания организации экстремистской существенно упрощен. Сообщество получает статус экстремистской организации автоматически после вступления в силу приговора в отношении хотя бы одного из его создателей, руководителей либо участников по ст. 282[1] УК РФ.

Некоторые специалисты отмечают, что новые законодательные изменения обязывают физических и юридических лиц соблюдать «гигиену коммуникаций», поскольку одно лицо может «маркировать» само объединение и всех его участников[325].

Рассматриваемая статья уголовного законодательства является бланкетной, в связи с чем необходимо учитывать как основания, так и порядок ликвидации или запрета судом деятельности организации в связи с осуществлением ею экстремистской деятельности. Для этого нам необходимо обратиться к статьям 6 - 11 Закона № 114-ФЗ.

Нормативная конструкция ст. 7 Закона № 114-ФЗ базируется на превентивном подходе, позволяющем добровольно прекратить противоправную активность. Процедура начинается с вынесения предупреждения, где субъекту разъясняются допущенные им нарушения и устанавливаются временные рамки для их устранения. В случае, если данный акт не оспорен в судебном порядке и нарушения не устранены, наступают необратимые правовые последствия – прекращение деятельности организации в судебном порядке. Аналогичный механизм ликвидации или запрета актуализируется также в случае фиксирования у организации новых экстремистских признаков в течение 12 месяцев после применения предупредительной меры.

---

[325] Принят пакет поправок, направленных на борьбу с экстремистскими преступлениями // Адвокатская газета. 2025. 17 июня. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-paket-popravok-napravlennykh-na-borbu-s-ekstremistskimi-prestupleniyami/ (дата обращения: 07.09.2025).

Согласно частям 2 и 3 ст. 9 Закона № 114-ФЗ, при выявлении фактов экстремистской деятельности, повлекшей нарушение прав человека, нанесения вреда здоровью, экологии, собственности или создавшей угрозу общественному порядку либо общественной безопасности, уполномоченные органы могут инициировать судебное разбирательство. По итогам рассмотрения дела суд уполномочен вынести постановление о прекращении функционирования организации путем ее ликвидации, либо запретить деятельность религиозного или общественного объединения, даже если оно не зарегистрировано как юридическое лицо.

Перечень экстремистских организаций ведется Министерством юстиции РФ. Данный перечень опубликован на его официальном сайте, на дату 31 июля 2026 г. в этот список включено 148 наименований[326].

Рассмотрим непосредственный объект данного преступления. Для этого необходимо выяснить, какому общественному благу причиняется ущерб посредством совершения преступного деяния, предусмотренного ст. 282^2 УК РФ.

В качестве непосредственного объекта рассматриваемого преступления следует понимать общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства от противоправной деятельности экстремистских организаций. При этом в доктрине в качестве дополнительного объекта обоснованно выделяются права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц[327].

Дополнительным объектом здесь, опираясь на позицию некоторых авторов, можно считать интересы правосудия, поскольку в данном случае нарушается вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете

---

[326] См.: Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими: официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 31.07.2026).

[327] Власенко В.В. Организация деятельности экстремистской организации: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: учебное пособие. Ставрополь: Сервисшкола, 2019. С. 8.

деятельности[328]. В научной литературе также предлагается считать интересы правосудия основным объектом преступления путем перенесения нормы в соответствующую главу УК РФ[329].

В ст. 282^2 УК РФ содержится несколько составов преступления.

Объективная сторона ч. 1 выражается в действиях, направленных на организацию деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской.

В ч. 1.1 объективная сторона описана такими действиями как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской.

В ч. 2 предусмотрена уголовная ответственность за участие в деятельности такой организации.

Ответственность по ч. 3 наступает, если перечисленные действия совершены с использованием служебного положения.

Во всех частях статьи состав преступления является формальным.

Разъяснения из п. 20 Постановления № 11 позволяют понимать организацию деятельности экстремистской организации как совокупность осознанных и выстроенных в систему действий, которые направлены на возобновление или сохранение работы запрещенной структуры. Это могут быть самые разные организационные шаги: от распоряжения денежными средствами через банковские счета, если речь не идет о ликвидации, до вовлечения новых участников и проведения массовых публичных мероприятий, например шествий, собраний и тому подобных акций. Важно, чтобы все это было направлено именно на

---

[328] См., напр.: Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 31; Тамаев Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы: монография. М.: ЮНИТИ: Закон и право, 2009. С. 94; Кондратьев Ю.А. Проблемы совершенствования норм об организации запрещенной в Российской Федерации организации и участии в деятельности такой организации (ст. 205.5, 282.2 УК РФ) // Вестник Российской правовой академии. 2021. № 2. С. 36.

[329] См., напр.: Мондохонов А.Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия // Уголовное право, 2018. № 10. С. 88.

возобновление деятельности или сохранение самой организации, несмотря на действующий запрет.

В.В. Власенко предлагает, на наш взгляд, наиболее полную классификацию действий по организации деятельности экстремистской организации. По мнению ученого, организация включает в себя следующие действия: формирование дополнительных ячеек и филиалов запрещенной организации в различных регионах; реализация программ организации, проведение ее публичных собраний и коллективных мероприятий; работа по привлечению потенциальных участников в состав организации, популяризация ее деятельности, ведение, реализация денежных транзакций, совершение имущественных операций и заключение различных сделок с имуществом (за исключением случаев, связанных с ликвидацией организации). Также ученый относит к таким действиям осуществление стратегического планирования и координацию действий участников, включая делегирование полномочий между членами объединения, оперативное руководство текущими задачами, внедрение методов обеспечения безопасности и секретности ее деятельности. Еще, по мнению автора, в задачи организатора могут входить меры обеспечения профессионального развития персонала через систему тренингов и образовательных программ, координация закупок и снабжения для поддержания рабочих процессов организации, а также развитие взаимодействия различных структур через неофициальные каналы коммуникации[330].

Как и в случае с экстремистским сообществом, ранее такие действия как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации квалифицировались как часть действий организатора либо участника экстремистской организации. Полагаем, что данные действия здесь также были выделены законодателем в отдельный состав преступления в рамках усиления уголовно-правовых санкций за их совершение.

---

[330] Власенко В.В. Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ): особенности объективной стороны и вопросы отграничения от смежных преступлений // Уголовное право. 2018. № 6. С. 25-26.

Также, как и в практике применения ст. 282[1] УК РФ, вовлечение лица в экстремистскую организацию ее участником влечет для него привлечение к уголовной ответственности по совокупности преступлений, предусмотренных частями 1.1 и 2 ст. 282[2] УК РФ, поскольку ни одно из этих деяний не поглощает другое.

Как было установлено судом по одному из дел, группа граждан, являясь участниками местной религиозной организации «Свидетелей Иеговы в г. Николаевске-на-Амуре», осуществляла созывы, проведение и руководство религиозными собраниями, на которых осуществлялась пропаганда деятельности организации. Также они склоняли других лиц к посещению мероприятий религиозного характера последователей их вероучения. Их действия были квалифицированы по ч. 1.1 ст. 282[2], ч. 2 ст. 282[2] УК РФ[331].

По другому делу суд установил, что ФИО, являясь участником межрегионального общественного объединения «Союз Славянских Сил Руси», занималась проведением пропагандистских бесед о деятельности запрещенной организации, а также подысканием лиц из числа граждан Российской Федерации в целях склонения и вербовки в состав организации. Действия ФИО были квалифицированы по ч. 1.1 ст. 282[2], ч. 2 ст. 282[2] УК РФ[332].

Необходимо отметить, что в 2021 г. п. 15.1 Постановления № 11 был дополнен новыми абзацами в результате принятия постановления о внесении изменений[333]. Обновленные разъяснения высшей судебной инстанции содержали положения о том, что вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества или экстремистской организации, если оно совершено их организатором либо руководителем, не нуждаются в дополнительной квалификации по ч. 1.1, так как полностью охватываются ч. 1 ст. 282[1] или ч. 1 ст. 282[2] УК РФ.

---

[331] Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края по делу № 1-3/2024 от 30 июля 2024 г. // https://sudact.ru/regular/doc/ghGLBKIGJGYP/.

[332] Приговор Карачаевского городского суда по делу № 1-118 /2023 от 24 октября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[333] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.10.2021 № 32 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» // СПС «КонсультантПлюс».

Указанные изменения оказали существенное влияние на правоприменительную практику, поскольку в случаях, когда лица, являясь организаторами либо руководителями экстремистских структур (их ячеек), занимались вовлечением лиц в их деятельность, суды нередко квалифицировали такие действия по совокупности преступлений[334].

Существуют различные точки зрения относительно критериев квалификации действий лица как участие в экстремистской организации. Одни исследователи считают достаточным сам факт присоединения к организации или продолжения членства в ней[335]. В то же время, другая группа специалистов настаивает на том, что преступлением является только такое участие, которое непосредственно способствует достижению целей организации и вписывается в ее стратегические планы[336]. Мы же поддерживаем тех авторов, которые указывают на то, что участие в деятельности экстремисткой организации может выражаться в совершении конкретных действий в интересах организации, необязательно имеющих экстремистский характер, например, обеспечивающих деятельность и создающих условия для ее существования[337].

Так, по одному из дел правоохранительными органами группе лиц было вменено в вину по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ участие в мероприятиях по вопросам деятельности «Национал-большевистской партии». Данные лица распространяли и пропагандировали ее атрибутику, а также обеспечивали ее финансово-хозяйственную деятельность путем взимания и внесения денежных взносов. Все эти действия были квалифицированы правоохранительными органами как участие

---

[334] См., напр.: Приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-7/2018 от 30 мая 2018 г. // https://sudact.ru/regular/doc/QrhBC9wKhs1c/.

[335] См.: Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие: монография. М.: Проспект, 2007. С. 69.

[336] См.: Дьяков С.В Указ. соч. С. 78.

[337] См.: Власенко В.В. Указ. соч. С. 27; Хлебушкин А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. № 3. С. 15.

в деятельности экстремистской организации[338]. В дальнейшем в отношении них судом был вынесен обвинительный приговор по соответствующей статье[339].

В п. 20 Постановления № 11 указано, что в случае совершения организатором (руководителем) или участником экстремистской организации финансирования экстремистской деятельности, такие действия подлежат квалификации по совокупности преступлений с применением ст. 282^3 УК РФ. Полагаем, что в данном случае Верховный Суд РФ имел в виду осуществление лицом сбора финансовых ресурсов именно для той организации, организатором (руководителем) или участником которой оно является.

Анализ актуальных материалов судебной практики свидетельствует о том, что при организации участником экстремистской структуры финансовой помощи соответствующему экстремистскому образованию, правоприменители действительно квалифицируют такие действия по совокупности ч. 2 ст. 282^1 или ч. ст. 282^2 и ст. 282^3 УК РФ[340].

Однако судебная практика в данном вопросе не отличается единообразием. В ряде случаев суды квалифицируют подобные действия лица исключительно как участие в деятельности экстремистской структуры – без применения ст. 282^3 УК РФ[341]. По-видимому, в таких случаях правоприменитель исходит из того, что если лицо уже состоит в преступном формировании и совершает сбор финансовых средств для его нужд, оно выполняет стандартные функции участника по поддержанию ее функционирования, в силу чего такие действия не должны

---

[338] В Санкт-Петербурге завершено расследование уголовного дела в отношении местных жителей, обвиняемых в организации деятельности экстремистской организации: Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. 2011. 29 ноября. URL: https://sledcom.ru/news/item/562233 (дата обращения: 12.12.2024).

[339] Суд вынес приговор по «делу двенадцати» // Коммерсантъ. 2012. 28 декабря. URL: https://www.kommersant.ru/doc/2100702 (дата обращения: 12.12.2024).

[340] См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-4102/2025 от 8 декабря 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/2zFdbE4XaWxh/.

[341] См.: Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22К-7021/2018 от 16 декабря 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Октябрьского районного суда города Томска по делу № 1-417/2019 от 05 ноября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-369/2024 от 20 апреля 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/WHzpBjL8Ksxw/.

выходить за пределы объективной стороны участия в деятельности экстремистского сообщества либо экстремистской организации.

Мы поддерживаем подход, признающей необходимость вменения в подобных ситуациях именно совокупности преступлений. В данном случае лицо осуществляет самостоятельные противоправные деяния, ответственность за которую предусмотрена отдельными статьями Особенной части УК РФ, не соотносящимися между собой как общая и специальная нормы. Сбор финансовых ресурсов, на наш взгляд, не относится к ординарным функциям участника экстремистской структуры, описанной нами ранее. В данном случае наблюдается перерастание физического участия в материально-обеспечительное, что создает самостоятельный вектор общественной опасности действий лица и требует самостоятельной уголовно-правовой оценки по совокупности преступлений.

Кроме того, сопоставление санкций указанных составов преступлений свидетельствует о том, что за финансирование экстремистской деятельности предусмотрено более жесткое наказание, чем за участие в деятельности экстремистского сообщества либо экстремистской организации (максимальная санкция ч. 1 ст. 282^3 УК РФ предусматривает лишение свободы на срок от трех до восьми лет, тогда как ч. 2 ст. 282^1 и ч. 2 ст. 282^2 УК РФ ограничивают наказание в виде лишения свободы сроком до шести лет). Согласно установившимся правилам квалификации преступлений, норма с менее строгой санкцией не может поглощать самостоятельный состав преступления, обладающий большей степенью общественной опасности.

При разрешении вопроса о необходимости квалификации действий лица, создающего экстремистское сообщество либо руководящего им, а также организатора экстремистской организации, приискивающих финансирование для их деятельности, по совокупности со ст. 282^3 УК РФ, судебная практика также демонстрирует противоречивые подходы. Здесь встречаются случаи как

квалификации действий лица с дополнительным вменением лицу ст. 282^3 УК РФ[342], так и без такового[343].

Наиболее обоснованным нам видится подход, при котором приискание финансирования для экстремистской структуры со стороны указанных лиц должно полностью поглощаться ч. 1 ст. 282^1 и ч. 1 ст. 282^2 УК РФ.

Данный вывод подтверждается системным толкованием разъяснений высшей судебной инстанции, раскрывающих сущность данной преступной деятельности. Так, в соответствии с п. 14 Постановления № 11 действия по созданию экстремистского сообщества включают в себя создание условий для совершения преступлений экстремистской направленности, и сбор средств для достижения этих целей вполне подходит под данную деятельность. Стоит также отметить, что п. 15 того же Постановления к прямым функциям руководителя экстремистского сообщества отнесена организация его материально-технического обеспечения, к которой надлежит отнести приискание финансовой поддержки экстремистского сообщества.

Приискание финансирования, которое осуществляет организатор экстремистской организации, является обычным организационно-распорядительным действием. Его цель заключается в том, чтобы обеспечить запрещенному формированию возможность продолжить либо возобновить незаконную деятельность. Без материальной поддержки такая деятельность просто не может осуществляться. Поэтому сам по себе поиск финансирования со стороны организатора нельзя рассматривать как отдельное преступление. Это лишь один из способов, с помощью которых он реализует свои организаторские функции. Если

---

[342] Приговор Кетовского районного суда Курганской области по делу № 1-45/2025 от 22 июня 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/RfZiFh2bsUWq/; Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-1798/2024 от 6 марта 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/f8uFMrEQvsrT/; Приговор Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры по делу № 1-7/2025 от 16 октября 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/cmobLWSNIVQj/.

[343] Приговор Ворошиловский районный суд г. Ростова-на-Дону по делу № 1-26/2017 от 6 апреля 2017 г. // https://sudact.ru/regular/doc/b7OAgUQrNRgt/; Апелляционное определение Самарского областного суда по делу № 22-110/2026 от 20 января 2026 г. // https://sudact.ru/regular/doc/20eMr5u15F1O/.

же дополнительно вменять лицу ст. 282^3 УК РФ, это нарушит один из основных принципов уголовного закона, согласно которому лицо не подлежит ответственности дважды за одно и то же преступление.

К тому же, за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282^1 и ч. 1 ст. 282^2 УК РФ наказание в виде лишения свободы составляет от шести до десяти лет, что дополнительно указывает на способность данных норм включать в себя преступную деятельность, связанную со сбором финансирования для экстремистских структур.

С.В. Криштопов отмечает формальный характер дифференциации составов преступлений, предусмотренных статьями 282^1 и 282^2 УК РФ, которая, как он считает, носит «чисто технический характер». По его мнению, единственным критерием разграничения здесь выступает наличие судебного решения о запрете деятельности соответствующего объединения[344]. Мы вынуждены не согласиться с данной точкой зрения. Указанные организации, безусловно, имеют сходства, и основное из них – нацеленность на осуществление экстремистской деятельности. Однако полное отождествление экстремистского сообщества и экстремистской организацией является ошибочным, поскольку оно игнорирует ключевые признаки составов, прямо закрепленные в диспозициях статей. Отличительной особенностью экстремистского сообщества является то, что оно всегда создается именно в целях подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности. Экстремистские организации, как правило, осуществляют иную противозаконную деятельность, которая не подпадает под признаки преступлений экстремистской направленности. Как справедливо отмечают некоторые ученые, если организация после признания ее экстремистской начинает готовить и совершать преступления экстремистской направленности, она может трансформироваться в экстремистское сообщество[345].

---

[344] См.: Криштопов С.В. Указ. соч. С. 19.

[345] Борисов С.В., Дмитренко А.П., Осипов В.А., Русскевич Е.А. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика. М. : Юриспруденция, 2012. С. 74

При этом экстремистская организация, в отличие от экстремистского сообщества, может вовсе не обладать признаками, присущими организованной группе, поскольку уголовным законодательством для нее не предусмотрено каких-либо структурных требований[346]. Если экстремистское сообщество изначально образуется как преступное формирование со сложной структурой соучастия, то экстремистская организация приобретет статус запрещенной структуры на основании вступившего в законную силу решения суда. Следовательно, объективная сторона ст. 282^2 УК РФ не предполагает обязательного наличия признаков организованной группы и охватывает любые действия по реализации целей запрещенного объединения, включая разовые и разобщенные проявления. Таким образом, недопустимо смешивать данные понятия, поскольку эти организации могут существенно отличаться друг от друга как по структуре, так и по осуществляемой ими деятельности.

Ранее в правоприменительной практике встречались случаи одновременного вменения лицам создания экстремистского сообщества и организации деятельности экстремистской организации. Так, в городе Н. функционировало региональное подразделение движения «Русское национальное единство» («ТРО РНЕ»), в отношении которого в дальнейшем было принято решение о признании экстремистской организацией и запрете деятельности. Несмотря на это, ФИО1, ФИО2 и ФИО3 сформировали экстремистскую организацию под названием «Казанское отделение РНЕ» («КО РНЕ»), в рамках которой распространяли материалы, содержащие идеи национального и расового превосходства, а также совершили ряд преступлений экстремистской направленности. Данные обстоятельства были учтены судом, который квалифицировал их действия по ст. 282^1 и ст. 282^2 УК РФ[347]. Такая квалификация нашла поддержку в доктрине[348].

---

[346] См.: Сичкаренко А.Ю. Понятие экстремистского сообщества по уголовному законодательству России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2014. № 4 (55). С. 14-17.
[347] См.: Архив Советского районного суда г. Казани за 2008 г. Дело № 1-72/2008.
[348] См.: Хлебушкин А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации // Законность. 2012. № 3. С. 15.

Экстремистская организация по своей юридической природе не является формой соучастия в преступлении. По своей структуре она может не обладать признаками организованной группы либо преступного сообщества. Тем не менее, необходимо учесть, что высшая судебная инстанция в п. 20 Постановления № 11 говорит о том, что в случае совершения лицом преступления в составе экстремисткой организации его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных частями 1, 2, или 3 ст. 282^2 УК РФ и соответствующей статьи Особенной части уголовного законодательства.

Если мы рассматриваем совершение преступлений экстремистской направленности членами «КО РНЕ» как лишь один из пунктов деятельности организации, утверждение об их преобразовании в экстремистское сообщество лишь на основании обнаружения совершения ими таких преступлений кажется сомнительным. Имеются основания сделать вывод о том, что трансформации в экстремистское сообщество могло и не быть, а указанные лица лишь расширили сферу деятельности экстремистской организации.

Процесс расширения перечня запрещенных в Российской Федерации организаций ознаменовался вынесением Верховным Судом РФ решений от 17 августа и 2 октября 2020 г., согласно которым деятельность международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (широко известного под аббревиатурой АУЕ) была признана экстремистской. В ходе судебного разбирательства была доказана высокая степень институционализации данной структуры: она квалифицирована как жестко иерархизированное и управляемое молодежное сообщество деструктивной направленности. Юридическим основанием для запрета послужила фиксация систематических экстремистских правонарушений и массовых беспорядков, осуществляемых участниками движения в целях продвижения криминальной субкультуры[349].

---

[349] Верховный Суд признал экстремистской организацией уголовную субкультуру АУЕ // Российская газета. 2020. 2 сентября. URL: https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html?ysclid=mfplygl03b355516626 (дата обращения: 26.01.2024).

Как указывают суды, основой движения АУЕ является «криминальная идеология, разрушающая моральные устои общества, нравственные ценности человека и формирующая базу для пополнения рядов криминального сообщества, а также экстремистская идеология, заключающаяся в возбуждении ненависти и вражды по отношению к представителям институтов власти, в первую очередь к сотрудникам правоохранительных органов, как социальной группе»[350].

Приведем типичные примеры реализации уголовно-правового запрета по организации международного общественного движения АУЕ.

Так, приговором Майкопского городского суда республики Адыгея ФИО был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282^2 УК РФ. Как установил суд, ФИО, будучи заключенным колонии, занимался деятельностью по провозглашению среди своих сокамерников верховенства «воровских» законов над законодательством РФ. Он организовывал сбор денежных средств в «общак» на нужды последователей криминального образа жизни, а в отношении несогласных с ним применял физическую силу[351].

По приговору того же суда ФИО был признан виновным в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 282^2 УК РФ. Как установил суд, ФИО популяризировал в своем окружении криминальный образ жизни и устои АУЕ, высказывал свою приверженность данному движению, размещал в социальных сетях его лозунги и символику. Помимо этого, он отрицал общепринятые моральные принципы и главенствующую роль права, а также пропагандировал вражду по отношению к представителям органов власти[352].

Многими правоведами уже давно отмечалась опасность АУЕ, которое они называли молодежной субкультурой [353] , и некоторые из них положительно

---

[350] См.: Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-1798/2024, от 6 марта 2025 г. // https://sudact.ru/regular/doc/f8uFMrEQvsrT/.

[351] Приговор Майкопского городского суда республики Адыгея № 1-242/2022 от 22 марта 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[352] Приговор Майкопского городского суда республики Адыгея № 1-596/2021 от 24 сентября 2021 г. // https://sudact.ru/regular/doc/.

[353] См., напр.: Румянцев Н.В, Фумм А.М. АУЕ: миф или реальность? // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2018. № 1. С. 397-401; Меняйло Д.В., Иванова Ю.А.,

восприняли произошедшие изменения. Так, в научной литературе отмечалась необходимость «вести речь о стратегии противодействия целенаправленному «заражению» вирусом криминальной идеологии определенных слоев населения»[354]. Тем не менее, сомнительно выглядят их аргументы в духе того, что нынешнее поколение существует в условиях «идеологического вакуума, которого не было в советские времена»[355]. Это лишь поддерживает миф о том, что в СССР не было преступности (так называемое «силовое предпринимательство», например, существенно затрудняющее современные рыночные отношения, пришло к нам именно из этого периода).

Наш опрос 80 респондентов, состоящих из преподавателей ведущих правовых вузов России, сотрудников правоохранительных органов, а также действующих адвокатов дает основания считать, что правоведы и практикующие юристы в основном поддерживают позицию высшей судебной инстанции.

Перед учеными, сотрудниками правоохранительных органов и практикующими адвокатами нами было поставлено несколько вопросов:

1) Есть ли, по вашему мнению, связь АУЕ с организованной преступностью?

2) Как вы считаете, является ли движение АУЕ лишь «мыльным пузырем», раздутым средствами массовой информации, или же оно действительно существует и имеет все признаки экстремистской организации?

3) Как бы вы охарактеризовали организационную структуру АУЕ?

4) Разве российской правовой системе не хватало правовых ресурсов для борьбы с указанной деятельностью (криминализация вовлечения малолетних в совершение преступлений, вымогательства и др.)?

5) Как Вы оцениваете эффективность существующих профилактических мер (лекции в школах, мониторинг соцсетей)?

Меняйло Л.Н. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 107-111.

[354] Клемейнов М.П., Козловская М.Г., Савельев А.И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2020. Т. 17, № 4. С. 76.

[355] Там же. С. 77.

6) Какие, по вашему мнению, методы вербовки (привлечения) наиболее часто используют сторонники АУЕ?[356]

Позиция опрошенных респондентов была почти однозначной. В большинстве они придерживались того мнения, что движение АУЕ полностью соответствует признакам экстремистской организации.

Отвечая на второй вопрос о том, является ли движение АУЕ лишь «мыльным пузырем», некоторыми респондентами было отмечено, что масштабы данного движения настолько велики, что отдельные области представляют собой картину, при которой все средние учебные заведения покрыты тотальным контролем воровской идеологии, в связи с чем его криминализация была прямой необходимостью. Также респонденты сетовали на высокую латентность данной деятельности и запоздалость реакции на нее со стороны правоохранительных органов и Верховного Суда РФ.

Отдельно можно выделить такую позицию из числа опрошенных: «Признание движения АУЕ экстремистской организацией является фикцией, в действительности же привлечь за экстремизм некого. Для борьбы с данным движением необходимо комплексное уголовно-криминологическое, а также педагогически-профилактическое воздействие».

Отдельный интерес представляет позиция С.М. Кочои и К.З. Трапаидзе, которые, поддерживая позицию о необходимости противодействия формированию идеалов преступного мира и пропаганде криминальной идеологии в целом, тем не менее, полагают, что АУЕ не является реально существующей организацией, а представляет собой лишь «информационный пузырь»[357]. Данное предположение видится нам вполне обоснованным.

Анализ 20 уголовных дел, связанных с АУЕ, позволил нам сделать вывод о том, что во многих случаях судами не устанавливается с должной степенью

---

[356] Результаты проведенного опроса в Приложении № 1.

[357] См.: Кочои С.М., Трапаидзе К.З. Нужно ли признавать отягчающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 93-101.

достоверности цель лица по организации деятельности международного общественного движения АУЕ либо участию в нем.

Согласно приговору Майкопского городского суда Республики Адыгея, ФИО был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282^2 УК РФ. Суд установил, что ФИО, в ходе своего задержания сотрудниками полиции за совершение административного правонарушения, проявляя свою приверженность к международному общественному движению «Арестантское уголовное единство», совершил умышленные действия, выразившиеся в высказываниях в поддержку данного движения и демонстрации своей приверженности к нему, а именно выкрикивал фразы: «АУЕ. Жизнь ворам», используемые участниками данного движения[358].

Как усматривается из судебного акта, подтверждения участия ФИО в движении АУЕ, по сути, сводились к факту выкрикивания им определенных лозунгов. Однако, как следует из разъяснений высшей судебной инстанции, для установления факта участия лица в экстремистской организации необходимы признаки тесной связи лица с такой организацией. Как нам видится, сам факт выкрикивания лозунга для этого недостаточен.

Некоторые авторы отмечают, что в настоящий момент крайне сложно выработать подход по привлечению участников движения АУЕ к уголовной ответственности[359].

В.С. Кряжев, анализируя архивные данные Ангарского городского суда, указывает на прецедент, в котором содержание неформального лидерства в колонии было отождествлено с организационной деятельностью экстремистского движения. Судебный орган установил, что реализация лицом полномочий «смотрящего», в частности, распоряжение общими материальными активами, созыв совещаний осужденных и выстраивание системы субординации в

---

[358] Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея № 1-102/2022 от 01 февраля 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[359] См., напр.: Румянцев Н.В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ: уголовный и административно-правовой аспекты // Современная наука. 2022. №2. С. 52-55.

совокупности образует объективную сторону состава преступления, связанного с функционированием АУЕ. Таким образом, традиционные формы тюремной субкультуры получили в данном деле четкую уголовно-правовую оценку как проявления экстремистской активности[360].

Как подчеркивается в исследовании, правовая оценка действий подсудимого свелась к формальному признанию его статуса в исправительном учреждении достаточным основанием для вменения экстремистского состава. Тем не менее, суд оставил без внимания необходимость разграничения криминальной идентичности лица и целенаправленного участия в деятельности запрещенного экстремистского объединения. Представляется, что приравнивание принадлежности к преступной среде («криминальному миру») к членству в экстремистской организации без установления специфических идеологических и организационных связей является юридически уязвимым подходом, нарушающим принцип индивидуализации ответственности. Исследователь также обоснованно сетует на широту применения данной статьи, отмечая, что у правоприменителя в настоящий момент имеется возможность обвинить практически любого представителя криминальной идеологии в экстремистской деятельности, а именно причастности его к запрещенному в Российской Федерации общественному движению «Арестантское уголовное единство»[361].

Как отмечается в доктрине, обнаружение на теле лица либо при нем символики АУЕ само по себе еще не может означать его причастность к данному движению (так, восьмиконечная звезда может иметь отношение не только к арестантам, но и к морякам, путешественникам и др.), и поэтому необходимо установить отношение самого лица к данному движению[362]. Для этого стоит обратиться к оценке поведения лица, которое бы свидетельствовало о его причастности к движению АУЕ.

---

[360] Архив Ангарского городского суда Иркутской области за 2022 г. Дело № 1-608/2022.

[361] См.: Кряжев В.С. Экстремизм реальный и экстремизм формальный: некоторые проблемы правоприменительной практики // Адвокатская практика. 2024, № 1. С. 19-23.

[362] См.: Звонов А.В., Журавлева Ю.В. Вопросы толкования и квалификации символики и атрибутики международного общественного движения «АУЕ» // Вестник Российской правовой академии. 2025. № 3. С. 142-150.

По другому делу суд, квалифицируя действия ФИО по ч. 2 ст. 282^2 УК РФ, отнес к признаку приверженности лица к движению АУЕ тот факт, что он неоднократно снимал верхнюю одежду, перемещался по территории ФКУ ИК-4 с обнаженным торсом, осуществляя публичное демонстрирование нанесенных на его тело татуировок «Воровские звезды», не менее 5 раз отказывался называть свои установочные данные, выходить из камеры на беседы с сотрудниками администрации исправительного учреждения, отказывался вставать, строиться, принимать положение рук «сзади»[363].

Подтверждением участия лиц в движении АУЕ для судов также являются обнаруженные у них во время обысков «воровские уклады» и наличие у них криминальных прозвищ[364].

Далее, некий скептицизм вызывает недоступность материалов, на основании которых было принято решение о признании АУЕ экстремистской организацией. В частности, это информация о структуре и механизмах управления организацией, ее лидерах и координаторах, а также источниках ее финансирования.

Учитывая события, происходившие в стране и освещенные в средствах массовой информации[365], опасения общественности и ученых-правоведов вполне понятны, однако в целом подход, реализованный Верховным Судом РФ, с учетом изложенного выше, не видится полностью целесообразным и обоснованным.

Нам видится более правильной позиция А.Е. Борисова, предлагавшего введение в уголовное законодательство нового состава преступления – пропаганды

---

[363] Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края по делу № 1-395/2023 от 4 декабря 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[364] См.: Приговор Ногинского городского суда Московской области по делу № 1-356/2022 от 07 октября 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс»;
Приговор Новомосковского районного суда Тульской области по делу № 1-15/2023 от 26 апреля 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс»;
Приговор Ногинского городского суда Московской области по делу № 1-701/2023 от 1 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[365] Беспорядки в Белореченской воспитательной колонии в 2010 г., нападение в 2016 г. на полицейский автомобиль в городе Хилок, инциденты в 2017 г. в Челябинске в связи с несостоявшимся праздником красок и др.

преступной идеологии[366]. К сожалению, автор не определяет самого понятия «преступная идеология», в связи с чем считаем необходимым привести его здесь. При этом мы можем опираться на понятия «идеология насилия» и «экстремистская идеология», которые приведены в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, где под идеологией подразумевается совокупность взглядов и идей, побуждающих (пропагандирующих/оправдывающих) лицо к определенным действиям.

Таким образом, под преступной идеологией мы можем понимать *совокупность взглядов и идей, определяющих совершение преступлений как неотъемлемую и естественную составляющую образа жизни*. Под пропагандой преступной идеологии при этом следует понимать действия по распространению информации, направленные на возникновение у ее адресатов соответствующих взглядов и идей.

При попытках злоумышленников возобновить работу запрещенной организации, но уже под новым наименованием, возникают вопросы относительно применения ст. 282^2 УК РФ. Так, например, формально структура и задачи «новой» организации могут отличаться, но по своей сути оставаться идентичными прежней организации. По мнению С.Н. Фридинского, требуются официальные разъяснения этой ситуации со стороны Пленума Верховного Суда РФ, чтобы определить возможность применения ст. 282^2 к подобным случаям[367].

Наиболее корректной представляется позиция В.В. Малиновского, который считает достаточным наличие явной преемственности между новой и запрещенной организациями для соответствующей правовой оценки. Ученый выступает за законодательное закрепление этого положения путем внесения дополнений в уголовное законодательство[368].

---

[366] См.: Борисов Е.А. Распространение криминальной субкультуры АУЕ среди молодежи: ключевые факторы, угрозы, меры противодействия // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 1 (85). С. 16-21.

[367] Фридинский С.Н. Указ. соч. С. 92-93.

[368] Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России: виды и характеристика: монография / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 139.

Если лицо осуществляет распространение текстов экстремистской организации (лозунгов, программ, агитаций и др.), но при этом в его действиях нет признаков преступлений, предусмотренных статьями 280, 280^1 и 282 УК РФ, возникает вопрос о том, подлежит ли лицо дополнительно ответственности в рамках ст. 20.29 КоАП РФ, под действие которой такие деяния формально подпадают. По мнению А.Г. Хлебушкина, с которым мы солидарны, данные действия являются объективной составляющей преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 282^2 УК РФ[369]. Привлекать лицо к административной ответственности в данном случае излишне, указанные действия полностью поглощаются объективной стороной состава преступления, предусмотренного уголовным законом в качестве формы участия в преступном формировании.

На практике некоторые сложности могут быть связаны с тем, как сформулирована ч. 2 ст. 24 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». В ней говорится, что организацию можно признать террористической, если в ее интересах совершаются деяния, предусмотренные, в частности, статьями 277–280 и 282^1–282^3 УК РФ, находящимися в гл. 29 УК РФ. Такая формулировка обоснованно вызывает критику и в рамках нашего исследования, и в научной среде в целом[370]. Основное возражение состоит в том, что здесь фактически смешиваются деяния террористического характера и экстремистской направленности. Безусловно, терроризм и экстремизм как явления тесно связаны, но правовая природа у них разная, поэтому ставить между ними знак равенства нельзя, даже если пытаться объединить их в одной главе Уголовного кодекса, как это ранее неоднократно предлагалось[371].

---

[369] Хлебушкин А.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Уголовное право. 2011. № 6. С. 59.

[370] См., напр.: Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: - М. Проспект, 2020. С. 87-88; Можегова А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. С. 143

[371] См., напр.: Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica. 2017. № 4. С. 160-161.

Как подчеркивалось в оценке качества работы правоприменителей еще на ранних этапах действия ст. 282[2] УК РФ, «одно и то же формирование могло одновременно признаваться террористической организацией (ст. 205[1] УК РФ), экстремистской организацией (ст. 282[2] УК РФ) и преступным сообществом (ст. 210 УК РФ), вследствие чего ее члены могли трижды **(!)** нести ответственность фактически за одно деяние» [372] . Примечательно, что ключевым криминообразующим признаком при вменении всех трех составов мог являться особый характер преступного формирования.

Для правоприменительной практики в этом плане положительными изменениями можно назвать введение в уголовное законодательство Федеральным законом № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статей 205[4] УК РФ («Организация террористического сообщества и участие в нем») и 205[5] УК РФ («Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности террористической организации»). Как справедливо отметила А.А. Можегова, такие законодательные нововведения поспособствовали исключению применения уголовного закона по аналогии, а также обеспечили принцип системности уголовного законодательства[373].

Также стоит отметить, что в научной литературе звучат предложения по введению ст. 315[1] УК РФ («Неисполнение судебного решения о ликвидации (запрете деятельности) организации»). При этом исключалась бы ст. 282[2] УК РФ[374]. Полагаем, что в связи с тем, что порядок ликвидации и запрета деятельности террористической организации является аналогичным, введение в уголовное законодательство ст. 315[1] УК РФ также предполагало бы исключение ст. 205[5] УК РФ. Однако мы считаем, что в настоящее время правоприменитель не испытывает тех сложностей, которые могло бы решить введение данной статьи. Поэтому

---

[372] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 103.
[373] Можегова А.А. Указ. соч. С. 146.
[374] Хлебушкин А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ: монография. Саратов: СЮИ МВД России, 2007. С. 108.

законодательные изменения в этой части в настоящий момент выглядят излишними.

Субъектом данного преступления может выступать вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Для квалификации действий лица по ч. 3 необходимы дополнительные признаки специального субъекта – им может быть только должностное лицо либо государственный или муниципальный служащий.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления предполагает исключительно прямой умысел, при котором виновное лицо осознает экстремистскую направленность своей деятельности и наличие вступившего в законную силу судебного решения, и при этом желает продолжать ее деятельность вопреки установленному судом запрету.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 282^2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное рассматриваемой статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистской организации, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

Как и в случае с аналогичным примечанием, содержащимся в ст. 282^1 УК РФ, нам представляется целесообразным ограничить применение заложенных в нем преференций в отношении организаторов экстремистской организации, поскольку деструктивный потенциал их действий существенно выше по сравнению с действиями рядового участника.

Таким образом, нами предлагается изложить примечание к ст. 282^2 УК РФ в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской, освобождается от уголовной ответственности за его совершение. Положения данного примечания не применяются к лицам, в действиях которых содержатся признаки преступления, указанные в части первой настоящей статьи».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования вопросов обоснованности криминализации и перспектив оптимизации уголовного законодательства в области преступлений экстремистской направленности, можно сформулировать следующие основные выводы.

Научные работы, посвященные обоснованию криминализации деяний экстремистской направленности, имеют большое значение для создания эффективной системы законодательства. Они помогают законодателю при обновлении уголовного закона, а именно дают аргументированные выводы о том, нужно ли признавать те или иные опасные проявления преступными или, наоборот, выводить из уголовного закона те деяния, которые полностью или частично уже не представляют прежней опасности.

В теории уголовного права криминализация экстремистских деяний обычно рассматривается через общие основания, такие как достаточный уровень общественной опасности, распространенность, соответствие запрета нравственным представлениям общества и др.

Но признание опасного поведения преступлением определяется не только общими правилами. Есть и специальные факторы. Среди них выделяются публичный характер преступлений экстремистской направленности, который обеспечивает массовое разрушительное воздействие на аудиторию, преобладание групповых и хорошо организованных форм противоправной активности, связь посягательств с насилием и его идеологическим оправданием, а также систематическое вовлечение несовершеннолетних в экстремистскую среду.

Кроме того, анализ судебной практики показывает, что такие деяния, как публичные призывы к экстремистской деятельности, нередко подталкивают к совершению тяжких и особо тяжких преступлений: «сжечь», «убивать», «стрелять», «резать», «бить», «сделать джихад», «свергнуть текущую власть» и т. д. Это наглядно подтверждает их высокую вредоносность и объясняет, почему такие действия нужно выделять в самостоятельный состав преступления.

Развитие цифровой среды приводит к тому, что возникают отдельные экстремистские ячейки, существующие исключительно в интернете. Преступная активность быстро приспосабливается к сетевым условиям и обретает новые коллективные формы. Например, такие структуры могут действовать через администрирование пабликов, где размещается запрещенный контент. Сам факт того, что участники общаются на расстоянии, вовсе не отменяет привычных признаков преступных формирований: устойчивой структуры, тесных внутренних связей, постоянных способов деятельности и длительного срока существования. Все это нужно устанавливать отдельно в каждом конкретном случае. Ключевым фактором здесь выступает наличие общей площадки для общения, будь то паблики, чаты или личные переписки. Именно это обычно и указывает на устойчивость и цельность таких объединений.

Система уголовно-правовых запретов, направленных против экстремизма, полностью выражает идею «двойной превенции». Смысл этого подхода в том, что преступными признаются не только действия, которые уже причинили прямой вред, но и те, что могут запустить более тяжелые негативные последствия. Поэтому своевременное пресечение самых опасных форм экстремистской активности становится важным способом предупреждения крупных преступлений, блокируя условия для их подготовки и реализации.

Отказ от специальных норм, которые регулируют создание экстремистских объединений и участие в их деятельности, появится правовой пробел. Тогда многие случаи формирования экстремистских ячеек, вербовки новых участников, планирования и подготовки акций выпадут из действенного уголовно-правового контроля до момента совершения конкретных уголовно-наказуемых действий, которые можно было предотвратить на более ранних этапах. В результате значительная часть организационной и обеспечивающей работы, без которой экстремистские структуры не могут существовать, окажется фактически вне сферы уголовно-правового регулирования. Это серьезно ослабит профилактику экстремизма средствами уголовного закона.

Чтобы сделать профильное законодательство более точным, нужно пересмотреть и само определение экстремизма, закрепленное в базовом Федеральном законе № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Из этого перечня следует исключить деяния, которые имеют собственную правовую природу и относятся к другим видам правонарушений. Прежде всего это касается террористических проявлений, потому что их искусственное сближение с экстремизмом создает лишнее столкновение норм и внутренние противоречия в российском уголовном праве.

Это также имеет существенное значение для правоприменительной практики. Так, например, если лицо одновременно осуществляет публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности, его действия, вопреки некоторым доктринальным предложениям, должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 280 и 205^2 УК РФ, ни одно из которых не может поглощать другое.

За основу определения перечня преступлений экстремисткой направленности могут быть взяты предложенные нами критерии формирования системы преступлений экстремистской направленности, которые основаны на базе ныне действующей редакции Закона № 114-ФЗ (с определенными изъятиями), актуальной Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, а также более ранних теоретических разработок. При этом, существенное значение имеет то обстоятельство, что наличие у лица экстремистского мотива при совершении преступления должно является лишь одним из критериев отнесения преступных деяний к категории преступлений экстремистской направленности, в связи с чем, такие преступления, как предусмотренные статьями 280 и 282 УК РФ, являясь внешней формой проявления экстремизма, должны быть безусловно отнесены к таковым, независимо от мотивов, которыми руководствовалось лицо при их совершении.

В настоящем исследовании были установлены определенные позитивные тенденции уголовного законодательства некоторых зарубежных государств (ФРГ, Франции, Республики Беларусь, Азербайджанской Республики, Канады и Индии)

в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, релевантные для заимствования отечественным уголовным законодательством, и предложены варианты их имплементации.

Сформулирована авторская концепция оценки публичности при уголовно-правовой оценке действий лица, совершающего массовую рассылку сообщений экстремистского характера. В данном случае необходимо учитывать, что такие действия обладают признаком публичности независимо от персональной адресации каждого отдельного сообщения. Определяющим критерием публичности здесь выступает не фактор одновременности восприятия информации неограниченным кругом лиц, а ее потенциальная доступность неопределенному числу воспринимающих субъектов с высокой вероятностью ее последующего неподконтрольного распространения.

По результатам анализа удалось показать, что публичные призывы к экстремистской деятельности совершаются тождественным способом и в тех случаях, когда лицо задействует разные интернет-площадки и разные форматы контента (аудио, видео и др.). Доказано, что если такие действия объединены единым умыслом, общей целью, происходят в короткий срок и направлены против одного и того же объекта посягательства, то их не следует считать несколькими самостоятельными преступлениями. В такой ситуации речь должна идти об одном продолжаемом преступлении. Такой подход необходим, чтобы не допускать ошибок в судебной оценке противоправного поведения в цифровой среде и сделать применение закона более единым.

Предлагаемые поправки в ст. 280 УК РФ объясняются тем, что, по мнению автора, нужно точно обозначить, какие именно деяния охватывают нормы данной статьи. Сейчас статья не раскрывает, к какому виду деятельности должен призывать виновный, не проводит границу между призывами к преступлениям и призывами к иным правонарушениям, а также не содержит признаков, по которым можно определить способ совершения преступления. В результате законодательный запрет выглядит слишком размытым.

Уголовно-правовые меры, направленные против экстремистских преступлений, если речь идет о деяниях по ст. 280 УК РФ, должны учитывать особенности тех общественных отношений, которым наносится вред. Поэтому важно обращать особое внимание на обстоятельства, из-за которых такие действия становятся более опасными для общества. Это можно отразить, в частности, через дополнительные квалифицирующие признаки, показывающие более высокий уровень их общественной опасности.

Так, к таким квалифицирующим признакам может быть отнесено совершение указанных преступных деяний в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. Как нами было отмечено ранее в исследовании, необходимость введения такого квалифицирующего признака видится в том, что совершение публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в местах отправления культа демонстрирует крайнее пренебрежение лица к общепринятым ценностям, в частности, религиозным чувствам. К тому же, призывы к совершению противоправных действий в кругу прихожан под видом, что эти действия являются праведными и богоугодными, существенно повышает риски успешной радикализации общества ввиду менее критичного восприятия ими деструктивных взглядов и идей, что также предопределяет необходимость ужесточения ответственности.

Вектор нашего исследования указывает на избыточность выделения использования сетевых технологий в качестве самостоятельного квалифицирующего признака в ст. 280 УК РФ. В данном контексте показательна параллель со ст. 282 УК РФ. Последняя также базируется на критерии публичности, однако законодатель здесь справедливо не стал выводить использование лицом интернет-пространства в ранг специального квалифицирующего признака.

Анализ уголовных дел показал, что во многих случаях совершение публичных призывов к совершению экстремистской деятельности через интерент-ресурсы не представляет большей общественной опасности, чем действия,

подпадающие под общий состав статьи (обращения в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях и др.).

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что дифференциация уголовной ответственности по признаку способа совершения преступления допустима лишь тогда, когда этот способ объективно повышает деструктивный потенциал преступления. В противном случае искусственное выделение новых квалифицированных составов может вступать в противоречие с принципами системности и экономии уголовной репрессии.

С учетом изменений, внесенных Федеральным законом № 173-ФЗ от 24 июня 2025 г., ч. 1 ст. 282 УК РФ стала регулировать проявления экстремистской активности, сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, даже если до этого лицо не было привлечено к административной либо уголовной ответственности. В связи с этим, мы полагаем, что следующим этапом развитие данной статьи должно стать исключение из ч. 1 ст. 282 УК РФ фактов более раннего привлечения лица к административным либо уголовным санкциям как оснований для вменения лицу совершения указанного преступления. С последними законодательными изменениями ранее введенная конструкция административной преюдиции и наличия у лица судимости как оснований для привлечения лица к уголовной ответственности теряет свою актуальность для случаев, не сопряженных с насилием, поскольку критерий повторности совершения правонарушения, в отсутствие качественных изменений степени ущерба для общественных отношений, предопределяющихся отсутствием в действиях лица сопряженности с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозой его применения, не может рассматриваться как единственно достаточный для установления уголовной ответственности за их совершение.

Исключение данного правового основания из нормативной конструкции ст. 282 УК РФ позволит привести статью в строгое соответствие с критериями криминализации деяний. Рационализация границ уголовно-правового запрета обеспечит концентрацию ресурсов правоохранительной системы на пресечении деструктивных проявлений, обладающих реальной степенью общественной

опасности, и предотвратит необоснованное расширение сферы уголовно-правового принуждения.

К тому же, статистика привлечения лиц к ответственности по ч. 1 ст. 282 УК РФ подтверждает, что ст. 20.3.1. КоАП РФ вполне способна предупреждать повторное совершение противоправных деяний, что соответствует критерию криминализации деяний, согласно которому криминализация не должна производиться, если борьба с данным вредным для общества деянием возможна и эффективна при помощи иных, более мягких мер.

Наличие в ст. 282 УК РФ категории граждан, обладающих признаком «принадлежности к какой-либо социальной группе», отнесено нами к позитивным тенденциям отечественного уголовного законодательства, выгодно отличающим его от законодательств иных государств, в которых приведен ограниченный перечень признаков потерпевших. Однако стоит оговориться, что распространение уголовно-правовой защиты на группы, чья деятельность противоречит общественным нормам и законодательным запретам (особенно это касается уголовно-правовых запретов), создает опасный прецедент безграничного применения уголовного законодательства. В связи с этим, к социальным группам по смыслу ст. 282 УК РФ необходимо понимать категории граждан, обладающих социально значимыми признаками.

Совершение преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний наиболее болезненно воспринимается представителями религии, против которых они направлены. Также совершение указанных действий в таких местах демонстрирует особый цинизм со стороны преступников защищаемым данной статьей ценностям и способно с большей степенью вероятности оказать влияние на сознание воспринимающих данную информацию лиц. В связи с чем, целесообразно рассмотреть вопрос о введении в ст. 282 УК РФ квалифицирующего признака за совершение указанных действий в таких местах.

Изучение судебной практики позволило прийти к выводу о том, что у правоприменителей в настоящее время в большинстве случаев не возникает

трудностей с формированием критериев публичности экстремистских материалов, выложенных в публичном пространстве, в связи с чем, толкование публичности и выработка ее критериев на законодательном уровне сейчас не выглядит как актуальный вопрос.

Законодательным упущением ст. 282 УК РФ является то обстоятельство, что система ее квалифицирующих признаков, несмотря на недавнее дополнение, по-прежнему не учитывает повышенной степени общественной опасности указанных в ней преступных деяний при задействовании лицом СМИ. Подобное нивелирование специфики медийного ресурса игнорирует особый институциональный статус СМИ в механизме формирования общественного сознания и не отражает на законодательном уровне объективное приращение степени вредоносности деяния.

Из общего массива размещения информации деструктивного содержания в публичном пространстве в контексте ст. 282 УК РФ использование СМИ характеризуется сразу несколькими аспектами, среди которых наличие высокого статуса легитимности и доверия в глазах аудитории по сравнению с сообщениями и публикациями от частных лиц в мессенджерах или социальных сетях, а также гораздо больший охват аудитории, что предоставляет СМИ лучшие возможности массового воздействия на сознание людей, зачастую недоступные отдельным субъектам в рамках стандартных интернет-площадок без применения специальных алгоритмов продвижения.

Следует поддержать введение в статьи 282^1 и 282^2 УК РФ таких составов преступлений как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества (экстремистской организации), поскольку такие действия представляют собой повышенную общественную опасность, так как создают условия для функционирования этих структур.

Полагаем, однако, что законодателю также необходимо рассмотреть вопрос о введении в указанные статьи квалифицирующих признаков, учитывающих повышенную общественную опасность вовлечения в экстремистские формирования несовершеннолетних граждан.

При квалификации действий лица как участие в экстремистском сообществе, необходимо рассматривать объективную сторону этого преступления расширительно. Вопрос о необходимости вменения лицу ч. 2 ст. 282[1] УК РФ не должен зависеть от того, участвовало ли лицо непосредственно в подготовке или совершении конкретных преступлений экстремистской направленности в составе сообщества. Необходимо исходить из того, что любая деятельность, которая приносит пользу сообществу и помогает его существованию, сохранению свои связей и структуры, также несет существенную общественную опасность. Именно этот вклад в поддержание целостности сообщества дает законные основания для уголовного преследования лица и квалификации его действий по соответствующей норме уголовного закона.

Определение целей деятельности экстремистского сообщества требует широкого понимания содержания понятия «преступления экстремистской направленности». Если сводить данную категорию деяний только к преступлениям, совершенным из ненависти или вражды, круг таких преступлений окажется искусственно урезан. Так, сюда должны относиться преступления, представляющие собой объективное выражение экстремистских намерений вовне (статьи 280, 282 УК РФ и др.), а также иные преступления, посягающие на определенные общественные отношения (суверенитет, функционирование конституционного строя и др.). Авторская классификация, предложенная в настоящем исследовании, позволяет наиболее полно и последовательно определить и упорядочить весь массив преступлений экстремистской направленности.

Когда речь идет об уголовно-правой оценке выполняемых управленческих функциях в экстремистских структурах, необходимо провести детальный уголовно-правовой разбор, чтобы определить, можно ли выделять данные действия лица в самостоятельный состав преступления. Особенность руководства такими формированиями состоит в том, что отдельные организационные действия на первый взгляд могут совпадать с признаками других преступлений экстремистской направленности (распределение среди участников экстремистских материалов для

их последующего тиражирования может подпадать под их распространение в целях возбуждения ненависти либо вражды). Но разрывать единое преступное поведение на несколько самостоятельных составов здесь не требуется. Волевые и организационные действия лидера должны полностью охватываться ст. 282^1 УК РФ. Такой подход способен сделать судебную практику более последовательной и одновременно исключить необоснованное расширение обвинения. По совокупности можно вменять только те действия руководителя, которые выходят за рамки его организационно-управленческой роли и при этом затрагивают иные самостоятельные объекты охраны, например жизнь, здоровье, собственность и др.

Изучение судебной практики показало, что до сих пор нет единого подхода к оценке действий создателей, руководителей, организаторов и участников экстремистских структур, которые осуществляют сбор финансовых ресурсов для нужд данных незаконных формирований.

Если исходить из системного толкования разъяснений Верховного Суда РФ, то поиск лицом финансовой поддержки для экстремистского сообщества на этапе его создании нельзя считать отдельным посягательством. Это всего лишь один из способов выполнения функций такого лица, связанных с созданием условий для начала полноценного функционирования экстремистского сообщества, а именно начала подготовки к совершению преступлений экстремистской направленности. Точно так же и руководитель экстремистского сообщества, который ищет финансирование, лишь действует в рамках своих обязанностей по организации материального обеспечения преступного формирования. Для организатора экстремистской организации такие шаги тоже являются обычным проявлением организационно-распорядительных полномочий, направленных на продолжение либо возобновление незаконной деятельности запрещенной структуры. В данном случае необходимо исходить из того, что без материальной базы ни одна организация не сможет ни функционировать, ни возобновить свою противоправную деятельность. Поэтому дополнительное вменение лицу в таких случаях ст. 282^3 УК РФ нарушало бы запрет на двойное наказание за одно и то же деяние. К тому же санкции по ч. 1 ст. 282^1 и ч. 1 ст. 282^2 УК РФ заметно строже,

чем по ст. 282[3] УК РФ, а значит, эти нормы полностью охватывают сбор финансирования для экстремистских структур в части установленной ответственности.

Исследование также показало, что неверным является подход, при котором организация финансирования рассматривается как стандартное участие в экстремистском сообществе или организации, то есть как обычную функцию, поддерживающую функционирование структуры. Сбор финансовых ресурсов выходит за пределы ординарных функций участника незаконного формирования, что определяет самостоятельный вектор общественной опасности данного деяния. В силу этого, указанные нормы (ч. 2 ст. 282[1] УК РФ или ч. 2 ст. 282[2] УК РФ и ст. 282[3] УК РФ) не соотносятся между собой как общая и специальная. Кроме того, ч. 1 ст. 282[3] УК РФ предусматривает более строгое наказание (от 3 до 8 лет лишения свободы), чем нормы об участии в экстремистском формировании (до 6 лет лишения свободы). По правилам уголовно-правовой квалификации составы с меньшим уровнем санкции не могут поглощать самостоятельное преступное деяние, обладающее большей степенью общественной опасности.

Нам видится неверной сложившаяся практика противодействия деструктивным общественным движениям путем признания их экстремистскими организациями в рамках ст. 282[2] УК РФ (такую практику мы рассмотрели на примере «Международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»). Как показал анализ уголовных дел, суды не считают необходимым определять у данных движений какую-либо организационную структуру и конкретные цели деятельности, ограничиваясь установлением формальных признаков их причастности: выкрикивание лозунгов, наличие криминальных прозвищ и др.

Поскольку действия организаторов и руководителей экстремистских сообществ (экстремистских организаций) представляют собой большую общественную опасность, чем действия рядовых участников экстремистских структур, а также то, что организаторы и руководители, в отличие от рядовых участников, действуют с большей осознанностью своих действий (психическое

либо физического воздействие на них встречается гораздо реже), считаем целесообразным исключить из примечаний к статьям 282^1 и 282^2 УК РФ возможность освобождения данных лиц от уголовной ответственности.

Представляется, что ряд выводов, сделанных по результатам настоящего диссертационного исследования, могут быть применены при внесении законопроектов об изменении Уголовного кодекса РФ, а также при даче практических разъяснений Верховным Судом РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1.1. Международные нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. – 1995. – 5 апр. – № 67.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 3. – С. 3–44.

3. Декларация Организации Объединенных Наций о ликвидации всех форм расовой дискриминации : принята резолюцией 1904 (XVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1963 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/r18_1904.shtml (дата обращения: 17.09.2025).

4. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации : принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. – № 25. – Ст. 219.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

6. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений : принята резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 17.09.2025).

7. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и

экстремизмом : заключена в г. Шанхае 15 июня 2001 г. // Бюллетень международных договоров. – 2004. – № 1. – С. 29–36.

8. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму : заключена в г. Астане 9 июня 2017 г. // Бюллетень международных договоров. – 2020. – № 4. – С. 3–16.

9. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства» – 2000. – № 3. – С. 54–73.

1.2. Нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

10. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – 4 июля (№ 144).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.09.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (Ч. I). – Ст. 1.

13. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26. – Ст. 3385.

15. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3031.

16. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. –№ 11. – Ст. 1146.

17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму : Федеральный закон от 24 июля 2007 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № – 211.

18. О средствах массовой информации: Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 // Российская газета. – 1992. – 8 февраля. – № 32.

19. Об общественных объединениях : Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.

20. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3029.

21. Федеральный закон от 05.05.2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 19. – Ст. 2335.

22. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 02 ноября 2013 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 44. – Ст. 5641.

23. О внесении изменений в статьи 4 и 16 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» и статьи 1 и 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» : Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 215-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 30. – Ст. 4364.

24. Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018

г. № 174 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 18. – Ст. 2614.

25. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 53. – Ст. 8669.

26. О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : Указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 462/11, Министерства внутренних дел Российской Федерации № 2 от 25 июня 2024 г. // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды : методические рекомендации : утверждены Генеральной прокуратурой Российской Федерации 29 июня 1999 г. № 27-19-99 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка : проект федерального закона № 1112019-7 // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1112019-7 (дата обращения: 17.09.2025).

1.3. Зарубежные нормативные правовые акты

29. Уголовный кодекс Республики Беларусь : от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275 (дата обращения: 14.09.2025).

30. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ // Единый электронный банк правовых актов Азербайджанской

Республики. – URL: https://e-qanun.az/framework/46947 (дата обращения: 17.09.2025).

31. Code pénal de la République française : от 22 июля 1992 г. // Légifrance : le service public de la diffusion du droit. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070719/ (дата обращения: 14.06.2025).

32. Strafgesetzbuch (StGB) : от 15 мая 1871 г. // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stgb/ (дата обращения: 20.06.2025).

33. Criminal Code : R.S.C., 1985, c. C-46 // Justice Laws Website. – URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-46/ (дата обращения: 17.09.2025).

34. Bharatiya Nyaya Sanhita, 2023 : Act No. 45 of 2023 // India Code : Digital Repository of Laws. – URL: https://www.indiacode.nic.in/handle/123456789/20062 (дата обращения: 17.09.2025).

35. Закон Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» : в действующей редакции // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=h10700203 (дата обращения: 14.09.2025).

36. Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» // Министерство внутренних дел Азербайджанской Республики – URL: https://mia.gov.az/ru/legislation/1/view/53/ (дата обращения: 17.09.2025).

37. Loi du 29 juillet 1881 sur la liberté de la presse : от 29 июля 1881 г. // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGITEXT000006070722/ (дата обращения: 14.06.2025).

38. Décret № 2017-1230 du 3 août 2017 relatif aux provocations, diffamations et injures non publiques présentant un caractère raciste ou discriminatoire // Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000035373907 (дата обращения: 14.06.2025).

2. Научная и учебная литература

2.1. Научные статьи, монографии, учебники, комментарии и пособия

39. Агапов, П.В. Проблемы противодействия террористической и экстремистской деятельности (уголовно-политический аспект) / П.В. Агапов // Актуальные проблемы уголовного и уголовно-исполнительного права: сборник статей по материалам межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 16 марта 2011 г. – СПб. : НОУ СЮА, 2011. – С. 141–147.

40. Агапов, П.В. Конституционный запрет на пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (уголовно-правовой аспект) / П.В. Агапов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2018. – № 6. – С. 78–83.

41. Агапов, П.В. Проблемы уголовно-правовой оценки деятельности экстремистских организаций / П.В. Агапов, А.Г. Хлебушкин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. – М. : Проспект, 2010. – С. 438–441.

42. Агапов, П.В. Прокурорский надзор за исполнением законов в сфере противодействия проявлениям экстремизма в условиях радикализации и роста протестной активности населения: вопросы теории и практики / П.В. Агапов, В.Н. Смыслова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 6. – С. 857–858.

43. Агеев, А.А. О необходимости введения понятия «уголовный проступок» / А.А. Агеев // Человек: преступление и наказание. – 2015. – № 3 (90). – С. 126–129.

44. Алаторцев, А.Ю. Новые разъяснения Пленума Верховного Суда об уголовной ответственности за экстремизм в Интернете в контексте принципа правовой определенности / А.Ю. Алаторцев // Уголовное право. – 2017. – № 2. – С. 4–11.

45. Алексеев, С.С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Бек, 1995. – 311 с.

46. Алехин, В.П. Проблемы разграничения терроризма и экстремизма в уголовном праве: критерии дифференциации составов преступлений и их практическое применение / В.П. Алехин // Вестник экономики и права. – 2025. – № 108. – С. 58–63.

47. Алехин, Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности / Е.В. Алехин // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4. – С. 26–31.

48. Аминов, Д.И. Молодежный экстремизм : монография / Д.И. Аминов, Р.Э. Оганян ; под науч. ред. Р.А. Адельханяна. – М., 2005. – 194 с.

49. Анимоков, И.К. Криминологическая профилактика публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности / И.К. Анимоков // Право и управление. – 2024. – № 2. – С. 132–135.

50. Анисимова, И.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской и террористической деятельности как угроза безопасности / И.А. Анисимова, В.В. Ерахмилевич, Е.П. Веснина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 84–88.

51. Асмандиярова, Н.Р. Соотношение понятий экстремизма и преступлений экстремистской направленности / Н.Р. Асмандиярова, Р.Ф. Гарифуллина // Аграрно-земельное право. – 2023. – № 1 (217). – С. 125–126.

52. Ахметшин А.С. Частная теория уголовно-правового противодействия преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства / А.С. Ахметшин // Журнал прикладных исследований. – 2025. – № 4. – С. 160–166.

53. Ахъядов Э.С.-М. Сравнение законодательного регулирования экстремизма в России и зарубежных государствах / Э.С.-М. Ахъядов // Закон и право. – 2024. – № 11. – С. 185–188.

54. Беджанова, Т.Е. Противодействие религиозному экстремизму во Франции: законодательное регулирование, взаимодействие органов власти / Т.Е. Беджанова // Юридический вестник ДГУ. – 2014. – № 3. – С. 57–60.

55. Безверхов, А.Г. Административная преюдиция в уголовном праве России / А.Г. Безверхов // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права. – 2012. – С. 6–19.

56. Беляев, Н.А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации : монография / Н.А. Беляев. – Ленинград : Изд-во ЛГУ им. А. А. Жданова, 1986. – 175 с.

57. Бешукова, З.М. Преступления, связанные с осуществлением экстремистской деятельности (сравнительно-правовое исследование) : монография / З.М. Бешукова. – Пятигорск : РИА-КМВ, 2011. – 208 с.

58. Бешукова, З.М. Экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ): дискуссионные аспекты законодательного описания состава преступления / З.М. Бешукова, Л.А. Прохоров // Проблемы и перспективы противодействия современным угрозам безопасности личности, общества и государства. – 2013. – С. 41– 47.

59. Бешукова, З.М. Свобода выражения мнения и противодействие экстремизму (анализ опыта России и Канады) / З.М. Бешукова // Уголовное право. – № 4. – 2014. – С. 118–121.

60. Бодаевский, В.П. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности и наказания военнослужащих / В.П. Бодаевский // Lex russica. – 2020. – Т. 73, № 6. – С. 97–109.

61. Бодров, Н.Ф. Материалы экстремистского характера, распространяемые в сети Интернет: проблемы судебно-экспертного исследования и вопросы квалификации преступлений : монография / Н. Ф. Бодров, А. А. Бимбинов, В. Н. Воронин. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. – 160 с.

62. Болычев, Н.И. О зарубежном опыте правового регулирования противодействию экстремизму в сети Интернет / Н.И. Болычев // Вестник Воронежского института МВД России. – 2015. – № 3. – С. 209–214.

63. Борисов, Е.А. Распространение криминальной субкультуры АУЕ среди молодежи: ключевые факторы, угрозы, меры противодействия / Е.А. Борисов // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1 (85). – С. 16-21.

64. Борисов, С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности / С.В. Борисов // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 4-9.

65. Борисов, С.В. Экстремистское сообщество как вид организованной группы / С.В. Борисов // Закон и право. – 2010. – № 1. – С. 105–106.

66. Борисов, С.В. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С. В. Борисов, А.П. Дмитренко, В.А. Осипов, Е.А. Русскевич. – М. : Юриспруденция, 2012. – 117 с.

67. Борисов, С.В. Административно-правовое предупреждение правонарушений экстремистской направленности и роль органов прокуратуры / С.В. Борисов, М.В. Ульянов, Ж.Н. Липатова // Административное право и практика администрирования. – 2014. – № 5. – С. 1–15.

68. Борисов, С.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности : монография / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко; отв. ред. С.В. Борисов. – М. : Юриспруденция, 2015. – 258 с.

69. Валеев, А.Х. Причины молодежного экстремизма в России / А.Х. Валеев // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. – 2015. – № 2. – С. 127–129.

70. Власенко, В.В. Организация деятельности экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ): особенности объективной стороны и вопросы отграничения от смежных преступлений / В.В. Власенко // Уголовное право. – 2018. – № 6. – С. 22–31.

71. Власенко, В.В. Организация деятельности экстремистской организации: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: учебное пособие / В.В. Власенко. – Ставрополь : Сервисшкола, 2019. – 52 с.

72. Власов, И.С. Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / И.С. Власов, Н.А. Голованова, В.Ю. Артемов [и др.] ; отв. ред. И.С. Власов. – М. : Ин-т

законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : КОНТРАКТ, 2014. – 136 с.

73. Воронин, В.Н. Пути совершенствования уголовно-правового противодействия экстремизму / В.Н. Воронин // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – №1. – С. 62–66.

74. Голик, Ю.В. Преступность – планетарная проблема. К итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Ю.В. Голик, А.И. Коробеев. – СПб : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 280 с.

75. Горшков, Д.Ю. Публичный способ совершения экстремистских преступлений: сущность и критерии / Д.Ю. Горшков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 4 (31). – С. 149–154.

76. Грачева, Ю.В. Квалификация преступлений против основ конституционного строя / Ю.В. Грачева, В.В. Палий ; отв. ред. Д.М. Молчанов. – Москва : Проспект, 2014. – 104 с.

77. Грачева, Ю.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации / Ю.В. Грачева, С.В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 202–210.

78. Гримальская, С.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика (ст. 280 Уголовного кодекса РФ) / С.А. Гримальская // Современное право. – 2025. – № 7. – С. 103–109.

79. Дагель, П.С. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / П.С. Дагель, Г.А. Злобин, С.Г. Келина, Г.Л. Кригер [и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.М. Яковлева. – М. : Наука, 1982. – 303 с.

80. Дворянсков, И.В. Административная преюдиция в уголовном праве / И.В. Дворянсков // Пенитенциарная наука. 2023. – Т. 17, № 2. – С. – 153–162.

81. Дединкин, А.Л. Языковые проявления экстремизма в аспекте национальных законодательств Российской Федерации и Республики Беларусь /

А.Л. Дединкин // Полилингвиальность и транскультурные практики. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 86–97.

82. Демина, А.В. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-технологий в условиях новых вызовов / А.В. Демина, Ю.Н. Маторина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 2 (59). – С. 89–96.

83. Диденко, К.В. Уголовно-правовые меры противодействия публичным призывам к осуществлению экстремистской деятельности / К.В. Диденко, Т.Ю. Баранова // Актуальные проблемы применения уголовного законодательства. – 2019. – С. – 129–135.

84. Довгяло, В.К. Профилактика экстремизма в молодежной среде / В.К. Довгяло // Вестник ПГГПУ. – 2018. – № 1. – С. 22.

85. Дроздов, И.С. Признак принадлежности потерпевших к социальным группам в статье 282 УК РФ / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2024. – № 5. – С. 260–263.

86. Дроздов, И.С. Вопросы противодействия преступлениям по мотивам религиозной ненависти / И.С. Дроздов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 1 (200). – С. 392–394.

87. Дроздов, И.С. Трансформация законодательных подходов к уголовной ответственности: анализ новелл ст. 282 УК РФ / И.С. Дроздов // Юридическая наука. – 2026. – № 4. – С. 241–243.

88. Дроздов, И.С. Проблемы и перспективы дифференциации ответственности за вовлечение несовершеннолетних в экстремистские формирования // Юридическая наука. – 2026. – № 4. – С. 385–387.

89. Дурманов, Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – Москва, Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948. – 311 с.

90. Дьяков, С.В. Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность / С.В. Дьяков. – М.: Норма, 1999. – 307 с.

91. Дьяков, С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование / С.В. Дьяков. – 2-е изд., испр. и доп. СПб : Юридический центр Пресс, 2012. – 267 с.

92. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право : монография / А.Э. Жалинский. – М. : Проспект, 2004. – 560 с.

93. Зварыгин, В.Е. Уголовно-правовые проблемы классификации преступлений экстремистской направленности / В.Е. Зварыгин, А.С. Кондаков // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2022. – Т. 32, № 2. – С. 363–368.

94. Звонов, А.В. Вопросы толкования и квалификации символики и атрибутики международного общественного движения «АУЕ» / А.В. Звонов, Ю.В. Журавлева // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 3. – С. 142–150.

95. Зорин, А.В. Защита уязвимых групп граждан от преступлений экстремистской направленности: теоретические и практические аспекты / А.В. Зорин // Виктимология. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 453–462.

96. Зубок, Ю.А. Молодежь и молодежная политика в современном российском обществе // Ю.А. Зубок, Т.К. Ростовская, Н.Л. Смакотина. – М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2016. – 166 с.

97. Зыков, Д.А. Понятие, основания и принципы криминализации и декриминализации деяний / Д.А. Зыков, А.В. Шеслер // Вестник Владимирского юридического института. – № 1 (26). – 2013. – С. 85–90.

98. Иванцов, С.В. Экстремизм и организованная преступная деятельность / С.В. Иванцов // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. – Саратов, 2008. – С. 279–281.

99. Иванцов, С.В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии / С.В. Иванцов, С.В. Борисов // Научный портал МВД России. – 2022. – № 2 (58). – С. 50–57.

100. Ишигеев, В.С. Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности / В.С. Ишигеев, Я.В. Гармышев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – № 4 (49). – 2022. – С. 61–67.

101. Казакова, В.А. Дифференциация общественной опасности деяния в уголовном и административном праве / В.А. Казакова // Научный портал МВД России. – 2024. – № 4 (68). – С. 45-53.

102. Калинин, А.Ю. Правотворческие стандарты и оптимизация правотворческой деятельности в современной России : монография / А.Ю. Калинин. – М. : Издательская группа «Юрист», 2010. – 385 с.

103. Карабанова, Е.Н. К вопросу о перспективе использования административной преюдиции в уголовном праве России / Е.Н. Карабанова // Российская юстиция. 2020. – № 11. – С. 57–60.

104. Качество уголовного закона: проблемы Особенной части: монография / отв. ред. А.И. Рарог. – М. : Проспект, 2017. – 381 с.

105. Клемейнов, М.П. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» / М.П. Клемейнов, М.Г. Козловская, А.И. Савельев // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 17, № 4. – С. 75-80.

106. Клименко, Ю.А. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации / Ю.А. Клименко // Lex russica. – 2017. – № 3 (124). – С. 123–132.

107. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.И. Булавин [и др.] ; под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2009. – 1301 с.

108. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Верховный Суд Российской Федерации ; Н.И. Бирюков [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2014. – 815 с.

109. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.А. Бимбинов, С.А. Боженок, В.Н. Воронин [и др.] ; отв. ред. А.И. Рарог. – 14-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2023. – 1029 с.

110. Кондратьев, Ю.А. Проблемы совершенствования норм об организации запрещенной в Российской Федерации организации и участии в деятельности такой организации (ст. 205.5, 282.2 УК РФ) / Ю.А. Кондратьев // Вестник Российской правовой академии. – 2021. – № 2. – С. 33–39.

111. Кондратюк, С.В. Криминолого-криминалистическая профилактика экстремизма (на материале новых субъектов Российской Федерации). Часть 1. Теоретические основы криминолого-криминалистической профилактики экстремизма / С.В. Кондратюк, Р.Д. Саламов // Социальное управление. – 2025. – Т. 7, № 3. – С. 122.

112. Коробеев, А.И. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? / А.И. Коробеев, А.А. Ширшов // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 68–72.

113. Королев, Ю.А. Общественная опасность преступлений экстремистской направленности / Ю.А. Королев // Юридическая наука. – 2020. – № 8. – С. 54–57.

114. Королев, Ю.А. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности / Ю.А. Королев // Российский следователь. – 2021. – № 10. – С. 51–55.

115. Костылева, О.В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда и международные стандарты в области прав человека / О.В. Костылева // Уголовное право. – № 6. – 2018. – С. 66–80.

116. Кочои, С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика / С.М. Кочои. – М. : Проспект, 2005. – 176 с.

117. Кочои, С.М. О противодействии экстремизму / С.М. Кочои // Уголовное право. – 2006. – № 2. – С. 103–106.

118. Кочои, С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие : монография / С.М. Кочои ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московская гос. юридическая академия. – М. : Проспект, 2007. – 144 с.

119. Кочои, С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму / С.М. Кочои. – М.: Проспект, 2020. – 200 с.

120. Кочои, С.М. Нужно ли признавать отягчающим наказание обстоятельством «вовлечение несовершеннолетнего в криминальную субкультуру»? / С.М. Кочои, К.З. Трапаидзе // «Актуальные проблемы российского права». – 2022. – № 3. – С. 93–101.

121. Кочои, С.М. О качестве уголовно-правового регулирования ответственности за экстремизм и идеологический экстремизм / С.М. Кочои // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 2. – С. 240–247.

122. Красиков, В.И. Молодежные неонацистские онлайн-сообщества с риторикой политической вражды: проблемы правовой оценки и противодействия / В.И. Красиков, Е.В. Фоменко, Б.В. Яцеленко // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 147–156.

123. Криштопов, С.В. Соотношение и разграничение понятий «преступления террористической направленности» и «преступления экстремистской направленности» / С.В. Криштопов, Я.Н. Ермолович // Российский следователь. – 2022. – № 3. – С. 37–41.

124. Крупницкая, В.И. Некоторые аспекты уголовной политики государства по противодействию экстремизму на современном этапе / В.И. Крупницкая, И.В. Розумань // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4 (33). – С. 44–50.

125. Кряжев, В.С. Экстремизм реальный и экстремизм формальный: некоторые проблемы правоприменительной практики / В.С. Кряжев // Адвокатская практика. – 2024. – № 1. – С. 19-23.

126. Кузин, В.Н. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму: учебное пособие / В. Н. Кузин. – Саратов : Поволжский институт управления, 2022. – 136 с.

127. Кузнецова, Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова ; науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. – М. : Городец, 2007. – 332 с.

128. Курс российского уголовного права. Общая часть / Российская акад. наук, Ин-т государства и права ; [сост.: С.В. Бородин и др.] ; под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М. : Спарк, 2001. – 767 с.

129. Курс уголовного права в пяти томах. Том 5. Особенная часть / под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – 468 с.

130. Кунашев, А.А. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: проблемы квалификации и отграничения от смежных и конкурирующих составов / А.А. Кунашев // Уголовное право. – 2023. – № 2. – С. 25–37.

131. Лабзина, Ю.Е. Проблема влияния средств массовой информации на формирование криминального экстремизма в молодежной среде / Ю.Е. Лабзина, Е.А. Мельникова // Профилактика проявлений экстремизма, терроризма и деструктивного поведения в молодежной среде дальнего востока России : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции / под ред. М.П. Арутюнян. 2019. С. 248–252.

132. Латыпова, Д.Н. Вопросы законодательной регламентации преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ / Д.Н. Латыпова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 5. – С. 551–554.

133. Лопашенко, Н.А. Уголовно-правовая охрана конституционных прав и основ личности // Защита прав личности в уголовном праве и процессе: Сборник научных статей / под ред. Н.А. Лопашенко, С.А. Шейфера. Сер. Права человека: сферы реализации. Вып. 2. – Саратов, 2003. – С. 11–28.

134. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика : монография / Н.А. Лопашенко. – СПб : Юрид. центр Пресс, 2004. – 337 с.

135. Магомедов, Г.Б. Психологический образ личности экстремистов с точки зрения уголовного права и криминологии / Г.Б. Магомедов, Ш.М. Рашидов, М.А. Мусалов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 5 (233). – С. 331–334.

136. Магнутов, Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности: законодательно-интерпретационные аспекты / Ю.С. Магнутов // Вестник Югорского государственного университета. – 2022. – № 2 (65). – С. 155–164.

137. Макеева, И.С. О криминализации преступлений экстремистской направленности, посягающих на основы конституционного строя и безопасности государства / И.С. Макеева // Вестник Казанского юридического института МВД России. – № 4 (22). – 2015. – С. 50–55.

138. Мальцев, В.В. Малозначительность деяния в уголовном праве / В.В. Мальцев // Законность. – 1999. – № 1. – С. 15–19.

139. Малиновский, А.А. Сравнительное правоведение в сфере уголовного права : монография / А.А. Малиновский. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 372 с.

140. Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России: виды и характеристика : монография / В. В. Малиновский ; отв. ред. А.И. Чучаев. – М. : Проспект, 2009. – 192 с.

141. Масалов, А.Г. Теоретические подходы к определению сущности молодежи / А.Г. Масалов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – № 2. – 2012. – С. 102–110.

142. Маслов, В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права / В.А. Маслов // Российская юстиция. – 2024. – № 7. – С. 39–49.

143. Маякова, А.С. Специальные преступные объединения: монография / А.С. Маякова ; Государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Российская таможенная академия». – М. : Российская таможенная акад., 2017. – 182 с.

144. Мелешко, Д.М. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы / Д.М. Мелешко // Российская юстиция. – 2018. – № 1. – С. 35–36.

145. Меняйло, Д.В. АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения / Д.В. Меняйло, Ю.А. Иванова, Л.Н. Меняйло // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 3. – С. 107–111.

146. Михайлов, С.В. Юридический анализ дефиниции экстремизма / С.В. Михайлов // Судья. – 2019. –№ 4 (100). – С. 50–64.

147. Мондохонов, А.Н. Понятие экстремистской организации в Уголовном кодексе РФ / А.Н. Мондохонов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 5 (13). – С. 30–33.

148. Мондохонов, А.Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия / А.Н. Мондохонов // Уголовное право. – 2018. – № 10. – С. 83–88.

149. Мондохонов, А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика : монография / А.Н. Мондохонов. – М. : Проспект, 2021. – 287 с.

150. Мусаелян, М.Ф. Личность участника неформальных молодежных экстремистских организаций (группировок) / М.Ф. Мусаелян // Адвокат. – 2010. – № 6. – С. 22–33.

151. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций / А.В. Наумов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 781 с.

152. Николаева, Ю.В. Уголовная ответственность за государственные преступления: современный аспект / Ю.В. Николаев // Право и управление. –2022. – № 9. – С. 140–145.

153. Осадчий, М.А. Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва / М.А. Осадчий // Современные исследования социальных проблем. 2012. – № 11(19). – С. 19–33.

154. Палий, В.В. Соучастие особого рода (sui generis): понятие, сущность и основные черты / В.В. Палий // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 10. – С. 81–88.

155. Палий, В.В. Склонение, вербовка, вовлечение как средства конструирования состава преступления / В.В. Палий // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 12. – С. 114–121.

156. Пемуров, К.К. Оптимизация законодательства Российской Федерации : монография / К.К. Пемуров ; М-во образования и науки Российской Федерации, М-

во образования Московской обл., ГОУ ВПО «Московский гос. обл. социально-гуманитарный ин-т». – Коломна, Московская обл. : МГОСГИ, 2012. – 137 с.

157. Пермяков, Ю.Е. Введение в основы уголовной политики : учебное пособие / Ю.Е. Пермяков ; Самар. гос. ун-т, Каф. уголов. права и криминологии. – Самара : Самар. ун-т, 1993. – 103 с.

158. Петрянин, А.В. Личность экстремиста: криминологический аспект / А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 4 (20). – С. 106.

159. Плешаков, С.М. Экстремистское сообщество как разновидность организованной преступной группы / С.М. Плешаков // Актуальные проблемы взаимодействия общественности с органами государственной власти и органами местного самоуправления. – 2017. – С. 174–177.

160. Подчерняев, А.Н. Противодействие экстремизму уголовно-правовыми средствами : монография / А.Н. Подчерняев, В.Р. Семенов, А.И. Сорокин. – Орел : Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2019. – 87 с.

161. Прозументов, Л.М. Криминализация и декриминализация деяний : монография / Л.М. Прозументов. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. – 142 с.

162. Противодействие экстремизму: правоприменительная практика : сборник / [под ред. Г.Л. Бардиер ; принимали участие А. Аракелян и др.]. – Санкт-Петербург : Норма, 2003. – 79 с.

163. Прохоренко, Е.С. Противодействие вербовочной деятельности: уголовно-правовые и криминологические вопросы / Е.С. Прохоренко // Российский следователь. – 2025. – № 9. – С. 60–66.

164. Пудовочкин, Ю.Э. Малозначительность деяния в контексте учения об общественной опасности и о составе преступления / Ю.Э. Пудовочкин // Уголовное право. – 2025. – № 1 (173). – С. 61–83.

165. Рарог, А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Рарог // Lex russica. – 2017. – № 4. – С. 155–178.

166. Редькина, Е.А. Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности / Е.А. Редькина, М.В. Архипова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2022. – № 3 (2). – С. 240–252.

167. Российское уголовное право : учебник : в 2 т. Т. 1. [Л. В. Иногамова-Хегай и др.] ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И Рарога. ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 600 с.

168. Ростокинский, Л.В. К вопросу об ужесточении уголовной ответственности за участие в преступном сообществе / Л.В. Ростокинский // Журнал российского права. – 2007. – № 7. – С. 64–71.

169. Рузавина, А.К. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи / А.К. Рузавина // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 2. С. 26–29.

170. Румянцев, Н.В. АУЕ: миф или реальность? / Н.В. Румянцев, А.М. Фумм // Уголовно исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 1. – С. 397–401.

171. Румянцев, Н.В. Организационно-правовые вопросы противодействия экстремистской деятельности криминальных субкультур, в том числе молодежного движения АУЕ: уголовный и административно-правовой аспекты / Н.В. Румянцев // Современная наука. – 2022. – №2. – С. 52–55.

172. Саркисова, Э.А. Предупредительная роль уголовного закона / Э.А. Саркисова. – Минск : Наука и техника, 1979. – 144 с.

173. Сергун, Е.П. Некоторые проблемные аспекты в области борьбы с экстремизмом / Е.П. Сергун // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью: сборник научных трудов / под ред. Н.А. Лопашенко. – Саратов: Сателлит, 2008. – С. 297–300.

174. Серебренникова, А.В. Уголовное преследование отрицания холокоста в ФРГ / А.В. Серебренникова // Социально-политические науки. –Т. 10, № 3. – 2020. – С. 115–120.

175. Сичкаренко, А.Ю. Понятие экстремистского сообщества по уголовному законодательству России / А.Ю. Сичкаренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2014. № 4 (55). – С. 14–17.

176. Степанов, В.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности / В.В. Степанов, А.В. Струков // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 1 (27). – С. 133–140.

177. Степанов, П.П. Сто кошек все еще не стали тигром: к вопросу об административной преюдиции в современном уголовном праве России / П.П. Степанов // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2022. – № 6. – С. 42–57.

178. Сухаренко, А. Экстремизм не пройдет! / А. Сухаренко // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 30. – С. 14–16.

179. Сысоев, А.М. Криминализация деяний экстремистской направленности: современные проблемы и перспективы / А.М. Сысоев // ЧЕЛОВЕК: преступление и наказание. – 2010. – № 4 (71). – С. 32–34.

180. Таков, А.З. Организация экстремистских сообществ: проблемы в доказывании / А.З. Таков // Журнал прикладных исследований. – 2023. – № 2 (146). – С. 146–149.

181. Тамаев, Р.С. Экстремизм и национальная безопасность: правовые проблемы : монография / Р.С. Тамаев. – М. : ЮНИТИ : Закон и право, 2009. – 263 с.

182. Трахов, А.И. Бланкетность антиэкстремистских норм уголовного закона: как решить уравнение с неизвестным количеством переменных (на примере статьи 280 УК РФ)? / А.И. Трахов, З.М. Бешукова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 4. – С. 168–173.

183. Тяжкова, И.М. Экстремистские преступления как посягательства на внутреннюю безопасность государства / И.М. Тяжкова // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2012. – № 4. – С. 83–100.

184. Тер-Акопов, А.А. Уголовная политика Российской Федерации : учебное пособие / А.А. Тер-Акопов ; Международный независимый эколого-политологический университет. – М. : Издательство МНЭПУ, 1999. – 58 с.

185. Тюнин, В.И. Организация экстремистского сообщества / В.И. Тюнин // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 51–54.

186. Уголовное право России: части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2016. – 1184 с.

187. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А.И. Рарога. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2020. – 624 с.

188. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. – М. : Проспект, 2020. – 685 с.

189. Узденов, Р.М. К вопросу об определении объекта преступных проявлений экстремизма / Р.М. Узденов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – С. 464–465.

190. Фокин, М.С. Уголовная ответственность за организованную преступную деятельность: система или хаос? // Системность в уголовном праве : материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М. : ТК Велби : Проспект, 2007. – С. 446–449.

191. Фридинский, С.Н. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации / С.Н. Фридинский // Юристъ-правоведъ. – 2008. – № 4 (29). – С. 67–71.

192. Хабаров, В.А. К вопросу о понятии и квалификации преступлений экстремистской направленности / В.А. Хабаров // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2023. – С. 50–54.

193. Хабинов, С.К. Криминалистическая характеристика молодежного экстремизма в эпоху цифровых технологий / С.К. Хабинов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 4 (115). – С. 232–242.

194. Халиков, М.И. Ответственность за деятельность экстремистской организации: вопросы теории и судебной практики / М.И. Халиков // Российский судья. – 2011. – № 10. – С. 17–19.

195. Хамурзов, А.Т. Преступность в сфере информационно-коммуникационных технологий как проблема информационного общества / А.Т. Хамурзов // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 265–269.

196. Хачидогов, Р.А. Уголовно-правовая ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности в Российской Федерации / Р.А. Хачидогов // Пробелы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 45–58.

197. Хилюта, В.В. Административная преюдиция в контексте понимания преступления и его признаков / В.В. Хилюта // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2021. № 1. С. 4-11.

198. Хлебушкин, А.Г. Экстремизм: уголовно-правовой и уголовно-политический анализ : монография / А.Г. Хлебушкин ; МВД России Саратовский юридический ин-т. – Саратов : СЮИ МВД России, 2007. – 159 с.

199. Хлебушкин, А.Г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» / А.Г. Хлебушкин // Уголовное право. 2011. № 6. С. 54-60.

200. Хлебушкин, А.Г. Квалификация деятельности экстремистской организации / А.Г. Хлебушкин // Законность. – 2012. – № 3. – С. 12–15.

201. Хлебушкин, А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности / А.Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 74–81.

202. Хлебушкин, А.Г. Квалификация возбуждения ненависти либо вражды с учетом изменений, внесенных в статью 282 Уголовного Кодекса Российской

Федерации Федеральным законом от 24 июня 2025 г. № 173-ФЗ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4 (108). – С. 173–183.

203. Чернов, Д.В. Влияние средств массовой информации на рост экстремизма в среде молодежи / Д.В. Чернов // Юридические и психолого-педагогические механизмы профилактики правонарушений несовершеннолетних: история и современность : сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической школы-конференции, посвященной году защитника Отечества и 80-летию Победы в Великой отечественной войне / под ред. Гатауллина З.Ш., Мухаметгалиевой С.Х., Харисовой Э.А. Казань, 2025. С. 164–171.

204. Чернышев, С.А. Религиозный терроризм и экстремизм как угроза международной и национальной безопасности Российской Федерации / С.А. Чернышев, А.М. Журбенко, А.В. Снеговой // Вестник ВИПК МВД России. – 2025. – № 1 (73). – С. 174–180.

205. Чимаров, С.Ю. Онлайн-радикализация как социальное явление чрезвычайной ситуации криминального характера / С.Ю. Чимаров, А.А. Алексеев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 78–82.

206. Чуклина, Э.Ю. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией: понятие, механизм превентивного воздействия и виды / Э.Ю. Чуклина // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 5. – С. 107–122.

207. Шидемов, А.Г. Сравнительно-правовой анализ законодательного регулирования противодействия преступлениям экстремистской направленности в зарубежных странах / А.Г. Шидемов // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2017. – № 3-1. – С. – 188–197.

208. Шиханов, В.Н. Столкновение типов рациональности: к вопросу о причинах длительного существования дискуссий по концептуальным вопросам в уголовном праве / В.Н. Шиханов // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 1. – С. 80–86.

209. Шутова, А.А. Социальная обусловленность в уголовном праве: теоретические основы / А.А. Шутова // Виктимология. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 274–284.

210. Юдалевич, В.В. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности / В.В. Юдалевич // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции, состоявшейся 11 апреля 2020 г. – Иркутск: Иркутский государственный университет. 2020. С. 294-297.

211. Южников, А.А. Организованная группа как квалифицирующий признак состава преступления / А.А. Южников // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1, № 3. – 2021. – С. 163.

212. Яни, П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности: позиция Пленума / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2011. – № 10. – С. 11–16.

213. Янина, И.Ю. Инструменты признания криминализованного деяния уголовным проступком (на примере преступлений против личности / И.Ю. Янина // Журнал российского права. – 2020. – № 1. – С. 112–121.

214. Яхьяева, М.У. Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 282.2 УК РФ / М.У. Яхьяева // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 9. – С. 150–152.

2.2. Диссертации и авторефераты диссертаций

215. Ахметшин, А.С. Уголовно-правовое противодействие преступлениям с признаками экстремистской деятельности при обеспечении основ конституционного строя и безопасности государства : дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Ахметшин. – СПб., 2025. – 387 с.

216. Бегишев, И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робото-техникой : дис. … д-ра юрид. наук / И.Р. Бегишев. – Казань, 2022. – 506 с.

217. Бешукова, З.М. Механизм уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности: содержание, структура, основные направления оптимизации : дисс. … доктора юрид. наук / З.М. Бешукова. – Краснодар, 2020. – 632 с.

218. Борисов, С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дисс. … канд. юрид. наук / С.В. Борисов. – М., 2012. – 484 с.

219. Велиев, Ф.З. Мотив ненависти или вражды и его уголовно-правовое значение : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Ф.З. Велиев. М., 2015. 29 с.

220. Королев, Ю.А. Дифференциация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности : дисс. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2022. – 168 с.

221. Кубов, Р.Х. Особенности квалификации сложных форм соучастия : автореф. дис… канд. юрид. наук / Р.Х. Кубов – М., 2003. – 26 с.

222. Леньшин, Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук / Д.И. Леньшин. – М., 2011. – 24 с.

223. Магнутов, Ю.С. Уголовно-правовое противодействие специальным организованным формам экстремистской деятельности (ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ) : теория, техника, практика : дис. … канд. юрид. наук / Ю.С. Магнутов. – Н. Новгород, 2022. – 384 с.

224. Макеева, И.С. Уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, посягающие на основы конституционного строя и безопасность государства : дис. … канд. юрид. наук / И.С. Макеева. – Екатеринбург, 2017. – 177 с.

225. Мартынова, Т.В. Конфликтность межнациональных отношений как фактор, детерминирующий преступность : По материалам Краснодарского края : автореф. дис ... канд. юрид. наук / Т.В. Мартынова. – Краснодар, 2005. – 32 с.

226. Митюкова, Ю.А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты : дисс. канд. юрид. наук / Ю.А. Митюкова. – М., 2019. – 200 с.

227. Можегова, А.А. Экстремистские преступления и преступления экстремистской направленности по Уголовному праву Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Можегова. – М., 2015. – 169 с.

228. Петрянин, А.В. Концептуальные основы противодействия преступлениям экстремистской направленности: теоретико-прикладное исследование : дис. … д-ра юрид. наук / А.В. Петрянин. – Н. Новгород, 2015. – 490 с.

229. Попов, В.А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Попов. – Екатеринбург, 2016. – 27 с.

230. Ростокинский, А.В. Преступления экстремиссткой направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. … докт. юр. наук / А.В. Ростокинский. – М., 2008. – 470 с.

231. Сергун, Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве: дис. … канд. юрид. наук / Е.П. Сергун. – Тамбов, 2009. – 224 с.

232. Сергун, Е.П. Уголовно-правовая политика в сфере обеспечения безопасности конституционного строя Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е.П. Сергун. – М., 2014. – 40 с.

233. Славинская, А.К. Молодежный экстремизм в современной России : проблемы, решения, перспективы : дис. … канд. юрид. наук / А.К. Славинская. – Новосибирск, 2025. – 189 с.

234. Узденов, Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.М. Узденов. – М., 2008. – 29 с.

235. Фенева, В.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: дифференциация уголовной ответственности и особенности квалификации : дисс. … канд. юрид. наук / В.В. Фенева. – Краснодар, 2024. – 197 с.

236. Фридинский, С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. … канд. юрид. наук / С.Н. Фридинский. – Ростов н/Д., 2003. – 195 с.

237. Фридинский, С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России: социально-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук / С.Н. Фридинский. – М., 2011. – 42 с.

238. Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации / А.Г. Хлебушкин : автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 27 с.

239. Хлебушкин, А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации : дис. … канд. юрид. наук / А.Г. Хлебушкин. Саратов, 2007. 215 с.

240. Чернявский, Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук / Д.О. Чернявский. – М., 2017. – 214 с.

241. Юдичева, С.А. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества и участие в нем : автореф. дис. … канд. юрид. наук / С.А. Юдичева. – М., 2014. – 33 с.

2.3. Зарубежная литература

242. Şuteu, S. Law against Negation: Anti-Holocaust Denial Legislation in Europe : Master's thesis / S. Şuteu ; Central European University. – Budapest, 2008. – 139 c.

243. Lepage, A. Provocations, diffamations et injures non publiques. Le décret n° 2017-1230 du 3 août 2017 relatif aux provocations, diffamations et injures non publiques présentant un caractère raciste ou discriminatoire devant le Conseil d'État / A. Lepage // Communication Commerce électronique. – 2018. – N° 11. – Comm. 84. – C. 25–27.

3. Материалы судебной и иной правоприменительной практики

244. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу № 10692/09 от 28 августа 2018 г. «Савва Терентьев против Российской Федерации». URL: https://european-court-help.ru/delo-10692-09-savva-terentev-protiv-rossii/.

245. Постановление Европейского Суда от 11 февраля 2020 г. по делу «Атаманчук против Российской Федерации» (№ 4493/11) // СПС «Консультант Плюс».

246. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Российская газета. – 2011. – 4 июля.

247. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // СПС «Консультант Плюс».

248. О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 // Российская газета. 2018. 27 сентября.

249. Обзор судебной практики гарнизонных военных судов, подведомственных Московскому окружному военному суду, по уголовным делам и материалам за первое полугодие 2019 г. URL: http://2zovs.msk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=60.

250. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 20 июля 2006 г. № 5-о06-57 // Архив Верховного Суда РФ.

251. Кассационное Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 65-О10-1 // СПС «Консультант Плюс».

252. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07 июля 2011 г. № 8-О11-10 // СПС «КонсультантПлюс».

253. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 20 апреля 2021 г. № 222-УД21-4-А6 // СПС КонсультантПлюс».

254. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 222-УД22-47-А6 // СПС «Консультант Плюс».

255. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 13 сентября 2018 г. № 205-АПУ18-23 // СПС «КонсультантПлюс».

256. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу № 51-АПУ19-5 от 26 марта 2019 г. // СПС КонсультантПлюс».

257. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ по делу № 203-АПУ19-11 от 13 июня 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

258. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда по делу № 10-2364/2018 от 28 марта 2018 г. // СПС КонсультантПлюс».

259. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22К-7021/2018 от 16 декабря 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

260. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан по делу № 22-4102/2025 от 8 декабря 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/2zFdbE4XaWxh/.

261. Апелляционное определение Самарского областного суда по делу № 22-110/2026 от 20 января 2026 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/20eMr5u15F1O/.

262. Приговор Ленинского районного суда г. Астрахани по делу № 147/2013 от 4 февраля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

263. Приговор Кизилюртовского районного суда Республики Дагестан по делу № 118/2013 от 11 апреля 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

264. Приговор Калужского районного суда Калужской области по делу № 1629/2013 от 3 сентября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

265. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска по делу № 170/2014 от 6 июня 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

266. Приговор Свердловского областного суда по делу № 1-5/15 от 26 января 2015 г. // СПС «Консультант Плюс».

267. Приговор Мещанского районного суда города Москвы по делу № 01-0120/2016 от 24 августа 2016 г. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/4f5791a6-916a-4f53-afb3-df239b9ee2da.

268. Приговор Орджоникидзевского районного суда города Екатеринбурга по делу № 1-325/2016 от 16 ноября 2016 г. // СПС «Консультант Плюс».

269. Приговор Гороховецкого районного суда Владимирской области по делу № 1-12/2017 от 27 февраля 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/VN6cmgvgbTrC

270. Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1-26/2017 от 6 апреля 2017 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/b7OAgUQrNRgt/.

271. Приговор Приволжского окружного военного суда от 26 апреля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

272. Приговор Избербашского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-7/2018 от 30 мая 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/QrhBC9wKhs1c/.

273. Приговор Олекминского районного суда Республики Саха (Якутия) по делу № 1-85/2018 от 5 ноября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/L91rfqeVVWLP/.

274. Приговор Волжского районного суда Самарской области по делу № 1-220/2018 от 12 ноября 2018 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/IBjemehwuB4/.

275. Приговор Кызылского городского суда Республики Тыва по делу № 1-21/2019 от 13 февраля 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ – URL: https://sudact.ru/regular/doc/730xjWwxlZWT/.

276. Приговор 235-го гарнизонного военного суда по делу № 1-21/2019 от 02 апреля 2019 г. URL: https://235gvs--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13241883.

277. Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-490/2019 от 07 июня 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

278. Приговор Ботлихского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-35/2019 от 12 июня 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/uNgzSQDDBbbV/.

279. Приговор Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-61/2019 от 4 июля 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rwkVmldbwerk/.

280. Приговор Советского районного суда города Краснодара по делу № 1-529/2018 от 26 июля 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rGJzz23Fp7Hx/.

281. Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан № 1-276/2019 от 19 сентября 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/J82VMS3XcnxZ/.

282. Приговор Октябрьского районного суда города Томска по делу № 1-417/2019 от 05 ноября 2019 г. // СПС «КонсультантПлюс».

283. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия № 1-1265/2019 от 4 декабря 2019 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/hCPPM9x732Nq/.

284. Приговор Соломбальского районного суда города Архангельска № 1-156/2020 от 06 июля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/.

285. Приговор Киселевского городского суда Кемеровской области № 1-310/2020 от 26 июля 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/pp9Z2ZHRxjVQ/.

286. Приговор Екатеринбургского гарнизонного военного суда Свердловской области по делу № 1-7/2020 от 9 сентября 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RDzjdlAzE9Zv/.

287. Приговор Краснооктябрьского районного суда города Волгограда № 1-97/2020 от 22 октября 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/B3X9I0B77Bra/.

288. Приговор Тляратинского районного суда Республики Дагестан № 1-28/2020 от 27 октября 2020 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/WNNx7kHpxvWP/.

289. Приговор Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-56/2020 от 29 апреля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

290. Приговор Железнодорожного районного суда города Рязани по делу № 1-230/2021 от 06 июля 2021 г. // СПС «КонсультантПлюс».

291. Приговор Майкопского городского суда республики Адыгея № 1-596/2021 от 24 сентября 2021 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/.

292. Постановление Кировского районного суда города Санкт-Петербурга по делу № 1-555/2021 от 08 декабря 2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

293. Приговор 2-го Западного окружного военного суда по делу № 2-194/2021 от 13 декабря 2021 г. // СПС «Консультант Плюс».

294. Приговор Майкопского городского суда Республики Адыгея № 1-102/2022 от 01 февраля 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

295. Приговор Майкопского городского суда республики Адыгея № 1-242/2022 от 22 марта 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

296. Приговор Ногинского городского суда Московской области по делу № 1-356/2022 от 07 октября 2022 г. // СПС «КонсультантПлюс».

297. Приговор Ленинского районного суда города Махачкалы Республики Дагестан № 1-713/2022 от 11 ноября 2022 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/a7Qb9tGZwW6S/.

298. Приговор Новомосковского районного суда Тульской области по делу № 1-15/2023 от 26 апреля 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

299. Приговор Советского районного суда города Томска № 1-217/2023 от 24 июля 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».

300. Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан по делу № 1-102/2023 от 15 августа 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

301. Приговор Волжского районного суда города Саратова по делу № 1-259/2023 от 11 сентября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

302. Приговор Волжский городской суд Волгоградской области по делу № 1-660/2023 от 29 сентября 2023 г. // СПС «Консультант Плюс».

303. Приговор Кировского районного суда г. Красноярска по делу № 1-564/2023 от 18 октября 2023 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/HO1wd3R7jjWl/.

304. Приговор Карачаевского городского суда по делу № 1-118/2023 от 24 октября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

305. Приговор Ногинского городского суда Московской области по делу № 1-701/2023 от 1 ноября 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

306. Приговор Георгиевского городского суда Ставропольского края по делу № 1-395/2023 от 4 декабря 2023 г. // СПС «КонсультантПлюс».

307. Приговор Октябрьского районного суда города Томска по делу № 1-115/2024 от 9 июля 2024 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/LUXV44D9Cmr1/.

308. Приговор Николаевского-на-Амуре городского суда Хабаровского края по делу № 1-3/2024 от 30 июля 2024 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ghGLBKIGJGYP/.

309. Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-1798/2024 от 6 марта 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/f8uFMrEQvsrT/.

310. Приговор Каспийского городского суда Республики Дагестан по делу № 1-369/2024 от 20 апреля 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/WHzpBjL8Ksxw/.

311. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону по делу № 1-151/2025 от 20 апреля 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Y3K8ATvLh569/.

312. Приговор Кетовского районного суда Курганской области по делу № 1-45/2025 от 22 июня 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RfZiFh2bsUWq/.

313. Приговор Благовещенского городского суда Амурской области по делу № 1-569/2025 от 22 июля 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/J3Z6d1nASmHV/.

314. Приговор Октябрьского районного суда города Иркутска по делу № 1-284/2025 от 3 августа 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Rfes1Ck4de11/.

315. Приговор Пятигорского городского суда Ставропольского края по делу № 1-217/2025 от 14 августа 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/9pt5IDA8uLgO/.

316. Приговор Волгоградского областного суда по делу № 2-26/2025 от 8 сентября 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/DO20Ktg7zQgw/.

317. Приговор Урайского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры по делу № 1-7/2025 от 16 октября 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/cmobLWSNIVQj/.

318. Приговор Свердловского районного суда города Красноярска по делу № 1-806/2025 от 24 ноября 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ny09RMexwZZV/.

319. Приговор Пермского краевого суда Пермского края по делу № 2-37/2025 от 24 ноября 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/F64766UyDD1r/.

320. Приговор Балаковского районного суда Саратовской области по делу № 1-1-38/2026 от 25 января 2026 г. // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/rRt2AMuO0H1r/.

321. Архив Советского районного суда г. Казани за 2008 г. Дело № 1-72/08.

322. Архив Ангарского городского суда Иркутской области за 2022 г. Дело № 1-608/2022.

4. Интернет-ресурсы

323. Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834 (дата обращения: 25.10.2025).

324. Перечень организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации экстремистскими : официальный сайт

Министерства юстиции РФ. – URL: https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822/ (дата обращения: 31.07.2026).

325. Анархисты перешли от дел к словам // Коммерсантъ. – 1999. – 9 апреля. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/216546 (дата обращения: 28.08.2025).

326. Взорвали памятник царю // Коммерсантъ. – 1999. – 3 ноября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/208053 (дата обращения: 28.08.2025).

327. Москва вспоминает жертв теракта на Каширском шоссе // Информационный портал РБК. – 2013. – 13 сентября. – URL: https://www.rbc.ru/society/13/09/2013/57040f7b9a794761c0ce1bd5 (дата обращения: 28.08.2025).

328. «Свидетели Иеговы»: запрет навечно? // ВЦИОМ : официальный сайт. – 2017. – 25 июля. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/svideteli-iegovy-zapret-navechno (дата обращения: 06.08.2025).

329. Прямая линия с Владимиром Путиным : официальный сайт Президента России. – 2018. – 7 июня. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692 (дата обращения: 14.05.2024).

330. Статистические данные состояния преступности : официальный сайт МВД России. – URL: http://мвд.рф/reports/item/1609734/ (дата обращения: 21.02.2026).

331. Верховный Суд признал экстремистской организацией уголовную субкультуру АУЕ // Российская газета – 2020. – 2 сентября. – URL: https://rg.ru/2020/09/02/verhovnyj-sud-priravnial-ugolovnye-poniatiia-k-ekstremizmu.html (дата обращения: 26.01.2024).

332. В Санкт-Петербурге завершено расследование уголовного дела в отношении местных жителей, обвиняемых в организации деятельности экстремистской организации : официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. – 2011. – 29 ноября. – URL: https://sledcom.ru/news/item/562233 (дата обращения: 12.12.2024).

333. Суд вынес приговор по «делу двенадцати» // Коммерсантъ. – 2012. – 28 декабря. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/2100702 (дата обращения: 12.12.2024).

334. На Северном Кавказе задержали 15 религиозных экстремистов // Информационный портал РБК. – 2024. – 23 сентября. – URL: https://www.rbc.ru/politics/23/09/2024/66f1145d9a7947b723c407cb (дата обращения: 15.02.2026).

335. Громкие случаи наказаний за репосты // Коммерсантъ. – 2018. –26 июля. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3668761 (дата обращения: 01.03.2025).

336. Срок за репост: сколько в России осужденных за действия в интернете // Forbes. – 2018. – 23 ноября. – URL: https://www.forbes.ru/tehnologii/369439-srok-za-repost-skolko-v-rossii-osuzhdennyh-za-deystviya-v-internete (дата обращения: 01.03.2025).

337. «Одна из линий атак на Россию». На коллегии ФСБ Путин призвал пресекать попытки разобщить российское общество // Российская газета. – 2025. – 27 февраля. – URL: https://rg.ru/2025/02/27/vstrechnyj=nastroj.html (дата обращения: 28.02.2025).

338. Принят пакет поправок, направленных на борьбу с экстремистскими преступлениями // Адвокатская газета. – 2025. – 17 июля. – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/prinyat-paket-popravok-napravlennykh-na-borbu-s-ekstremistskimi-prestupleniyami/ (дата обращения: 07.09.2025).

339. СКР зафиксировал рост подростковой преступности на 9% в 2026 году // Коммерсантъ. – 2026. – 30 июня. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8780563 (дата обращения: 20.07.2026).

340. Совбез сообщил о росте подростковой преступности с начала 2026 года // Информационный портал РБК. – 2026. – 14 июля. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6a564abd9a794718316053a3 (дата обращения: 20.07.2026).

Приложение 1

Образец анкеты и обобщенные результаты анкетирования по исследованию вопроса обоснованности включения в перечень экстремистских организаций «Международного общественного движения «Арестантское уголовное единство»

Вопрос № 1: Ваша ученая степень.

	Д.ю.н./к.ю.н.	**Иное**
Количество ответивших	21	59
Процентное соотношение	26%	74%

Вопрос № 2: Стаж Вашей научной/профессиональной деятельности.

	менее 5 лет	**5-10 лет**	**более 10 лет**
Количество ответивших	19	35	26
Процентное соотношение	24%	44%	32%

Вопрос № 3: Есть ли, по Вашему мнению, связь АУЕ с организованной преступностью?

	Да, прямая	**Да, косвенная**	**Нет связей**
Количество ответивших	47	29	4
Процентное соотношение	59%	36%	5%

Вопрос № 4: Как Вы считаете, является ли движение АУЕ лишь «мыльным пузырем», раздутым средствами массовой информации, или же оно действительно существует?

	Существует	**«Мыльный пузырь»**
Количество ответивших	64	16
Процентное соотношение	80%	20%

Вопрос № 5: Как бы Вы охарактеризовали организационную структуру АУЕ?

	Четкая единая структура	**Сетевая модель (автономные ячейки)**	**Стихийное объединение без структуры**
Количество ответивших	24	37	19
Процентное соотношение	30%	46%	24%

Вопрос № 6: Разве российской правовой системе не хватало правовых ресурсов для борьбы с указанной деятельностью (криминализация вовлечения малолетних в совершение преступлений, вымогательства и др.)?

	Правовых ресурсов хватало	**Криминализация «АУЕ» была прямой необходимостью**
Количество ответивших	26	54
Процентное соотношение	32%	68%

Вопрос № 7: Как Вы оцениваете эффективность существующих профилактических мер (лекции в школах, мониторинг социальных сетей) для противодействия АУЕ?

	Неэффективны	**Частично эффективны**	**Эффективны, но требуют доработки**
Количество ответивших	4	53	23
Процентное соотношение	5%	66%	29%

Вопрос № 8: Какие по Вашему мнению, методы вербовки (привлечения) наиболее часто используют сторонники АУЕ?

	Социальные сети	**Через сверстников в школах/колледжах**	**Через фольклор (песни, афоризмы)**
Количество ответивших	27	45	8
Процентное соотношение	34%	56%	10%

Приложение 2

Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации»

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) в статье 280:

а) наименование статьи изложить в следующей редакции:

«Статья 280. Публичные призывы к совершению преступлений экстремистской направленности.»;

б) часть первую изложить в следующей редакции:

«1. Публичные, в том числе совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», призывы к совершению преступлений экстремистской направленности, выраженные в устных или письменных обращениях к неопределенному кругу лиц в общественных местах или на собраниях, а также распространении печатных, электронных, аудиовизуальных и иных материалов, –

[санкция].»;

в) часть вторую изложить в следующей редакции:

«2. Те же деяния, совершенные:

а) с использованием средств массовой информации;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, –

[санкция].»;

2) в статье 282:

а) часть первую изложить в следующей редакции:

«1. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично и сопряженные с оправданием или пропагандой применения насилия либо угрозы его применения, –

[санкция].»;

б) часть вторую изложить в следующей редакции:

«2. Действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично:

а) с применением насилия или с угрозой его применения;

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

г) с использованием средств массовой информации;

д) в местах, специально предназначенных для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний –

[санкция].»;

3) в статье 282^1:

а) дополнить частью четвертой следующего содержания:

«4. Деяния, предусмотренные частью первой.1 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего, –

[санкция].»;

б) примечание первое изложить в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности за его совершение.

Положения данного примечания не применяются к лицам, в действиях которых содержатся признаки преступления, указанные в части первой настоящей статьи»;

4) в статье 282^2:

а) дополнить частью четвертой следующего содержания:

«4. Деяния, предусмотренные частью первой.1 настоящей статьи, совершенные в отношении несовершеннолетнего, –

[санкция].»;

б) примечание изложить в следующей редакции:

«Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно прекратившее участие в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана экстремистской, освобождается от уголовной ответственности за его совершение. Положения данного примечания не применяются к лицам, в действиях которых содержатся признаки преступления, указанные в части первой настоящей статьи».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент

Российской Федерации